

Und

53

181.

53
1871
О СПОСОБАХЪ

ОБУЧЕНІЯ И ВОСПИТАНІЯ
СОВРЕМЕННАГО СОЛДАТА.

(ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КОМАНДИРА РОТЫ).

ИЗДАНІЕ 4-Е.

Соч. Жук. Бутовскаго.

ТОМЪ I.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ № 14.
1908.

Цѣна 80 коп.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная ул., домъ № 14.

Необходимыя свѣдѣнія и указанія по управленію
огнемъ въ бою
и на боевыхъ стрѣльбахъ. Сост. капит. *Глинскій*. Спб.,
1908 г. 40 к.

Телефоны, сигнализациі и другіе виды связи.—Вышки
у насъ и за границей.—Опи-
саніе и примѣненіе ихъ артиллеріей вообще и въ
Русско-Японской войнѣ въ частности. Сост. *А. Андреевъ*. Спб., 1906 г. 1 р.

**Бой роты и баталіона по опыту Русско-Япон-
ской войны.** Составилъ *А. Рябининъ*. Изд. 2-е, испр.
и дополненное. Спб., 1906 г. 25 к.

Небольшая, но чрезвычайно полезная и содержательная, книжка
А. Рябинина составлена подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, выне-
сеннымъ имъ съ театра войны, и такимъ образомъ является
результатомъ его непосредственныхъ наблюденій. Въ ней онъ
разсматриваетъ дѣйствія роты и баталіона въ бою, значеніе
штыка, пулеметовъ, шанцевого инструмента и останавливается
на одномъ изъ грустныхъ явленій минувшей войны—кошмаръ
отступленій. Все это изложено просто, сжато и ясно.

„Вѣстовой“ № 141.

Руководство для строевыхъ офицеровъ, произво-
дящихъ
дознанія и отдѣльныя слѣдственные дѣйствія въ мирное
и военное время. Составилъ генер.-маіоръ *Швейковскій*.
Изд. 5-е, испр. и значит. дополн. 1907 г. 50 к.

ОДОБРЕНО И РЕКОМЕНДОВАНО Гл. Упр. Воен.-Учебн.
завед. и Комитетомъ по обр. войскъ, цир. Гл. Шт. 1907 г. № 84.

„Руководство г. Швейковского, безспорно, является луч-
шимъ изъ всѣхъ руководствъ и пособій этого рода. Отличаясь
полнотой, оно въ то же самое время отличается сжатостью
изложенія, систематичностью, исправлено согласно всѣмъ новѣй-
шимъ законоположеніямъ, почему его смѣло можно рекомендо-
вать всѣмъ офицерамъ, которымъ приходится производить до-
знанія“. Гр. П. „Варшавскій Военный Журналъ“ 1902 г., № 9.

7/53
181
О СПОСОБАХЪ

ОБУЧЕНІЯ И ВОСПИТАНІЯ СОВРЕМЕННАГО СОЛДАТА.

(ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ КОМАНДИРА РОТЫ).

ИЗДАНІЕ 4-Е.

Соч. Жук. Ёутовскаго.

ТОМЪ I.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.
1908.

2503.

2011096608

Типографія Тренке и Фюсно, Максимилиановській пер., № 13.

Генераль-Лейтенантъ
Николай Дмитріевичъ
Бутовскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашей книги заключается главнымъ образомъ въ указаніи на тѣ руководящія начала, при которыхъ образованіе и воспитаніе солдата, подчиненное одной общей идеѣ, теряетъ характеръ безпорядочныхъ попытокъ и получаетъ опредѣленное стройное направленіе.

Короткій срокъ службы солдата и постоянно увеличивающіяся требованія обнаружили несостоятельность многихъ старыхъ пріемовъ, а новые пріемы далеко еще не выработаны и въ большинствѣ случаевъ очень односторонни. Хорошими пріемами мы можемъ считать только тѣ, которые соображены со всѣми сторонами солдатскаго развитія, а не преслѣдуютъ какую-нибудь одностороннюю цѣль; такъ, напримѣръ, преподаваніе строя мы можемъ считать удовлетворительнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно соображено съ интересами здоровья человѣка, его нравственности и прочее: шансы на полный успѣхъ можетъ подавать только солдатъ здоровый и въ военномъ смыслѣ—нравственный, т. е. обладающій хорошимъ служебнымъ духомъ, порождающимъ охоту къ занятіямъ.

Перечислить всѣ пріемы хорошаго воспитанія нѣтъ возможности: искусство не имѣетъ рамокъ и всегда будетъ представлять широкую область для творческой

дѣятельности ума и таланта. Мы будемъ считать нашу задачу выполненной, если читатель найдетъ въ нашемъ сборникѣ по крайней мѣрѣ главнѣйшіе приемы, дѣйствительно отвѣчающіе интересамъ современнаго военнаго развитія. Въ общемъ мы пытались намѣтить тотъ простой идеаль современнаго солдата, стремленіе къ которому мы считаемъ вполне возможнымъ при имѣющихся въ нашихъ войскахъ воспитательныхъ средствахъ.

Н. Бутовскій.

г. Иркутскъ
10 декабря 1907 г.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ КОМАНДИРА РОТЫ.

Попытка примѣнить общія задачи воспитанія къ внутреннему быту войскъ, согласуя ихъ съ военными требованіями, въ послѣднее время положительно замѣчается въ войскахъ, и намъ кажется, что ей предстоитъ блестящая будущность.

Близость офицера къ солдату, явившаяся вслѣдствіе отсутствія опытныхъ помощниковъ въ лицѣ старыхъ унтеръ-офицеровъ, дала ему возможность наблюдать въ процессѣ развитія солдата многія важныя и интересныя явленія. Оказалось, на примѣръ, что солдатъ, при внимательномъ обращеніи съ нимъ начальника, отвѣчающемъ его индивидуальнымъ особенностямъ, можетъ изучить свое дѣло гораздо скорѣе и съ меньшимъ напряженіемъ силъ, чѣмъ это было при отношеніи къ нему «свысока», которое практиковалось въ бывшее время. Оказалось также, что нравственный уровень въ солдатской средѣ, въ общемъ и въ военномъ смыслѣ, не столько зависитъ отъ привычки наружнаго подчиненія, достигаемаго строгостями муштровки, сколько отъ внутренняго сознанія долга, внушаемаго солдату извѣстными воспитательными мѣрами.

Итакъ, сближеніе съ солдатомъ открыло офицеру новую область живой и интересной дѣятельности. Главную роль въ этой дѣятельности играетъ, конечно, командиръ роты, какъ начальникъ совершенно особой единицы въ смыслѣ солдатскаго общегитія.

О томъ, какъ воспитывать роту, какіе нужно употреблять для этого приемы, нельзя найти указаній ни въ какихъ

«инструкціяхъ» и «наставленіяхъ», которыя, можно сказать, указываютъ только одну дорогу къ дѣлу, предоставляя все остальное личной инициативѣ обучающаго. Какъ пройти эту дорогу съ наименьшей потерей времени и силъ, какъ преодолѣть препятствія, а иногда и сдѣлать обходы—все это зависитъ отъ личныхъ достоинствъ ротнаго командира. Если бы все дѣло заключалось только въ твердомъ знаніи уставовъ и въ рутинномъ примѣненіи ихъ на практикѣ, то не надо было бы требовать отъ ротнаго командира ни особеннаго ума, ни таланта, ни высокихъ нравственныхъ качествъ, ни даже образованія; простой смысленный фельдфебель могъ бы съ успѣхомъ управлять ротой. Сдѣлать разборъ обучаемому матеріалу, прослѣдить достоинство извѣстныхъ приѣмовъ для передачи людямъ служебныхъ познаній, не говоря уже о воздѣйствіи на нравственныя свойства людей, можетъ только человѣкъ развитой и притомъ любящій солдата и преданный своему дѣлу.

Итакъ, на достоинства ротнаго командира, играющія такую важную роль въ дѣлѣ солдатскаго воспитанія, должно быть обращено самое серьезное вниманіе. Касаясь этого вопроса, мы сразу наталкиваемся на пробѣлъ въ нашей строевой администраціи, замѣченный уже нѣсколькими военными авторами и даже вызвавшій на практикѣ нѣсколько мѣръ, изъ которыхъ, однако, ни одна его не пополнила. Пробѣлъ этотъ заключается въ крайней неопытности или, вѣрнѣе сказать, односторонности младшихъ офицеровъ, вступающихъ въ командованіе ротами.

Вся служба младшаго офицера, собственно для роты, заключается въ помощи, приносимой имъ ротному командиру только въ строевомъ обученіи солдата, да въ передачѣ ему устныхъ служебныхъ познаній; другая существенная сторона дѣла — нравственность роты — для него какъ бы не существуетъ. Онъ даже стѣсняется подойти къ ней, боясь помѣ-

шать ротному командиру, который въ этомъ отношеніи управляетъ ротой не черезъ него, а прямо черезъ фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ; ему нѣтъ никакого существеннаго интереса наблюдать бытъ людей, вглядываться въ ихъ нравы, ибо онъ лишенъ возможности содѣйствовать развитію хорошихъ наклонностей въ людяхъ, такъ какъ всякое такое содѣйствіе можетъ быть сочтено за помѣху. Мы, конечно, допускаемъ, что ротный командиръ можетъ пригласить старшаго офицера принять участіе во внутреннемъ управленіи ротой, но для этого нужны особыя между ними отношенія, а мы говоримъ объ общепринятомъ положеніи младшаго офицера въ войскахъ. Никогда не бывало случая, кромѣ, конечно, командировокъ, гдѣ бы младшій офицеръ отвѣчалъ за поведеніе своихъ людей, не взирая на то, что онъ числится полуротнымъ командиромъ. Въ то время, какъ взводный унтеръ-офицеръ является полнымъ отвѣтчикомъ за поведеніе людей своего взвода, командиръ полуроты имѣетъ право даже не знать, что дѣлаютъ его люди въ свободное отъ занятій время. Слѣдствіемъ такого положенія является крайняя неопытность въ этой сторонѣ дѣла у всякаго молодого ротнаго командира. Отъ этой неопытности едва ли избавятъ офицера, наприимѣръ, экзамены на должность ротнаго командира. Къ этимъ экзаменамъ, по остроумному замѣчанію г. Лоссовскаго, каждый офицеръ можетъ приготовиться въ какихъ-нибудь три недѣли; да едва ли и придется готовиться къ нимъ сколько-нибудь порядочному офицеру, развѣ нужно будетъ посмотрѣть «Положеніе о ротномъ хозяйствѣ»; но намъ кажется, что рѣшительно все равно, будетъ ли онъ знать его за годъ или за недѣлю до принятія роты, если за этимъ знаніемъ тотчасъ же не послѣдуетъ практика.

Опытность младшему офицеру можетъ дать только такое положеніе, которое бы точно опредѣлило его обязанности по

внутреннему управленію ротой, какъ помощника ротнаго командира. Раздѣляя съ ротнымъ командиромъ отвѣтственность за внутренній порядокъ вообще и въ частности за хозяйство, онъ самъ бы сталъ помогать извѣстнаго участія въ надзорѣ за поведеніемъ людей и помогать бы ротному командиру проводить тѣ воспитательныя мѣры, которыя они сообща признають благотворными; онъ могъ бы помочь въ надзорѣ за кухней, за цейхгаузомъ, за отправленіемъ караульной и другой службы людьми своей роты, за добросовѣстнымъ исполненіемъ унтеръ-офицерами лежащихъ на нихъ обязанностей и проч. Такая работа доставила бы ему близкое знакомство съ людьми и право на участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ въ ротѣ; словомъ, онъ получилъ бы тотъ навыкъ въ обращеніи съ людьми, котораго, къ сожалѣнію, всегда почти не достаетъ у молодыхъ ротныхъ командировъ.

Итакъ, младшій офицеръ, игнорируя въ теченіе всей своей службы важнѣйшую сторону дѣла, именно ту, которая не играетъ почти никакой роли въ его служебныхъ успѣхахъ и неудачахъ, является, въ качествѣ ротнаго командира, чело-вѣкомъ не только одностороннимъ, но даже и не сознающимъ своей односторонности. Рѣдко приходится видѣть молодого ротнаго командира, начинающаго свое дѣло съ тщательнаго изученія нравственныхъ свойствъ людей или, такъ сказать, съ основанія службы, которое наиболѣе должно интересовать начальника; привыкнувъ только къ строевымъ успѣхамъ, онъ и здѣсь пытается выказать свои способности преимущественно на строѣ. Увлекаясь этой стороной дѣла, онъ иногда вовсе упускаетъ изъ вида состояніе служебнаго духа въ ротѣ и за это нерѣдко платится большими неудачами; случаи пьянства, самовольныя отлучки, нарушенія дисциплины, неисправности въ караульной и въ прочей службѣ скоро покажутъ ему, что труднѣйшая часть дѣла заключается вовсе не въ строѣ: на-

учить хороших людей строю можно въ нѣсколько мѣсяцевъ, но радикально измѣнить духъ въ ротѣ можно только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; вообще, передать людямъ служебныя познанія гораздо легче, чѣмъ исправить ихъ нравственность; рота, въ которой какой-нибудь пьяница пользуется вліяніемъ и даже принимается за идеалъ солдатской лихости, гдѣ хитрость, скрытность, умѣнье провести начальство считаются положительными качествами, гдѣ простой честный солдатъ считаетъ себя обойденнымъ начальствомъ и приниженнымъ товарищами, гдѣ взглядъ на службу можетъ быть выраженъ словами: «не попался—значить правъ», и т. д., такая рота требуетъ продолжительной ломки, и задача начальника можетъ считаться выполненной только тогда, когда во главѣ людей стануть его собственные питомцы, т. е. унтеръ-офицеры изъ подготовленныхъ имъ самимъ новобранцевъ, а такая замѣна можетъ совершиться только черезъ два года.

Мы, конечно, не отвергаемъ возможности улучшить распущенную роту и въ короткое время; но стараго солдата, а тѣмъ болѣе унтеръ-офицера, перевоспитать трудно, а замѣнить его некимъ, ибо въ такой ротѣ все порядочное оказывается забитымъ и негоднымъ для начальнической роли.

Вышеприведенная рота представляетъ, конечно, крайность; молодымъ офицерамъ часто приходится получать очень хорошія роты; но здѣсь вопросъ только во времени: одинъ ротный командиръ можетъ сразу натолкнуться на деморализацію, а другой можетъ встрѣтиться съ нею черезъ годъ, когда старшие унтеръ-офицеры будутъ безъ должнаго вниманія замѣнены новыми. Последнее относится, конечно, къ тому изъ молодыхъ ротныхъ командировъ, который въ теченіе цѣлаго года будетъ интересоваться только строевыми успѣхами людей и за одни эти успѣхи будетъ производить ихъ въ унтеръ-офицеры.

Итакъ, односторонность младшаго офицера можетъ при-

вести къ слѣдующимъ упущеніямъ: 1) какъ человѣкъ, не посвященный во внутреннее управленіе ротой, онъ является въ роли ротнаго командира не достаточно сознающимъ важность этого управленія, и 2) будучи приведенъ къ этому сознанию силою обстоятельствъ, онъ дѣлаетъ много ошибокъ, свойственныхъ неопытному человѣку.

Здѣсь кстати замѣтитъ, что нравственность роты отражается болѣе или менѣе и на ея строѣ: распущенные унтеръ-офицеры не могутъ быть хорошими помощниками въ строевомъ обученіи. Иллюзія младшаго офицера заключается въ томъ, что онъ, самъ того не сознавая, работаетъ на готовой почвѣ и если имѣетъ хорошихъ помощниковъ, способствующихъ его успѣхамъ, то обязанъ этимъ ротному командиру. Упадокъ строя въ ротѣ въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуетъ и объ упадкѣ ея нравственности.

Имѣя въ виду высказать нѣсколько замѣчаній по поводу воспитательныхъ задачъ командира роты, мы прежде всего коснемся матеріала, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло, или, такъ сказать, предмета воспитанія. Начнемъ съ новобранцевъ.

Изъ 30-ти новобранцевъ, ежегодно прибывающихъ въ роту, наибольшій процентъ (около 20-ти человѣкъ) принадлежитъ къ хлѣбопашцамъ; остальные 10 человѣкъ—городскіе жители: торговцы, ремесленники, фабричные, а также люди, хотя и не живущіе постоянно въ городѣ, но занимающіеся городскими заработками и потому теряющіе чистый типъ деревенскаго жителя. По національностямъ двѣ трети новобранцевъ принадлежатъ къ русскимъ; остальные—малороссы, поляки, чухонцы, латыши и проч.; встрѣчаются въ незначительномъ

процентъ татары и евреи (мы говоримъ о петербургскомъ округѣ).

Опытъ показалъ, что родъ занятій человѣка до поступленія на службу и связанное съ нимъ обращеніе въ извѣстномъ общественномъ слоѣ играютъ весьма важную роль въ нравственномъ воспитаніи солдата; что касается національности, то она имѣетъ значеніе развѣ только въ смыслѣ воспріимчивости, зависящей отъ особыхъ свойствъ характера и отъ большаго или меньшаго знанія русскаго языка; исключеніе составляютъ одни только евреи, которые всѣ могутъ быть подведены подъ одну категорію; но и здѣсь причина заключается въ однородности ихъ занятій.

Въ настоящее время, когда около десяти наборовъ прошло черезъ наши руки, мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ новобранцевъ, одѣтыхъ въ простые недубленные полушубки, въ широкіе, изъ деревенскаго сукна, шаровары и въ барашковые шапки; по этому костюму вы почти безошибочно узнаете хлѣбопашца; желтый (дубленый) полушубокъ уже наводитъ на нѣкоторое сомнѣніе: въ немъ являются преимущественно кабатчики, деревенскіе лавочники, арендаторы и вообще люди правдами и неправдами разжившіеся на счетъ своего брата. Всѣ манеры простыхъ хлѣбопашцевъ возбуждаютъ невольную къ нимъ симпатію: входя въ роту, прежде чѣмъ взглянуть на ротную обстановку, они ищутъ глазами ротный образъ, осѣняютъ себя широкимъ крестомъ и нѣсколько разъ кланяются, встряхивая по привычкѣ волосами, хотя бы они были уже острижены, — это православные хлѣбопашцы. Ихъ товарищи иновѣрческихъ исповѣданій немного отличаются по виду, но съ такими же пріятными манерами и еще болѣе скромны. На первое привѣтствіе начальника вообще всѣ хлѣбопашцы низко кланяются и открыто, непринужденно смотрятъ въ глаза; робость и застѣнчивость, сообщаемая новизной обстановки, дѣлаетъ

этихъ людей нѣсколько разсѣянными, но отвѣты ихъ спокойны, движенія не порывисты и вообще не замѣтно той отталкивающей суетливости, которая встрѣчается у людей «бывалыхъ», старающихся вамъ понравиться своей напускной расторопностью. Такая простота, свидѣтельствующая о полномъ отсутствіи фальши, добродушный тонъ голоса, нѣкоторая наивность въ отвѣтахъ и, наконецъ, цвѣтущій физическій видъ этихъ людей—все это производитъ на васъ крайне пріятное впечатлѣніе, и вы сознаете всю важность предстоящей вамъ задачи, которая будетъ заключаться въ усовершенствованіи этихъ здоровыхъ, неиспорченныхъ силъ.

Но вотъ, рядомъ съ этими людьми, вы замѣчаете проворнаго малаго, съ блѣднымъ угреватымъ лицомъ, впалыми бѣгающими глазами, одѣтаго въ изношенное, не по мѣркѣ спитое, пальто; въ рукахъ у него засаленная фуражка, на ногахъ франтовскіе сапоги съ бураками, но непремѣнно лопнувшіе или въ заплаткахъ, какъ говорится, не хозяйскіе. Онъ держитъ себя развязно, рѣдко перекрестится, входя въ роту, и непремѣнно ищетъ глазами начальника; бойко выступивъ впередъ, онъ отвѣчаетъ на его обращеніе къ новобранцамъ, заслоня своихъ товарищей, которыхъ непремѣнно третируетъ, какъ сѣрыхъ необразованныхъ мужиковъ. Вульгарныя манеры этого человѣка, плутовской взглядъ, фальшивый, слегка заискивающий тонъ голоса, нахальная увѣренность въ своей молодцоватости и полное отсутствіе даже намека на скромность — все это даетъ вамъ знать, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ тому слою общества, гдѣ развратъ пустилъ наибольшіе корни, гдѣ работа чередуется съ разгуломъ и пьянствомъ, и гдѣ рѣдко сохраняются тѣ привязанности къ чему-нибудь святому, которыя питаютъ нравственное существованіе человѣка. Такой человѣкъ можетъ служить представителемъ наиболѣе распространеннаго типа фабричнаго или

заводскаго работника. Бѣда, если его съ первыхъ же дней не обставятъ всевозможными строгостями, которыя бы устраняли малѣйшее вліяніе его на товарищей; онъ по-своему умень, востеръ, находчивъ въ шуткахъ и насмѣшкахъ надъ товарищами; его балагурство доставляетъ пріятное развлеченіе не только новобранцамъ, но и старымъ людямъ, которые сразу принимаютъ его за равнаго; онъ умѣетъ польстить унтеръ-офицерамъ и входитъ къ нимъ въ милость—и онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ является проводникомъ ловкаго обмана, безшабашнаго разгула, пьянства и даже воровства. Изъ всѣхъ наборовъ, которые прошли черезъ наши руки, ни одинъ не далъ хотя сколько-нибудь нравственнаго человѣка изъ этого слоя; если и встрѣчались люди болѣе пріятные на видъ, то скоро приходилось въ нихъ разочаровываться: склонность къ излишнему употребленію вина обнаруживалась у нихъ слишкомъ рано, въ то время, какъ ихъ товарищи не смѣли даже подумать объ этомъ. Быть можетъ, есть въ этомъ отношеніи и исключенія, но намъ, къ сожалѣнію, не приходилось ихъ наблюдать.

Изъ другихъ городскихъ жителей въ немного меньшемъ процентѣ попадаютъ въ войска мелкіе торговцы (крупные почти всегда пользуются правами по образованію), приказчики, ремесленники и проч. Эти люди несравненно нравственнѣе мастеровыхъ-поденщиковъ; но и въ нихъ есть много недостатковъ въ сравненіи съ хлѣбопашцами. Про нихъ можно сказать, что они «себѣ на умѣ»; народъ въ большинствѣ денежный, бережливый, довольно осторожный въ поведеніи; всѣ они, особенно торговцы, являются чисто одѣтыми и приносятъ съ собою много вещей, необходимыхъ для солдатскаго обихода, но за большинствомъ изъ нихъ надо присматривать: они не прочь за большіе проценты снабдить товарищей деньгами подъ залогъ какихъ-нибудь вещей, и всю службу обнаруживаютъ поползновеніе къ маклачеству. Устройство полковыхъ артелей,

снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для солдатскаго обихода, можетъ вполне парализовать этотъ вредъ; останется только быть осторожнымъ при назначеніи этихъ ловкихъ людей на хозяйственныя должности въ ротѣ, что нерѣдко случается у неопытныхъ ротныхъ командировъ. У такого человѣка, напримеръ, въ цейхгаузѣ или на кухнѣ все будетъ въ образцовомъ порядкѣ; онъ ротнаго командира, пожалуй, и не подведетъ, но зато не забудетъ и себя.

Намъ остается указать еще на людей, не владѣющихъ русскимъ языкомъ, на которыхъ принято смотрѣть какъ на самый неблагодарный матеріалъ въ дѣлѣ солдатскаго воспитанія. Въ такомъ взглядѣ мы усматриваемъ большую ошибку. Большинство изъ этихъ людей, къ которымъ въ Петербургскомъ округѣ принадлежатъ преимущественно чухонцы (поляки и малороссы не затрудняются въ пониманіи русскаго языка), очень скоро научаются говорить по-русски, а нѣкоторые даже опережаютъ своихъ товарищей въ пониманіи техническихъ выраженій, которыми изобилуютъ наши уставы; что же касается нравственности, то мы замѣтили, что даже мастеровые изъ чухонцевъ несравненно скромнѣе прочихъ людей этого слоя. Вообще чухонцы, за весьма немногими исключеніями, очень религіозны, отличаются честностью, аккуратностью и рѣдкой исполнительностью по службѣ; но надо замѣтить, что неопытность въ обращеніи съ ними ведетъ, какъ увидимъ ниже, къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ.

Взглянувъ на партію вновь прибывшихъ новобранцевъ, вы сразу обратите вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, которымъ наиболѣе чужда и непривѣтлива ихъ новая казарменная обстановка. Это чухонцы. Они стоятъ, понуря головы, съ выраженіемъ не то апатіи, не то безсмысленной покорности судьбѣ, перенесшей ихъ въ кипучую казарменную жизнь, съ оживленнымъ, незнакомымъ имъ русскимъ говоромъ, изъ ихъ не-

затѣйливой, но тихой и мирной домашней обстановки. Они жмутся въ уголь, вздыхаютъ и въ первое время до такой степени робки, что почти не смѣютъ разговаривать даже между собой. Въ то время, какъ другіе уже закуриваютъ трубки и весело знакомятся со своими земляками, чухонцы продолжаютъ уныло поглядывать на окружающую обстановку и не только не курятъ привезеннаго изъ дома табаку, но даже неохотно принимаются за пищу, а иногда и вовсе отказываются отъ нея, подъ вліяніемъ той серьезной тоски по родинѣ, которая безъ живого участія со стороны начальника можетъ развиваться въ опасную болѣзнь.

Намъ пришлось наблюдать одного чухонца, который около недѣли почти ничего не ѣлъ, не страдая при этомъ никакой физической болѣзнью; это странное состояніе сопровождалось той тупостью или, вѣрнѣе сказать, парализаціей вниманія, при которой человѣкъ рѣшительно неспособенъ усваивать даже самыя легкія познанія. Причина такого состоянія заключалась въ нашей неопытности при назначеніи къ этому новобранцу дядьки. Перемѣнивъ дядьку, мы сразу замѣтили въ новобранцѣ перемѣну къ лучшему. Вся разница, какъ оказалось, заключалась въ томъ, что первый дядька всѣ свободные часы доѣдалъ ученика выговорами за невниманіе, а другой въ тѣ же часы игралъ съ нимъ въ чехарду.

Изъ другихъ людей, отличающихся національными особенностями въ характерѣ, можно, пожалуй, указать на татаръ и евреевъ; но ихъ процентъ очень незначителенъ, и притомъ они рѣдко остаются въ строю, при чемъ татары оказываются хорошими конюхами и забираются въ обозные, а евреи — въ музыканты. Въ нравственномъ отношеніи татары намъ кажутся гораздо выше евреевъ, кромѣ того, послѣдніе невыносимы въ строю: они постоянно притворяются больными,

тяготятся солдатской службой и съ удовольствіемъ уходить на нестроевыя должности.

Ознакомившись съ матеріаломъ, которымъ комплектуется рота, попытаемся указать, какъ долженъ воспользоваться имъ ротный командиръ для поднятія нравственнаго уровня въ ротѣ. Первымъ и самымъ существеннымъ дѣломъ является въ этомъ случаѣ удачный выборъ и подготовка учителей для ожидаемыхъ новобранцевъ. Если вы не имѣли времени достаточно ознакомиться съ ротой, не торопитесь выбирать этихъ людей; лучше пусть они будутъ слабѣе подготовленными, но зато хорошо выбранными. Этотъ выборъ настолько важенъ, что для него стоитъ пожертвовать другими интересами роты; если у васъ найдется хотя одинъ хорошій взводный унтеръ-офицеръ, непременно назначайте его старшимъ учителемъ, а лучшихъ отдѣленныхъ—младшими; черезъ это вы, конечно, нѣсколько потеряете въ обученіи взвода и отдѣлений, которые попадутъ въ худшія руки, но зато черезъ полгода вы выиграете, поставивъ въ строй хорошо обученныхъ новобранцевъ. Главная же выгода предстоить въ будущемъ, когда изъ этихъ новобранцевъ вы получите желаемыхъ унтеръ-офицеровъ.

При выборѣ дядекъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы одинъ изъ нихъ былъ, если можно, инородецъ, которому можно было бы поручить его земляковъ. Это значительно облегчитъ обученіе.

Если въ ротѣ имѣется только одинъ младшій офицеръ, то намъ кажется, что его не слѣдуетъ привлекать къ занятіямъ съ новобранцами, — это дѣлается только въ его собственныхъ интересахъ, чтобы онъ самъ получилъ практику; вообще же въ такомъ случаѣ лучше ротному командиру принимать это дѣло на себя, какъ важнѣйшее и самое трудное;

Офицеру же можно поручать занятія со старыми людьми, которыя ведутся тутъ же, подъ наблюденіемъ ротнаго командира.

При обученіи учителей главное вниманіе должно быть обращено не только на сообщеніе имъ обязательныхъ познаній, по которымъ они должны держать испытаніе, но и на выработку въ нихъ умѣнья обращаться съ незнающимъ человекомъ, ибо можно отлично знать, но не умѣть передавать другому свои познанія. Наконецъ, учитель можетъ прекрасно рассказать вамъ изъ «рекрутской школы», какъ онъ долженъ обращаться съ новобранцемъ, но тутъ же можетъ стать вступикъ, если вы поставите передъ нимъ ученика. Здѣсь нужна хоть маленькая предварительная практика, но отнюдь не на новобранцахъ, которымъ жутко отъ нея придется, а на старыхъ солдатахъ: вы ставите передъ учителемъ солдата или, лучше, старшаго учителя и приказываете ему до тѣхъ поръ не исполнять командъ, пока онъ не будетъ толково объясненъ. Это лучший способъ развитія въ учителѣ не только находчивости, но и терпѣнія.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, употребляя выраженія «учитель» и «дядька», мы разумѣемъ подъ ними одно и то же лицо. Нѣкоторые ротные командиры находятъ нужнымъ приставлять къ новобранцу два лица: учителя—въ качествѣ преподавателя уставовъ, который приходитъ заниматься только въ урочные часы, и дядьку—одного изъ надежныхъ старыхъ солдатъ, который слѣдитъ за каждымъ шагомъ новобранца въ неурочное время. Мы позволимъ себѣ усомниться въ пользѣ такой мѣры: она прежде всего лишаетъ учителя возможности изучить индивидуальныя особенности новобранца; какъ слѣдствіе этого, является неумѣстная строгость въ обращеніи съ человекомъ, вовсе ея не заслуживающимъ, и слабость—съ человекомъ, котораго слѣдуетъ подтянуть; во-вторыхъ, новобранцы

усваиваютъ устные служебныя познанія не только во время урока, но и въ свободное время, разговаривая со своими дядьками; поэтому «надежный рядовой», приставляемый къ новобранцу въ свободные часы, не всегда оказывается полезнымъ человѣкомъ. Еще можно замѣтить, что выбрать изъ роты семь вполне надежныхъ по нравственности людей, которые только одни были бы при новобранцахъ, гораздо легче, чѣмъ выбрать 14; иногда такой выборъ просто невозможенъ.

По прибытіи новобранцевъ, ротный командиръ долженъ поскорѣе видѣть ихъ для того, чтобы лично сдѣлать имъ нѣсколько наставленій, касающихся не только внутреннего порядка, но и сбереженія здоровья. По возможности, лично слѣдуетъ объяснить имъ ихъ отношенія къ дядькамъ и разсѣять тотъ страхъ передъ строгостями службы, внушаемый имъ на родинѣ, который долго держитъ ихъ въ возбужденномъ состояніи,—слѣдуетъ съ перваго же шага дать понять новобранцу, что его никто пальцемъ не тронетъ, если онъ будетъ исправно содержать себя. Относительно здоровья не мѣшаетъ объяснить, какъ строго относится законъ къ членовредительству, за которое не только не увольняютъ на родину, но приговариваютъ къ весьма тяжкимъ наказаніямъ.

Для избѣжанія злоупотребленій слѣдуетъ переписать въ первый же день всѣ состоящія на новобранцахъ собственныя вещи, которыя впослѣдствіи можно разрѣшать продавать, требуя отчета въ вырученныхъ деньгахъ. Всѣ деньги, приносимыя новобранцами съ родины, ротный командиръ долженъ, какъ извѣстно, отбирать отъ нихъ, записывая въ книжки, и, по мѣрѣ надобности, выдавать на руки по мелочамъ. Это нужно сдѣлать немедленно, иначе окажется, что новобранцы раздадутъ часть своихъ денегъ землякамъ или накупятъ мало-значущихъ въ солдатскомъ обиходѣ вещей. Еще хуже или, лучше сказать, безнравственнѣе, если новобранцы окажутся

заимодавцами своихъ дядекъ, которые навѣрно прикажутъ имъ скрывать это отъ ротнаго командира, т. е. съ перваго шага станутъ учить ихъ лгать. Отобрать деньги, особенно у первой прибывки, не совсѣмъ легко: въ этомъ случаѣ всѣ безъ исключенія новобранцы болѣе или менѣе скрытны: вѣроятно, родители учатъ ихъ такъ поступать, боясь, чтобы ихъ не обманули. Гораздо легче какому-нибудь земляку выманить у новобранца деньги, обѣщая за это какое-нибудь покровительство, чѣмъ ротному командиру получить ихъ на сохраненіе. Мы замѣтили, что въ этомъ случаѣ новобранцы употребляютъ даже нѣкоторую хитрость, вынимая при первомъ вашемъ требованіи кошельки, въ которыхъ оказывается, въ большинствѣ случаевъ, одна мелочь. Въ настоящее время мы хорошо знаемъ, что у каждаго новобранца настоящій капиталъ (отъ 1 до 100 руб., а иногда и больше) зашитъ въ жилетѣ и, конечно, подвергается опасности въ ночное время, ибо, къ великому огорченію новобранцевъ, имъ въ жилетахъ спать не разрѣшается. Вы начинаете объяснять новобранцамъ, что на службѣ вы замѣняете имъ ихъ родителей, что ваша обязанность заботиться, чтобы ихъ не обокрали, что собственнымъ солдатскимъ деньгамъ ведется строгій счетъ и что, наконецъ, за скрытіе денегъ солдаты подвергаются взысканію. Хорошо, если при этомъ который-нибудь изъ новобранцевъ начнетъ молчаливо распарывать потайное мѣсто въ своемъ жилетѣ, плотно зашитое рукой матери или жены, — другіе тотчасъ же послѣдуютъ его примѣру. Въ противномъ случаѣ вамъ придется отложить это дѣло до другого и даже до третьяго дня, при чемъ слѣдуетъ, по возможности, избѣгать осмотра, который вообще производитъ нѣсколько унижающее впечатлѣніе.

При отобраніи денегъ у второй прибывки, вы можете поставить имъ въ примѣръ первую прибывку и этимъ значительно облегчите дѣло.

При всякомъ объясненіи съ инородцами, если между дядьками нѣтъ ихъ земляка, почти всегда найдется такой между старыми солдатами.

При размѣщеніи новобранцевъ въ ротѣ мы стоимъ за полное общеніе ихъ со старослужащими, но только въ такомъ случаѣ, если въ ротѣ хорошій служебный духъ; въ противномъ же и даже въ сомнительныхъ случаяхъ ихъ слѣдуетъ, насколько возможно, изолировать отъ старыхъ товарищей. Никакой надобности нѣтъ распредѣлять ихъ по взводамъ рядомъ со старослужащими, если вы сомнѣваетесь въ хорошемъ вліяніи. Въ этомъ случаѣ можно отдѣлить какое-нибудь подходящее помѣщеніе, вынести оттуда койки старыхъ людей и занять его только одними новобранцами и ихъ дядьками. Вы этимъ, конечно, не устранили знакомства новобранцевъ со старослужащими, но хотя отчасти обезпечите первымъ спокойный вечеръ, избавите ихъ отъ тѣхъ ненадежныхъ сосѣдей, которые на сонъ грядущій всегда любятъ пофилософствовать, развивая своихъ новичковъ-товарищей въ совсѣмъ невыгодную для службы сторону.

Приступая къ воспитанію вновь прибывшихъ людей, вы должны постоянно имѣть въ виду не только нравственную и умственную, но и физическую его сторону, которая состоитъ не въ однихъ физическихъ упражненіяхъ, но, главнымъ образомъ, въ заботахъ о здоровьѣ человека; поэтому слѣдуетъ позаботиться не только о томъ, что поименовано въ уставѣ внутренней службы, какъ, напримѣръ, содержаніе себя въ чистотѣ, посѣщеніе бани, и проч., но и кое о чемъ другомъ, чему научаетъ опытъ.

Первыя заболѣванія, насколько мы могли замѣтить, въ большинствѣ случаевъ заключались въ разстройствѣ желудка, происходящемъ отъ непривычки къ новой пищѣ и особенно къ новой водѣ; поэтому слѣдуетъ позаботиться, чтобы ново-

бранцы употребляли воду въ умѣренномъ количествѣ и, по возможности, пили бы чай. Далѣе головокруженіе во время занятій, которое рѣдко бываетъ у старыхъ людей и очень часто у новобранцевъ, доктора объясняютъ не только нервнымъ напряженіемъ, происходящимъ отъ избытка старанія, но и дурнымъ питаніемъ. Последнее наводитъ на мысль, что новобранцевъ, при ослабленіи надзора за кухней, обижаютъ порціями. Для устраненія этого мы приказывали обыкновенно дядькамъ ѣсть изъ однихъ чашекъ съ новобранцами, пользуясь одинаково густыми щами, но отнюдь не разрѣзывать порцій на мелкіе кусочки, какъ это вообще принято, а ѣсть каждому свою; при несоблюденіи послѣдняго, новобранцы, по своей застѣнчивости, будутъ питаться одними щами, уступая кусочки говядины дядькѣ. Всѣ подобныя заботы о новобранцѣ замѣчаются имъ гораздо больше, чѣмъ мы объ этомъ думаемъ. Разъ новобранецъ замѣтитъ, что начальникъ о немъ заботится, у него является довѣріе къ начальнику, устанавливающее между ученикомъ и обучающимъ ту нравственную связь, безъ которой дѣло воспитанія невысказанно.

Распределеніе новобранцевъ по дядькамъ тоже требуетъ нѣкотораго соображенія; менѣе благонадежныхъ людей мы находимъ нужнымъ собирать въ одну партію и назначать къ нимъ самаго требовательнаго учителя, преимущественно опытнаго, который, какъ говорится, не давалъ бы имъ спуска даже въ мелочахъ. Такіе люди другъ друга испортить не могутъ, а, будучи разбиты по партіямъ, принесутъ несомнѣнный вредъ своимъ скромнымъ и наивнымъ товарищамъ. Назначивъ къ нимъ строгаго дядьку и снабдивъ его извѣстными наставленіями, нужно слѣдить, чтобы онъ педантично держался этихъ наставленій, особенно въ свободное время, когда новобранцы другъ съ другомъ дѣлятся впечатлѣніями; особенно нужно преслѣдовать всякія задѣвающія самолюбіе насмѣшки надъ

скромностью, надъ избыткомъ старанія, которыми очень ловко умѣютъ пользоваться такъ называемые «бывалые» люди, прошедшіе огонь и воду низшихъ слоевъ городской жизни.

Дальнѣйшая парализація дурного вліянія будетъ заключаться въ вашемъ личномъ обращеніи съ людьми, о которомъ скажемъ ниже.

При разбивкѣ остальныхъ людей слѣдуетъ наблюдать, чтобы люди одной губерніи, т. е. земляки, непременно были бы вмѣстѣ; это важно, во-первыхъ, потому, что они черезъ это меньше будутъ скучать; во-вторыхъ — болѣе способные изъ нихъ будутъ помогать своимъ товарищамъ, а землякъ гораздо скорѣе пойметъ земляка, чѣмъ чужого, хотя бы послѣдній говорилъ на одинаковомъ съ нимъ нарѣчіи. Иностранцевъ слѣдуетъ также собирать въ одну партію и, за неимѣніемъ между дядьками ихъ земляка, слѣдуетъ поручить ихъ самому добродушному учителю, который бы занимался съ ними полусути; опытъ показалъ, что малѣйшая строгость съ этими людьми, пока они не обжились въ казармахъ, приводитъ ихъ въ состояніе идиотизма, а, наоборотъ, ласка вызываетъ радостное чувство благодарности и необыкновенную, лихорадочную охоту къ занятіямъ. Эти въ высшей степени скромные люди считаютъ за особенную честь человѣческое съ ними обращеніе и, какъ бы въ благодарность за это, готовы всѣми силами стараться. Стоитъ посмотрѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ чухонецъ или татаринъ ласковое объясненіе приемовъ, кивая въ тактъ объясняющему головой, и съ какой гордостью смотритъ онъ на товарищей, когда ему удастся раньше другихъ вѣрно исполнить приемъ.

Вообще передъ началомъ занятій слѣдуетъ во все войти, устроить, по возможности, всѣ удобства жилья для новобранца, чтобы онъ спалъ на чистомъ и удобномъ матрацѣ, чтобы имѣлъ одѣяло, подушки, нѣсколько перемѣнъ чистаго бѣлья; чтобы

платье, которое онъ принесъ съ собой, было бы поскорѣе отобрано и замѣнено казеннымъ для избѣжанія занесенія заразы, и проч. Иногда бываютъ случаи крайней бѣдности, въ которыхъ слѣдуетъ немедленно подавать помощь человѣку, ссужая его небольшими деньгами для приобрѣтенія необходимыхъ вещей. Только такими заботами вы можете доставить спокойствіе человѣку, освоите его съ новой обстановкой и уже затѣмъ можете требовать отъ него вниманія во время занятій.

Первые нѣсколько дней занятій съ новобранцами чрезвычайно важны въ смыслѣ перваго и, конечно, самаго сильнаго впечатлѣнія, которое производитъ на нихъ вступленіе въ область военного дѣла. Самое вредное, если это дѣло съ первыхъ же шаговъ покажется имъ труднымъ или, какъ они сами выражаются, «мудренымъ». Ничто такъ не пагубно въ дѣлѣ преподаванія, какъ разочарованіе ученика въ своихъ способностяхъ.

Чтобы не запугать новобранцевъ, мы обыкновенно назначали въ первый урокъ что-нибудь самое легкое, чтобы ихъ можно было сейчасъ же похвалить. Вообще похвала поднимаетъ духъ людей, даетъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ. Въмѣсто первыхъ словесныхъ познаній, заключающихся въ довольно сложномъ опредѣленіи знамени, присяги и проч., мы въ первый урокъ заставляли новобранцевъ отвѣчать: въ какой ротѣ, баталіонѣ и полку служатъ, какъ раздѣляются эти части и проч., чередуя эти познанія съ легкими гимнастическими упражненіями. Мы строго слѣдили за дядьками, чтобы они не сердились за дурной отвѣтъ, и черезъ это урокъ выходилъ веселымъ: если который-нибудь изъ новобранцевъ забывалъ названіе части, товарищи добродушно улыбались и подсказывали. Когда людямъ давали оправиться, они весело гуляли по ротѣ и рассказывали другъ другу заученное. Къ концу урока уже всѣ новобранцы знали почти цѣлый отдѣлъ изъ «Познаній, обязательныхъ для каждого рядового».

Въ первые годы, при недостаткѣ опыта, мы меньше обращали вниманія на сдержанность дядекъ и начинали обученіе, буквально придерживаясь программы, т. е. съ болѣе труднаго отдѣла; тогда названія частей полка, будучи введены во второй или въ третій урокъ, заучивались совсѣмъ не такъ легко и требовали неоднократныхъ повтореній.

Сейчасъ приведенный педагогическій приѣмъ и многіе ему подобныя могутъ показаться незначительными; но не слѣдуетъ забывать, что мы всю службу обязаны хлопотать о томъ, чтобы наши люди имѣли бодрый и веселый видъ; что же можетъ послужить основаніемъ этому виду, если новобранцы съ первыхъ уроковъ станутъ угрюмыми и апатичными къ дѣлу?

Установивъ извѣстныя отношенія между новобранцами и ихъ дядьками, придавъ занятіямъ такой характеръ, при которомъ строгость въ требованіяхъ не переходила бы въ гнетъ, ротный командиръ постепенно знакомится съ индивидуальными наклонностями каждаго изъ обучаемыхъ, которыя уже съ первыхъ недѣль обнаруживаются какъ вообще въ поведеніи человѣка, такъ и въ болѣе или меньшей охотѣ, съ которой онъ принимается за службу. Такое ознакомленіе крайне важно: оно покажетъ начальнику, съ кѣмъ и какъ ему нужно обращаться. Едва ли можно назвать хорошимъ начальникомъ того, который держится въ обращеніи со всѣми подчиненными одинаковаго тона: иныхъ, особенно развязныхъ людей, нужно осаживать извѣстной официальнойностью въ обращеніи; другихъ, напротивъ, слѣдуетъ поддерживать привѣтливостью, ласковымъ словомъ, частой похвалой; иной подумаетъ: «что мнѣ дядька! меня ротный командиръ любить, заступится за меня»... и на этомъ основаніи позволить себѣ всевозможныя отступленія; другой скромный, или, какъ солдаты говорятъ, «несмѣлый», можетъ остаться совершенно въ тѣни, если вы не разовьете въ немъ смѣлости особеннымъ къ нему вниманіемъ. Слѣдуетъ

также замѣтить, что не всѣ люди одинаково чувствительны къ обращенію съ ними начальника: есть люди крайне самолюбивые, которые принимаютъ близко къ сердцу не только замѣчаніе, но даже холодное обращеніе съ ними начальника и есть такіе, которыхъ, какъ говорится, ничѣмъ не проймешь. Первые представляютъ чрезвычайно благодарный матеріалъ для воспитанія: съ ними можно сдѣлать все, что угодно, не прибѣгая ни къ какимъ строгимъ понудительнымъ мѣрамъ; со вторыми съ первыхъ же шаговъ иногда приходится прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, которыя впоследствии могутъ быть замѣнены нравственнымъ вліяніемъ; а это послѣднее иногда дается начальнику не сразу, а черезъ какіе-нибудь случаи въ жизни солдата, которые нерѣдко представляются въ служебной практикѣ.

Прежде чѣмъ говорить о такихъ случаяхъ, нужно замѣтить, что разница въ обращеніи съ хорошими и дурными людьми не должна вѣстать отпечатка на заботы о ихъ нуждахъ; справедливость требуетъ одинаково заботиться какъ о хорошихъ, такъ и о дурныхъ людяхъ въ отношеніи къ ихъ общимъ нуждамъ, какъ напримѣръ: пищѣ, одеждѣ, здоровью, жилью и проч. Только при такой справедливости начальникъ становится любимымъ и можетъ рассчитывать, что его ласковое слово имѣетъ цѣну въ средѣ подчиненныхъ.

Въ первые годы командованія ротой кто изъ насъ не былъ нетерпѣливъ въ обращеніи съ тѣми изъ новобранцевъ, которые раздражали насъ своими дурными наклонностями? Такое нетерпѣніе очень вредно: выражаясь постояннымъ раздраженіемъ, оно въ состояніи перейти въ нелюбовь къ человѣку или въ неохоту о немъ заботиться. «Хотя-бы взяли куда-нибудь изъ роты этого негодяя»... думаетъ при этомъ обучающій, боясь, что этотъ солдатъ будетъ портить хорошую репутацію роты. Это чувство эгоизма, вкрадываясь въ воспитаніе, совершенно

искажаетъ его смыслъ; если разсчитывать только на однихъ хорошихъ людей, то человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, перестанетъ быть интереснымъ. Развить хорошія наклонности въ человѣкѣ, обладающемъ ими, несравненно легче, чѣмъ пробудить ихъ въ дурномъ человѣкѣ; отказываться отъ послѣдняго—значить просто отказываться отъ своихъ обязанностей.

Мы замѣтили выше, что иногда въ дѣлѣ воспитанія играетъ большую роль какой-нибудь случай въ жизни солдата, которымъ начальникъ можетъ воспользоваться для того, чтобы пріобрѣсти нравственное вліяніе на подчиненнаго. Всякій согласится, что безусловно дурныхъ людей не существуетъ, что въ самомъ дурномъ человѣкѣ есть нетронутые задатки порядочности, которые при случаѣ могутъ быть вызваны къ жизни. Случаевъ къ этому представляется много, но нѣкоторые изъ нихъ поразительны. Представимъ себѣ, напримѣръ, что какой-нибудь неисправимый солдатъ вдругъ сильно заболѣваетъ и отправляется въ госпиталь. Здѣсь надо замѣтить, что вообще болѣзнь, а тѣмъ болѣе серьезная, считается въ простомъ быту Божьимъ наказаніемъ; больной обыкновенно смиряется, становится кроткимъ и съ суевѣрнымъ страхомъ оглядывается на свое прошлое; его гнететъ отчаяніе и жгучая потребность въ чѣмъ-нибудь участіи. Если онъ лежитъ въ семьѣ, то въ это время обыкновенно происходитъ примиреніе съ тѣми членами семьи, которымъ онъ приносилъ огорченія; онъ привязывается къ нимъ, и эта привязанность иногда остается на всю жизнь. Каково же положеніе человѣка, который лежитъ трудно-больнымъ не въ семьѣ, а въ совершенно чужомъ мѣстѣ, въ непривѣтливомъ госпиталѣ, особенно, если онъ чувствуетъ за собой много дурного, лишаящаго его права на участіе сослуживцевъ? Опытъ показалъ, что достаточно начальнику навѣстить такого человѣка, сказать ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе для того, чтобы онъ потомъ всю службу находился

подъ впечатлѣніемъ необычайной благодарности; а такое впечатлѣніе способно пробудить и совѣсть и стараніе.

Мы нарочно привели этотъ примѣръ, чтобы показать, насколько иногда незначительная забота о подчиненномъ можетъ расположить его къ начальнику. Заручившись расположеніемъ людей, вы можете вполне разсчитывать, что они будутъ стараться ради вашего добраго слова и будутъ считать за наказаніе ваше холодное обращеніе съ ними.

Итакъ, узнавъ каждаго изъ новобранцевъ, обучающій, посредствомъ разницы въ обращеніи съ ними, съ самаго начала старается покровительствовать хорошимъ наклонностямъ въ людяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производитъ давленіе на дурныя, а въ крайнемъ случаѣ прибѣгаетъ и къ наказаніямъ; при этомъ, въ интересахъ самаго дѣла, онъ пользуется всякимъ случаемъ, гдѣ можно, выказать участіе къ человѣку и доказать ему свою о немъ заботу.

Много еще можно сказать о воспитательныхъ мѣрахъ, направленныхъ, на примѣръ, къ утвержденію религіозности въ человѣкѣ, о пополненіи свободнаго казарменнаго времени какимъ-нибудь полезнымъ чтеніемъ, развивающемъ въ солдатѣ хорошіе военные идеалы. Можно также сказать о мѣрахъ къ развитію чисто военныхъ качествъ въ человѣкѣ: лихости, удали, безстрашія и той сознательной дисциплины, при которой человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія отдаетъ себя въ полное распоряженіе начальника; но все это относится къ слѣдующимъ задачамъ воспитанія въ примѣненіи къ быту старыхъ солдатъ. Что касается новобранцевъ, то они располагаютъ такимъ незначительнымъ запасомъ свободнаго времени, которое только отчасти допускаетъ эту роскошь.

Не входя въ подробности программы, которая ясно опредѣлена положеніемъ, мы прямо перейдемъ къ практическимъ цѣлямъ, которыя каждый ротный командиръ долженъ имѣть

въ виду при занятіяхъ съ новобранцами. Ни въ какомъ дѣлѣ не слѣдуетъ надѣяться на невозможное: какъ бы ни было совершенно воспитаніе, вы все-таки получите въ результатѣ значительную часть людей, которыми вы будете не вполне довольны. Люди, отставшіе въ умственномъ развитіи, но хорошо выдержанные, едва ли заслуживаютъ неодобренія: они все-таки будутъ хорошими рядовыми, которые при стараніи достигнутъ и хорошей стрѣльбы, и толковаго исполненія обязанностей часового, дневальнаго и проч. Недостатокъ умственныхъ способностей нисколько не помѣшаетъ ихъ хорошему строевому виду, чистотѣ и аккуратности въ одеждѣ, заботливости о казенныхъ вещахъ и вообще всему тому, чего мы въ правѣ требовать отъ рядового. Другое дѣло—люди, отставшіе въ нравственномъ развитіи, которыхъ вамъ не удалось исправить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; съ этими людьми придется много поработать, если не для исправленія ихъ, то, по крайней мѣрѣ, для отнятія у нихъ возможности приносить вредъ. Если въ ротѣ хорошій духъ, то бываютъ случаи, что они исправляются сами собой, попавъ въ среду, которая не сочувствуетъ ихъ поведенію; но встрѣчаются и такіе люди, которыхъ всю службу приходится держать, какъ говорится, на привязи; къ нимъ обыкновенно приставляются очередующіеся дядьки, которые, подъ извѣстной отвѣтственностью, обязаны сопровождать ихъ при увольненіи со двора и даже при отправленіи службы. Такая мѣра почти гарантируетъ ихъ отъ побѣга, пьянства и слѣдующаго затѣмъ наказанія по суду. Большинство изъ нихъ оканчиваютъ благополучно свою службу, только благодаря такой мѣрѣ.

Такіе недочеты, встрѣчающіеся и при хорошемъ воспитаніи, вполне вознаграждаются блистательными результатами, получаемыми въ лицѣ людей, которые успѣваютъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если такихъ людей окажется человекъ 10—12,

то это можно считать богатымъ запасомъ для подготовки въ будущіе унтеръ-офицеры. Особыя занятія съ этими людьми принадлежать къ излюбленнымъ занятіямъ ротнаго командира. Здѣсь нужны особыя наблюденія для опредѣленія достоинствъ будущихъ унтеръ-офицеровъ: одинъ изъ нихъ кажется менѣе развитымъ, но подкупаетъ васъ своимъ ровнымъ, пріятнымъ характеромъ или тѣмъ искреннимъ стараніемъ, которое жаль оставить не награжденнымъ; другой меньше старается, но умѣетъ толково рассказывать, обѣщая быть хорошимъ учителемъ, особенно по обученію стрѣльбѣ; третій твердъ во всѣхъ отношеніяхъ, но не имѣетъ способностей къ стрѣльбѣ, и т. д.

Наше личное мнѣніе всегда склонялось къ тому, чтобы отдавать предпочтеніе безукоризненной нравственности и наибольшему усердію, такъ какъ этими качествами лучше всего обезпечивается надежность будущаго унтеръ-офицера. Недостатокъ развитія можно пополнить, но недостатокъ искренняго усердія неисправимъ; безъ усердія немыслима хорошая исполнительность; а мы всегда готовы предпочесть въ унтеръ-офицерѣ исполнительность развитію, если придется выбирать одно изъ этихъ достоинствъ: исполнительный унтеръ-офицеръ можетъ все сдѣлать, педантично придерживаясь вашихъ указаній; развитой—можетъ иногда безъ этихъ указаній обойтись, но за то требуетъ постоянного контроля, который не всегда оказывается возможнымъ.

Оставаясь вѣрными такому взгляду, мы въ большинствѣ случаевъ воспитывали унтеръ-офицеровъ изъ тѣхъ простодушныхъ и почти всегда неграмотныхъ хлѣбонашцевъ, которые отличаются наилучшей нравственностью и наибольшимъ усердіемъ. Человѣкъ, который добился унтеръ-офицерскаго званія, просиживая ночи за азбукой, будетъ несравненно больше имъ дорожить, чѣмъ тотъ, кому оно достанется почти безъ труда. На должность фельдфебеля, требующую

значительной инициативы, выбирается, конечно, наилучшій унтеръ-офицеръ, который, кромѣ исполнительности, отличался бы и выдающимся развитіемъ.

Намъ остается еще высказать нѣсколько соображеній по поводу новобранцевъ, пользующихся правами по образованію. Если бы намъ прямо поставили вопросъ: хорошо ли повліяло появленіе этихъ людей въ солдатской средѣ на развитіе ея умственныхъ и нравственныхъ силъ?—мы бы отвѣтили: въ иныхъ случаяхъ это вліяніе было хорошимъ, въ иныхъ—дурнымъ, въ большинствѣ же случаевъ образованный элементъ оканчивалъ свою службу, не оставляя слѣдовъ своего пребыванія въ войскахъ. Прежде всего нужно замѣтить, что для большинства отбывающихъ воинскую повинность образованныхъ людей военная служба не только не составляетъ призванія, но иногда они просто относятся къ ней съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, которое, въ зависимости отъ большей или меньшей порядочности человѣка, иногда проходитъ вовсе незамѣтнымъ, иногда отражается дурнымъ вліяніемъ на мало-развитыхъ товарищей. Стремленіе побороть такое предубѣжденіе силою какихъ-нибудь доводовъ намъ кажется болѣе чѣмъ наивнымъ; въ этомъ случаѣ военные законоположенія убѣдительно всего доказываютъ предубѣжденному противъ военныхъ требованій человѣку, что всякое, даже негласное, вмѣшательство въ эти требованія неблагоприятно.

Предубѣжденіе противъ военной службы выражается какъ вообще въ нелюбви къ военному дѣлу, проявляющейся больше всего въ ироническомъ отношеніи ко всѣмъ военнымъ формальностямъ, такъ равно и въ неправильномъ взглядѣ на такъ называемую военную нравственность, которая въ основныхъ своихъ принципахъ будто бы противорѣчитъ нравственности общей.

Есть ли какая-нибудь возможность внушить развитому, но тупо-предубѣжденному человѣку, а тѣмъ болѣе задавшемуся какими-нибудь узкими тенденціями, что нѣкоторыя формальности въ военной службѣ имѣютъ смыслъ, что во всякомъ дѣлѣ есть хорошія стороны, которыя можно полюбить, и что, наконецъ, военная нравственность основывается на одинаковыхъ принципахъ съ общей.

Обязанность ротнаго командира—высказать откровенно каждому образованному новобранцу, что ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до его убѣжденій, но чтобы онъ зналъ, что каждый дурной его шагъ, каждое неосторожное слово будутъ извѣстны начальнику и будутъ преслѣдоваться по всей строгости законовъ. Не мѣшаетъ также объяснить ему, что даже съ хорошими намѣреніями слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ, такъ какъ всякое неудачное выраженіе можетъ быть перетолковано въ дурномъ смыслѣ и повести къ непріятностямъ. Слѣдуетъ точно опредѣлить такому новобранцу его обязанности какъ рядового, исполненіе которыхъ вполнѣ гарантируетъ его отъ непріятностей. Если все это исполнено и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы увѣрены въ хорошемъ служебномъ духѣ своихъ людей, то это вполнѣ гарантируетъ роту отъ дурного вліянія со стороны человѣка, не сочувствующаго военнымъ требованіямъ. Взводные изъ мужичковъ являются въ этомъ случаѣ наилучшимъ оплотомъ, который никогда не потерять, какъ выражаются солдаты, «неладныхъ толковъ».

Что касается политической агитаціи, то она въ казармахъ при хорошемъ воспитаніи рѣшительно немыслима: всякій ротный командиръ, хорошо организовавшій внутреннее управленіе у себя въ ротѣ, на всякое предположеніе о возможности подобной агитаціи можетъ отвѣчать только иронической улыбкой; но это нисколько не мѣшаетъ видѣть въ подобной аги-

таціи не одинъ мигъ, а нѣчто реальное, способное привиться на подходящей почвѣ.

Если большинство новобранцевъ изъ образованныхъ классовъ уходятъ со службы обыкновенными рядовыми, не оставляя послѣ себя слѣдовъ хорошаго вліянія, то нельзя сказать этого обо всѣхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы нашли не только образцовую служебную порядочность, благотворно дѣйствующую на товарищей, но и помощь въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда проведеніе какой-нибудь воспитательной мѣры требуетъ постоянного личнаго присутствія развитого человѣка

Если всѣ новобранцы, за весьма немногими исключеніями, старательны, чувствительны къ мельчайшимъ замѣчаніямъ и вообще съ большой охотой относятся къ службѣ, то этого далеко нельзя сказать о старослужащихъ. Избытокъ старанія у новобранцевъ иногда свидѣтельствуетъ только о степени ихъ возбужденности и не всегда можетъ быть принимаемъ за постоянную черту характера человѣка: опытъ показалъ, что иногда наилучшій новобранецъ, войдя въ колею стараго солдата, становится апатичнымъ къ службѣ и норовитъ работать только тамъ, гдѣ его могутъ замѣтить. Такое положеніе ясно указываетъ на необходимость извѣстныхъ воспитательныхъ мѣръ, направленныхъ къ развитію въ старослужащемъ солдатѣ охоты къ своему дѣлу.

«Много и почти исключительно занимались тѣмъ, чтобы солдатъ зналъ свое дѣло и могъ его исполнять, но тѣмъ, чтобы онъ и желалъ его исполнять, не занимались». Это правдивое и, можно сказать, знаменательное замѣчаніе принадлежитъ эрцъ-герцогу Іоанну, автору статьи: «Муштровка или воспитаніе»? ¹⁾.

Мысль о томъ, что солдату необходимо охотно относиться къ своему дѣлу, получила важное значеніе сравнительно въ недавнее время, когда муштровка или, такъ сказать, ремесленная сторона военного искусства значительно сузилась и уступила мѣсто развитію.

Мы рѣшаемся утверждать, что солдатъ, поступая на службу, не приносить съ собой рѣшительно никакой охоты къ тому необычному для него дѣлу, которое его заставляютъ исполнять; вся она находится въ полной зависимости отъ воспитанія, которое онъ получаетъ, состоя на службѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на общее положеніе солдата, чтобы изслѣдовать, нѣтъ ли въ его жизни или въ домашнемъ воспитаніи нѣкоторыхъ общихъ причинъ, побуждающихъ его не только охотно служить, но и любить развиваемое въ немъ искусство. Къ сожалѣнію, опытъ глубоко убѣдилъ насъ въ томъ, что такихъ причинъ въ дѣйствительности не существуетъ. Оставьте солдата безъ воздѣйствія на его нравственные свойства, безъ разумнаго преподаванія, внушающаго интересъ къ искусству, и вы получите въ результатѣ чловѣка, буквально ненавидящаго службу, тоскующаго по родинѣ и отъ скуки занимающагося пьянствомъ и развратомъ. Какъ на одну изъ побуждающихъ къ службѣ причинъ, нѣкоторые указываютъ на призваніе чловѣка къ военному дѣлу но оно принадлежитъ единичнымъ личностямъ, которыя не всегда выдерживаютъ столкновеніе съ неблагоприятной обстановкой. Далѣе, — всѣмъ извѣстно, что русскій простолюдинъ является во всѣхъ случаяхъ образцовымъ носителемъ своей присяги; но глубоко ошибаются тѣ, которые приписываютъ этой присягѣ охотное исполненіе хорошимъ солдатомъ всѣхъ лежащихъ на немъ обязанностей: присяга, которую еще до поступленія на службу внушила солдату его семья, традиціи его родины, та реальная, если такъ можно выразиться, присяга,

которую солдатъ дѣйствительно носить въ своемъ сердцѣ и имѣть въ мысляхъ, цѣлуя крестъ и евангеліе, заставляетъ его охотно и даже съ видимымъ увлеченіемъ умирать за родину и Государя, дѣлаетъ изъ него надежнаго охранителя важныхъ постовъ; но она никакимъ образомъ не можетъ заставить человѣка полюбить, напримѣръ, стрѣльбу, одиночную выправку, гимнастику, а тѣмъ болѣе разныя военныя формальности, которыя подчасъ бываютъ надобѣдливы.

Еще болѣе ошибаются тѣ, которые полагаютъ причину охотнаго отношенія солдата къ службѣ въ перспективѣ нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ, выпадающихъ на долю лучшихъ нижнихъ чиновъ; такой, сравнительно низменной, причины не существуетъ для старослужащихъ уже потому, что служебная карьера рядового вполнѣ заканчивается черезъ два года по поступленіи его на службу; но, однако, есть рядовые, не ожидающіе никакихъ служебныхъ повышеній, но охотно и даже съ самоотверженіемъ исполняющіе до послѣдняго дня своей службы самыя скучныя и надобѣдливыя служебныя требованія.

Въ чемъ же заключается истинная причина охотнаго отношенія солдата къ своему дѣлу? Она заключается въ нравственномъ и умственномъ развитіи, которое солдатъ получаетъ, состоя на службѣ.

Нравственнымъ развитіемъ обусловливается существованіе прочной военной семьи, которую солдатъ любить и охотно принимаетъ всѣ ея обычаи. Начальникъ, вызвавшій къ жизни такую семью, становится ея главою и приобрѣтаетъ наилучшее орудіе власти—нравственное вліяніе, при которомъ совѣсть и самолюбіе подчиненныхъ заставляютъ ихъ такъ относиться къ своимъ обязанностямъ, чтобы не заслужить упрека. Однако, безупречное отношеніе къ обязанностямъ службы, обусловливаемое общей нравственностью, нисколько не дѣлаетъ изъ сол-

дата мастера своего дѣла; можно съ большой охотой и добросовѣстно прослужить всю службу и въ концѣ концовъ не быть твердымъ въ своемъ искусствѣ; мало того: наилучшій солдатъ, исполняя съ удовольствіемъ всѣ служебныя требованія, все-таки будетъ смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто пустое, ничего не стоящее, въ сравненіи съ тѣмъ серьезнымъ дѣломъ, которое онъ бросилъ на родинѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что нравственное развитіе порождаетъ въ солдатѣ охоту вообще ко всей службѣ, независимо отъ ея содержанія; умственное развитіе, получаемое солдатомъ въ военной школѣ, этого сдѣлать не можетъ, но зато даетъ осмысленную охоту къ нѣкоторымъ занятіямъ, представляющимъ умственный интересъ.

Къ сожалѣнію, весьма рѣдко можно встрѣтить на практикѣ вполне разумную военную школу, построенную на прочной нравственной почвѣ; въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются односторонности: либо увлеченіе искусствомъ игнорируетъ общую надежность солдата по отношенію къ черной работѣ и ко всѣмъ формальностямъ, либо наоборотъ.

Наблюдая за проявленіемъ въ солдатѣ охоты къ своему дѣлу, мы можемъ указать на слѣдующіе два ея вида, наиболѣе встрѣчаемые въ войскахъ: 1) Одинъ солдатъ съ удовольствіемъ, а иногда даже и съ самоотверженіемъ готовъ исполнять всякое поручаемое ему дѣло, совершенно не интересуясь его содержаніемъ; онъ съ одинаковой охотой идетъ въ караулъ, на ученье, стрѣляетъ, носить для роты дрова, исполняетъ всевозможныя формальности, — и все это дѣлаетъ съ удовольствіемъ просто потому, что, во-первыхъ, онъ самъ человѣкъ выдержанный, а, во-вторыхъ, въ ротѣ такой духъ, который не допускаетъ иного отношенія къ службѣ. Словомъ, про такого человѣка можно сказать: примѣрный, надежный во всѣхъ отношеніяхъ исполнитель, но дурной стрѣлокъ, ненаходчивъ въ цѣпи и вообще теряющійся во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно приложить

свой собственный умъ. 2) Другой солдатъ охотно относится только къ нѣкоторымъ предметамъ обученія, но зато интересуется ихъ содержаніемъ и увлекается развитіемъ въ себѣ искусства; между тѣмъ онъ каждый разъ вздыхаетъ и жалуется товарищамъ на утомленіе, когда приходится идти въ караулъ, на ученіе, на работу; стоитъ небрежно на часахъ, любитъ непозволительныя развлеченія и относится проницательно ко всѣмъ военнымъ формальностямъ; словомъ, представляетъ изъ себя человѣка, про котораго можно, напримѣръ, сказать: негодяй, но отличный стрѣлокъ и молодецъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется находчивость.

Который же изъ этихъ видовъ охоты къ службѣ слѣдуетъ считать болѣе удовлетворительнымъ? Что касается нашего мнѣнія, то мы всегда готовы предпочесть первый второму: хорошихъ людей легче сдѣлать мастерами своего дѣла, чѣмъ безнравственныхъ мастеровъ хорошими людьми; но и первый видъ охоты къ службѣ представляетъ большой недостатокъ воспитанія: разумная военная школа должна заботиться одинаково какъ о нравственномъ, такъ и объ умственномъ развитіи солдата, приводя ихъ въ гармоническое соединеніе; высшая и конечная цѣль такой школы—разумная исполнительность, сопровождаемая умѣньемъ, а при высшемъ развитіи—и самопочиномъ.

Теперь обратимся къ быту солдата и попытаемся прослѣдить дѣйствіе на его умъ и характеръ нѣкоторыхъ воспитательныхъ мѣръ, зависящихъ отъ личнаго усмотрѣнія начальника. Разсматривая солдата, какъ члена военной семьи, мы прямо можемъ сказать, что даже хорошій человѣкъ будетъ безусловно дурнымъ солдатомъ, если онъ не любитъ своей роты. Только человѣкъ, привязанный къ своей семьѣ, можетъ

дорожить ея добрымъ именемъ и относиться съ искренней охотой ко всякой работѣ на пользу этой семьи, хотя бы даже такая работа, сама по себѣ, нисколько его не интересовала. Наоборотъ, — всякая работа, даже отвѣчающая призванію, можетъ прійтись человѣку не по сердцу, если ея результатами поддерживается хорошая репутація совершенно чужихъ людей, хотя, впрочемъ, увлеченіе искусствомъ допускаетъ и исключенія.

Итакъ, еще разъ повторяемъ, что солдатъ можетъ охотно относиться вообще къ службѣ только для роты, если онъ ее любитъ; всѣ факты, какъ бы противорѣчащіе этому положенію, имѣютъ въ основаніи самыя непрочныя и притомъ низменныя побудительныя причины: привычка угождать старшему, выражающаяся въ стараніи только на глазахъ у начальника, боязнь наказанія и прочее. Отсюда слѣдуетъ, что, воспитывая солдата, прежде всего нужно поставить его въ такое положеніе, чтобы хорошему человѣку хорошо жилось въ своей ротѣ и было бы за что любить ее; достигнувъ этого, вы будете имѣть дѣло не съ угнетеннымъ человѣкомъ, жалующимся на свою судьбу, а съ настоящимъ солдатомъ, представляющимъ прекрасный матеріалъ для развитія въ немъ не только любви къ искусству, но и лучшихъ военныхъ наклонностей.

Въ чемъ же заключается та хорошая обстановка, которая заставляетъ солдата любить свою роту? Она заключается въ хорошемъ нравственномъ духѣ роты, о которомъ мы говорили въ предыдущей статьѣ, въ хорошо организованной ротной администраціи, привѣтливо принимающей вновь прибывающаго солдата подъ свое покровительство и окружающей его заботами и справедливостью. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ человѣка, оторваннаго отъ семьи и брошеннаго въ кругъ совершенно чужихъ для него людей. Онъ находится подъ впечатлѣніемъ прощанія съ родными, которые провожали его

со слезами, воображая, что онъ идетъ на какую-то муку ¹⁾, — и вдругъ этотъ человѣкъ встрѣчаетъ привѣтливую обстановку, заботы и справедливость, напоминающія ему его собственную семью; всматриваясь далѣе, онъ замѣчаетъ, что всѣ строгости военной службы касаются только испорченныхъ людей и что всякій солдатъ имѣетъ возможность своимъ хорошимъ поведениемъ вполне оградить себя отъ какихъ бы то ни было непріятностей; онъ постепенно сходится съ товарищами, привязывается къ своимъ начальникамъ, начинаетъ любить свой мундиръ и сопряженные съ нимъ извѣстныя формальности и съ полной охотой отдается общему дѣлу — службѣ. Наоборотъ, — представимъ себѣ, что тотъ же человѣкъ попадаетъ въ руки дядькѣ, который выманиваетъ у него деньги, объѣдаетъ въ казенномъ довольствіи, хуже обращается съ нимъ, чѣмъ съ его товарищемъ, съ котораго взялъ большую взятку; представимъ его окруженнымъ старослужащими, которые норовятъ выпить на его счетъ, смѣются надъ его стараніемъ и вообще надъ службой, учатъ его разнымъ хитростямъ и прочее. Представимъ еще, что этому человѣку рѣшительно не на кого надѣяться, ибо его ротный командиръ такъ далекъ отъ него, что составляетъ о немъ мнѣніе на основаніи заявленій тѣхъ самыхъ дядекъ, которые съ нимъ несправедливы. Онъ сразу замѣчаетъ, что въ ротѣ хорошо живется не хорошимъ людямъ, а только тѣмъ, которые умѣютъ хитрить и поддѣлываться къ старшимъ. Возможно ли, чтобы при такой обстановкѣ солдатъ могъ полюбить свою роту?

Мы, конечно, взяли крайность; рѣдко можно встрѣтить роту, соединяющую въ себѣ всѣ приведенные недостатки, но

¹⁾ Такое понятіе о военной школѣ почему-то ходитъ еще въ народѣ, больше вѣрящемъ старымъ солдатамъ, рассказывающимъ легенды о своей выносливости, чѣмъ своимъ дѣтямъ, возвращающимся со службы на родину.

достаточно даже одного изъ нихъ, чтобы возбудить антипатію къ военной семьѣ во вновь прибывающемъ солдатѣ.

Въ предыдущей статьѣ мы коснулись тѣхъ воспитательныхъ мѣръ, которыми, какъ намъ кажется, достаточно уже обезпечивается благопріятная обстановка для прибывающаго въ роту новобранца; но хорошій нравственный составъ роты, при которомъ только и возможна общая охота къ службѣ, составляетъ самъ по себѣ только удобную почву для развитія военной школы; послѣдняя нуждается въ особыхъ воспитательныхъ мѣрахъ, которыя должны сопровождать преподаваніе: надо, чтобы общая охота къ службѣ мотивировалась не одной привязанностью солдата къ ротѣ, но и умственнымъ интересомъ; для этого необходимо, чтобы эта охота получила разумное приложеніе и была бы обращена къ главнымъ цѣлямъ обученія, иначе солдатъ, съ удовольствіемъ исполняя службу, никогда не догадается, что отъ него требуютъ не только техническаго исполненія разныхъ приемовъ, но и сознательнаго искусства, которое онъ долженъ любить и самъ въ себѣ развивать. Мы наблюдали поразительные примѣры неумѣлаго преподаванія: хорошіе старательные солдаты, которые лихо отчеканивали прикладку и бойко рассказывали о причинахъ невѣрности выстрѣловъ, выйдя на стрѣльбу, совсѣмъ не могли примѣниться къ вѣтру, къ солнечному освѣщенію, сваливали прицѣлъ, дергали за спускъ и вообще не умѣли правильно приложиться. Анализируя это явленіе, интересное въ психологическомъ отношеніи, можно прійти къ такому выводу: обучаясь стрѣльбѣ, эти люди не усматривали въ ней конечной цѣли своихъ упражненій и въ дѣйствительности вовсе ею не интересовались; значитъ, самые приемы обученія направляли вниманіе людей только на ближайшія цѣли, заключающіяся въ красивомъ исполненіи приемовъ и въ бойкости устныхъ отвѣтовъ. Оттого эти люди

совершенно растерялись, очутившись передъ настоящими мишенями.

Для того, чтобы человекъ не сталъ втупикъ передъ какимъ-нибудь предметомъ, недостаточно уметь технически опредѣлять этотъ предметъ и знать тѣ приемы, которыми въ извѣстномъ случаѣ нужно воспользоваться; для этого необходима еще практика воображенія, т. е., чтобы человекъ предварительно развилъ въ себѣ представленіе о разныхъ положеніяхъ по отношенію къ этому предмету; а это возможно только при живомъ интересѣ, который долженъ быть развитъ въ обучаемомъ по отношенію къ главной цѣли обученія. Солдатъ, думающій только объ эффектѣ, производимомъ красивыми приемами и бойкимъ устнымъ отвѣтомъ, и потому не привыкшій воображать себя передъ настоящею мишенью, не говоря уже о непріятелѣ, выйдя на стрѣльбу, въ большинствѣ случаевъ не обнаруживаетъ никакой находчивости; онъ точно приступаетъ къ совершенно незнакомому дѣлу и не знаетъ, о чемъ больше беспокоиться: о томъ ли, чтобы попасть своею пулею, или о томъ, чтобы не обнаружить неловкости въ приемахъ; инстинктъ подсказываетъ ему послѣднее, ибо за это приходилось много разъ отвѣчать,—и пуля пускается на вѣтеръ. Никогда солдатъ, не интересующійся стрѣльбой, не приметъ во вниманіе состоянія погоды, солнечнаго освѣщенія и проч. Вы часто можете встрѣтить человека, отлично знающаго теорію стрѣльбы, но цѣлящагося въ середину мишени во время сильнаго бокового вѣтра. Онъ хорошо расскажетъ вамъ, отчего въ данномъ случаѣ происходитъ невѣрность, но если вы спросите: почему онъ не воспользовался этимъ знаніемъ, онъ непременно отвѣтитъ: «запамятовалъ». Это характерное «запамятовалъ» повторяется и на строевомъ ученіи, и въ сторожевой цѣпи, гдѣ, напримѣръ, солдатъ, твердый въ словесныхъ познаніяхъ, теряется, увидавъ непріятеля, не

знаеть, какъ поступить съ лазутчикомъ, съ парламентаромъ и проч. Онъ бойко можетъ отвѣтить вамъ о своихъ обязанностяхъ, если вы его на это наведете обычными вопросами, но онъ не догадывается исполнять ихъ, потому что никогда не думалъ объ этомъ, никогда не представлялъ себя въ положеніи дѣйствительнаго часового. Другими словами онъ изучалъ уставъ только для бойкаго отвѣта и всегда имѣлъ въ мысляхъ только одинъ этотъ отвѣтъ, за который его уже нѣсколько разъ хвалили и находили исправнымъ солдатомъ.

Другіе примѣры, которые намъ удавалось наблюдать, представляютъ совершенно обратное явленіе и положительно доказываютъ, что для солдата не нужна, напримѣръ, пространная теорія стрѣльбы, выраженная тяжелымъ техническимъ слогомъ, гдѣ говорится и о вертикальной плоскости, проходящей черезъ ось канала и линію прицѣливанія и о многихъ другихъ, непонятныхъ для него вещахъ; а нужны десятокъ — другой словъ, по возможности взятыхъ изъ народной рѣчи, которыя вели бы его прямо и непосредственно къ цѣли. Намъ приходилось, напримѣръ, наблюдать солдата, который не отличался ни ловкостью въ приѣмахъ, ни бойкостью въ отвѣтахъ, и вообще не общалъ ничего хорошаго, — и вдругъ, къ общему удивленію, онъ оказывался разумнымъ и искуснымъ стрѣлкомъ. Въ то время, какъ другіе люди терялись въ массѣ сопровождающихъ стрѣльбу условій, этотъ человѣкъ невозмутимо прикладывался и удачно находилъ свою точку прицѣливанія. Мало того, даже самые приемы у него выходили несравненно свободнѣе, чѣмъ у его твердыхъ товарищей, которымъ недоставало увѣренности. Спросите у этого человека: почему онъ, напримѣръ, цѣлится въ сторону при боковомъ солнечномъ освѣщеніи, — и онъ навѣрно отвѣтитъ вамъ своимъ простымъ языкомъ: «беру маленько полѣвѣй — супротивъ обманной мушки».

Какое прекрасное выраженіе въ сравненіи съ техническимъ опредѣленіемъ этой мушки, имѣющимся въ «Наставленіи»! Тамъ опять разсужденія о линіи, не совпадающей съ вертикальной плоскостью, проходящей черезъ ось канала, и т. д. Здѣсь же нѣсколько простыхъ народныхъ выраженій, заключающихъ въ себѣ всю суть теоріи стрѣльбы. Къ сожалѣнію, такимъ выраженіямъ солдатъ принужденъ учиться не въ школѣ, а у своихъ старыхъ товарищей, которые, какъ говорится, своимъ умомъ доходятъ до простого объясненія всѣхъ хитростей стрѣльбы.

Замѣчательно, что во всякой хорошо стрѣляющей части незамѣтно вырабатываются свои особыя, какъ бы охотничьи, манеры стрѣльбы, свой особый стрѣлковый языкъ. Такое явленіе ясно указываетъ на необходимость упростить руководство стрѣльбы для солдата и вообще всѣ учебныя пособія, и оно же служитъ несомнѣннымъ признакомъ того, что люди заинтересованы стрѣльбой и часто между собой о ней разговариваютъ. Офицеръ обязанъ не только отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такому явленію, но самъ долженъ вызывать его, предпочитая простой сознательный отвѣтъ тому безсмысленному заучиванію непонятныхъ для солдата выраженій, которое не приноситъ рѣшительно никакой пользы.

Чрезвычайно важно, чтобы офицеръ, обучая солдата, производилъ на него впечатлѣніе своимъ собственнымъ мастерствомъ; если вы видите, что солдату не повинуется ружье, и что онъ перестаетъ вѣрить въ него, то докажите ему на себѣ, что ружье можно заставить повиноваться. Если вы будете доказывать это словами, то они будутъ мало убѣдительны для солдата, и онъ въ отвѣтъ на нихъ будетъ только вздыхать; если же вы мастерски возьмете ружье въ свои руки и тутъ же, въ доказательство, попадете изъ него, то непременно замѣтите, что это солдата развеселитъ, увѣритъ его

въ возможности попадать, и послѣ того онъ будетъ ловить каждое ваше слово, какъ совѣтъ опытнаго мастера.

Много еще можно сказать о неумѣломъ преподаваніи, но и этого уже довольно, чтобы вывести заключеніе, что даже при охотномъ отношеніи солдата къ военной школѣ, неумѣнье заинтересовать его главными цѣлями обученія ведетъ къ развитію въ человѣкѣ одной только наружной бойкости, которая сама по себѣ составляетъ для обучаемого какъ бы главную цѣль, вполне удовлетворяющую его служебное самолюбіе. Признавая громадную заслугу за начальникомъ, добившимся въ своей ротѣ хорошей нравственности, мы все-таки назовемъ его человѣкомъ слишкомъ одностороннимъ, если на этой ступени остановится его воспитательная дѣятельность. Нельзя сказать хорошимъ людямъ: «вотъ вамъ руководства, учитесь по нимъ, слушайте вашихъ полуротныхъ и взводныхъ командировъ», а на свою долю оставить только общій надзоръ за тѣмъ, чтобы преподаваніе шло согласно съ инструкціями; такимъ надзоромъ вы даже у ближайшихъ начальниковъ отнимите инициативу, заставляя ихъ твердо держаться буквы устава, не внося въ преподаваніе ничего живого, увлекательнаго, что могло бы вызвать сознательную любовь къ искусству. Въ этомъ случаѣ, чѣмъ лучше ваши люди, тѣмъ они пунктуальнѣе будутъ исполнять ваши узкія требованія, считая неумѣстнымъ какой бы то ни было выходъ изъ вашей программы.

Намъ кажется, что самый вѣрный способъ возбудить въ людяхъ сознательный интересъ къ дѣлу заключается въ самомъ широкомъ покровительствѣ частной инициативѣ; пусть лучше будутъ мелкія уклоненія отъ уставовъ, если вы замѣчаете, что педантичныя требованія муштровки убиваютъ въ людяхъ сознаніе; но дорожите каждымъ проблескомъ такого сознанія, дѣлайте для него снисхожденія, иначе вы никогда не добьетесь искусства.

Для большей наглядности приведемъ два примѣра. Положимъ, на вашихъ глазахъ занимаются съ людьми два унтеръ-офицера, напримѣръ, стрѣльбой дробинками. Одинъ изъ нихъ выходитъ изъ себя и читаетъ человѣку нотацію за то, что онъ не вторымъ суставомъ пальца нажимаетъ на спускъ, не взирая на то, что онъ хорошо попалъ своею дробинкою. Другой — за то же самое хвалитъ человѣка, называетъ его хорошимъ стрѣлкомъ, поддерживающимъ честь взвода, и только, между прочимъ, мягко прибавляетъ: «смотри же, братецъ, будешь въ другой разъ стрѣлять, непременно спускай вторымъ суставомъ... потому — это такъ требуется, — значить ловчѣй выходить».

Первый изъ этихъ унтеръ-офицеровъ, — педантичный исполнитель вашихъ приказаній относительно соблюденія инструкцій; по узкимъ понятіямъ, больше отъ него ничего не требуется; но можно ли его поставить на одну доску со вторымъ? Этотъ второй, повидимому, легко относится къ вашимъ приказаніямъ на счетъ точности, отдавая ихъ людямъ полусуто; но онъ иниціаторъ, поднимающій духъ солдата, внушающій ему увѣренность въ его способностяхъ, безъ всякаго на то приказанія со стороны начальника и даже съ рискомъ получить замѣчаніе за лишніе разговоры. Мало того, мы серьезно утверждаемъ, что первый изъ обучаемыхъ солдатъ, отойдя въ дурномъ расположеніи духа отъ своей мишеньки, еще разъ десять будетъ неправильно нажимать на спускъ и, находясь, подъ вліяніемъ этой заботы, въ постоянномъ нервномъ раздраженіи, въ другой разъ дробинкой не попадетъ; второй, находясь подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ заслуженной похвалы, тутъ же станетъ, безъ приказанія, учиться прилаживать свой палецъ къ спуску и почти навѣрно больше не ошибется, а дробинкою попадетъ еще лучше, потому что придетъ стрѣлять еще съ большей увѣренностью.

Ваше покровительство инициативѣ относительно этого примѣра можетъ выразиться, во-первыхъ, въ томъ, что при назначеніи людей на унтеръ-офицерскія должности вы должны цѣнить въ нихъ способности второго изъ приведенныхъ унтеръ-офицеровъ ¹⁾, и, во-вторыхъ, если уже неудачное назначеніе произошло, то вы обязаны явиться на помощь людямъ, которыхъ забиваютъ неумѣлымъ преподаваніемъ, и повліять на неудачнаго унтеръ-офицера, чтобы онъ умѣлъ пріохотить ихъ къ дѣлу; вы должны на его же глазахъ ободрять всякаго упавшаго духомъ рядового и щедро хвалить его за малѣйшій проблескъ сознанія, непременно хвалить, чтобы солдатъ зналъ, что его способностями интересуются. Глядя на васъ, унтеръ-офицеръ будетъ дѣлать то же самое.

До чего можно забить человѣка—это могутъ знать только тѣ, которымъ приходилось видѣть это на практикѣ: трудно повѣрить, что иногда приходится разыскивать съ солдата, на примѣръ, за то, что онъ рѣшительно не хочетъ вамъ вѣрить, когда вы ему назначаете точку прицѣливанія; и замѣчательнѣе всего то, что это происходитъ съ солдатами, которые отлично могутъ рассказать вамъ, какія слѣдуетъ избирать точки во всевозможныхъ случаяхъ, — съ людьми, которыхъ вы сами хвалили за прекрасные отвѣты по теоріи стрѣльбы. Передъ вами человѣкъ, повидимому, отлично знающій свое дѣло, но одержимый какой-то упорной тупостью, подъ вліяніемъ которой онъ цѣлится во всѣхъ случаяхъ въ яблоко и удивляется, что не попадаетъ.

Здѣсь намъ невольно вспоминаются слова германскаго военнаго писателя фонъ-деръ-Гольца: «въ германской арміи одинаково учатся слушать и разсуждать». Можемъ ли и мы

¹⁾ Мы, конечно, предполагаемъ хорошій нравственный составъ роты: при дурномъ составѣ начальникъ вынужденъ нѣкоторое время особенно заботиться объ исполнительности.

сказать то же самое по отношенію къ нашему воспитанію?— Къ сожалѣнію, не вполне можемъ; въ нашей арміи съ большою еще осторожностью относятся къ предоставленію подчиненнымъ инициативы, боясь упадка старой, уже испытанной дисциплины. Но нѣтъ ли тутъ недоразумѣній? Дисциплина, въ строго педагогическомъ смыслѣ, должна служить не чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ спутникомъ инициативы: дурной и вредный тотъ инициаторъ, который не обладаетъ дисциплинированнымъ умомъ и характеромъ. Начальникъ, опасаясь вызывать своихъ подчиненныхъ къ самопочину, доказываетъ этимъ, что онъ не умѣлъ дать имъ хорошаго служебнаго направленія и потому боится вредныхъ уклоненій. Такое положеніе представляетъ, по нашему мнѣнію, отсутствіе не только частной инициативы, но и дисциплины: нѣтъ ничего легче, какъ ограждать интересы службы требованіемъ одной узкой исполнительности, которую, по недоразумѣнію, иные считаютъ дисциплиной; но бѣда въ томъ, что такая дисциплина притупляетъ подчиненныхъ, что она одинаково забываетъ въ людяхъ какъ дурныя, такъ и хорошія наклонности.

Если подъ упадкомъ дисциплины мы разумѣмъ распущенность, то любопытно рѣшить, въ чемъ именно нужно усматривать эту распущенность: въ томъ ли, что подчиненный, горячо увлекаясь дѣломъ, придумываетъ свои собственные приемы къ наилучшему достиженію цѣли, иногда несогласные съ указаніями начальника, или въ томъ, когда онъ, нисколько не интересуясь дѣломъ, не прикладывая къ нему ни ума, ни сердца, буквально исполняетъ указанія начальника, преслѣдуя единственную цѣль—избавиться отъ замѣчаній?

Если дисциплина требуетъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія всѣхъ обязанностей службы, то котораго изъ этихъ подчиненныхъ слѣдуетъ считать болѣе распущеннымъ? Мы рѣшаемся утверждать, что распущенность слѣдуетъ усма-

тривать въ послѣднемъ случаѣ: точность (конечно, гдѣ она необходима) можетъ быть достигнута исподволь; но добросовѣстность, заключающаяся въ искреннемъ стараніи принести пользу дѣлу, никогда не можетъ быть привита къ человѣку притупленному, привыкшему работать только изъ-за боязни наказанія.

Понятно, что точная исполнительность иногда бываетъ необходима и имѣетъ весьма важное значеніе, напримѣръ, въ случаяхъ поддержанія значенія начальника, смысла и значенія строя, и даже по отношенію къ нѣкоторымъ необходимымъ формальностямъ; но дурно то, что иногда безукоризненной исполнительностью прикрывается самая вопіющая рутина; нѣтъ ничего легче въ военной службѣ, какъ буквальное исполненіе всѣхъ требованій начальника, гарантирующее подчиненнаго отъ замѣчаній и сопровождаемое полнымъ равнодушіемъ къ дѣлу. Можетъ ли у человѣка, задавагося единственною цѣлью—оградить себя отъ замѣчаній, явиться какая-нибудь надобность въ мысли, въ наблюденіи; можетъ ли родиться въ немъ искреннее желаніе принести пользу дѣлу, стремленіе къ самопочину, когда всякое такое увлеченіе можетъ повести къ ошибкамъ, влекущимъ за собою замѣчанія?

Начальникъ, воспитывающій своихъ подчиненныхъ въ такомъ духѣ, удовлетворяющійся одной ихъ узкой исполнительностью, беретъ на себя слишкомъ непосильную задачу, ибо онъ не въ состояніи все предусмотрѣть и обо всемъ отдать приказанія; подчиненные, въ которыхъ не развитъ духъ самопочина, никогда не пополняютъ упущеній начальника, боясь надѣлать ошибокъ. Говоря о приказаніяхъ, мы, конечно, разумѣемъ опредѣленно высказанныя требованія, но отнюдь не общія мѣста.

Если начальникъ обращаетъ, напримѣръ, вниманіе на обученіе, то едва ли онъ будетъ въ состояніи услѣдить за выпол-

неніемъ тѣхъ безчисленныхъ условій, при которыхъ только и возможны хорошіе общіе результаты обученія. Обыкновенно дѣлается такъ, что онъ указываетъ только на нѣкоторые изъ этихъ условій и строго слѣдитъ за ихъ выполненіемъ; можно навѣрное сказать, что подчиненные, не привыкшіе къ самопочину, будутъ совершенно игнорировать остальные условія, и черезъ это въ общемъ получатся большіе недочеты.

Возьмемъ для примѣра какую-нибудь отрасль обученія, положимъ, гимнастику: требуя бойкаго прыжка въ ширину, которая по положенію должна быть въ три аршина, начальникъ указываетъ на необходимость обучить человѣка правильному разбѣгу, правильному выкидыванію рукъ и прочее, и, положимъ, забываетъ указать на необходимость сначала взять два аршина и затѣмъ постепенно увеличивать ширину. Опытъ показалъ, что подчиненный, привыкшій къ узкой исполнительности, ни за что не догадается объ этой постепенности, а все вниманіе обратитъ только на разбѣгъ и на выбрасываніе рукъ; если бы даже она и пришла ему въ голову, то онъ будетъ бояться получить замѣчаніе за неположенную ширину прыжка, и—что всего хуже—передъ появленіемъ начальника онъ непременно прикажетъ раздвинуть подушки на три аршина, т. е. станетъ скрывать отъ него проявленіе своей заботы объ успѣхѣ обученія. Такое положеніе ведетъ къ слѣдующимъ недочетамъ: человѣкъ неловкій никогда не выработаетъ въ себѣ рѣшительности перепрыгнуть сразу черезъ широкій ровъ; нѣсколько человѣкъ, вслѣдствіе отсутствія увѣренности, будутъ прыгать неловко, и навѣрно кто-нибудь изъ нихъ вывихнетъ ногу, другой ушибется и т. д. Въ общемъ, гимнастика будетъ навѣрно плоха.

Приведенный примѣръ ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣми громадными упущеніями, которыя могутъ произойти, напримѣръ, въ довольствіи солдата, въ сбереженіи его здо-

ровья и особенно въ развитіи его нравственности, если общій характеръ требованія начальника къ подчиненнымъ будетъ приблизительно выражаться словами: «вы, пожалуйста, ничего не выдумывайте, а дѣлайте то, что вамъ приказываютъ».

Увлечься дѣломъ, работая со связанными руками, рѣшительно невозможно; такая работа обыкновенно заключается только въ отбываніи учебныхъ часовъ, при чемъ всѣ помыслы подчиненнаго бывають обращены не къ главной цѣли занятій, а къ тому, чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, которая не нравится начальнику.

Итакъ, если вы хотите, чтобы ваши подчиненные были не только узкими исполнителями, но и настоящими мастерами своего дѣла, не требуйте отъ нихъ, чтобы они непременно шли къ извѣстной цѣли по излюбленному вами пути; пусть каждый изъ нихъ думаетъ, соображаетъ, избираетъ свой собственный путь; пусть даже дѣлаетъ ошибки, — онѣ во всякомъ случаѣ будутъ меньше тѣхъ упущеній, которыя являются слѣдствіемъ узкой исполнительности. Наблюдая за ходомъ дѣла, вы всегда будете видѣть, которые изъ подчиненныхъ идутъ прямо къ цѣли, которые уклоняются отъ нея и, наконецъ, которые, по недоразумѣнію или дурному умыслу, идутъ къ фальшивой или къ непозволительной цѣли. Замѣтивъ неточности, вы всегда можете осторожно исправить ихъ, не оскорбляя самолюбія подчиненнаго и не убивая въ немъ искренняго увлеченія дѣломъ. Постоянно ставя въ заслугу подчиненному все сдѣланное имъ сверхъ вашихъ указаній, все лично имъ придуманное для пользы дѣла, вы можете воспитать въ самомъ апатичномъ человѣкѣ способность къ самопочину; въ лѣнтяѣ вы можете заставить заговорить самолюбіе.

Возьмемъ для примѣра такой случай: вы дѣлаете ротное ученіе и въ данную минуту интересуетесь не примѣненіемъ людей къ мѣстности, а однимъ механизмомъ строя; вы отдаете

приказаніе взводному, перебѣгающему съ частью цѣпи, сдѣлать перебѣжку въ 50 шаговъ и открыть учащенный огонь,— и вдругъ вы замѣчаете, что ваше приказаніе не исполняется: вмѣсто 50-ти шаговъ перебѣжка сдѣлана въ 100, и только часть людей открыла огонь. Явившись на мѣсто, вы узнаете, что причиной неисполненія приказанія была сообразительность взводнаго, который не рѣшился положить цѣпь въ ложбинѣ, а, выбравъ лучшую позицію, приказалъ стрѣлять только тѣмъ людямъ, которымъ виденъ непріятель. Если вы не будете хвалить такого взводнаго, а, напротивъ—будете съ него взыскивать, то вы рискуете до того забить своихъ людей, что въ дѣйствительномъ сраженіи ни на одного изъ нихъ нельзя будетъ положиться. Интересна въ этомъ случаѣ роль дисциплины: только недоразумѣвающій человѣкъ станетъ утверждать, что въ данномъ случаѣ взводный нарушилъ дисциплину. Во-первыхъ, надо подумать о томъ, что раньше вы тысячу разъ отдавали приказаніе этому же взводному, никогда не класть своей цѣпи въ ложбинѣ и запрещать стрѣлять тѣмъ людямъ, которымъ не виденъ непріятель; которое же изъ этихъ приказаній онъ долженъ исполнять? очевидно, то, которое разумнѣе. Во-вторыхъ, мы замѣтили выше, что только тѣ уклоненія слѣдуетъ считать антидисциплинарными, въ которыхъ сказывается невыдержанность подчиненнаго, наносящая ущербъ основному строю военной службы: значенію начальника, смыслу и значенію строя и т. д. Въ такихъ случаяхъ не принимается въ расчетъ даже та польза, которую подчиненный при уклоненіи имѣлъ въ виду. Вышеприведенный примѣръ подѣ эту категорію не подходитъ.

Недостаточно только слѣдить за тѣмъ, чтобы подчиненные пользовались инициативой для успѣха, а не во вредъ дѣлу, чтобы они шли не по фальшивымъ, а тѣмъ болѣе преступнымъ

путямъ; но нужно воспитать ихъ такъ, чтобы они были выдержанными и всегда бы помнили, что самое удачное уклонение отъ точнаго исполненія приказаній, приносящее, съ общей точки зрѣнія, несомнѣнную пользу дѣлу, но выраженное, напримѣръ, въ грубой, непочтительной формѣ, или просто неумѣстное, съ военной точки—является преступленіемъ. Поэтому, заботясь о развитіи частной инициативы, не слѣдуетъ также забывать и о точномъ соблюденіи подчиненными извѣстныхъ формальностей, отъ которыхъ иногда зависятъ весьма существенные интересы службы; солдатъ, привыкшій рефлексивно вытягиваться передъ офицеромъ и отвѣчать на его вопросы въ извѣстныхъ формахъ выраженія, никогда не позволить себѣ стоять передъ начальникомъ въ непочтительной позѣ или употреблять неумѣстные выраженія; отъ такого человѣка нельзя ожидать и неумѣстнаго проявленія самопочина.

Иногда начальникъ, увлекаемый внутренней стороной воспитанія, не придаетъ должнаго значенія внѣшнему виду солдата и тѣмъ уклоняетъ его отъ военного типа. Красивый, стройный видъ корпуса, веселое выраженіе лица, щеголеватость въ одеждѣ, бойкость въ манерахъ, веселая и всегда привѣтливая интонація голоса и точно написанная на лицѣ готовность моментально исполнить всякое приказаніе—эти драгоценныя черты лучшаго военного типа, свидѣтельствующія о присутствіи въ человѣкѣ военной жилки и производящія прекрасное впечатлѣніе на массу, могутъ вовсе исчезнуть въ современномъ солдатѣ, если изъ него будутъ выбатывать только суроваго мастера своего дѣла.

Положимъ, нельзя утверждать, что только тѣ люди оказываются храбрыми, у которыхъ развиты хорошія военныя

манеры; храбрость иногда живетъ въ глубинѣ души человека, составляя продуктъ домашняго воспитанія, а еще чаще— родовую или національную особенность. Замѣчательно, что такой храбрости ничто не можетъ убить въ человѣкѣ, даже самыя дурныя условія воспитанія. Никогда она не скрывается въ мирное время и часто скрывается подъ такими отрицательными достоинствами человека, которыя производятъ самое непріятное впечатлѣніе на начальника: неспособность, лѣнь, уныніе, полное равнодушіе къ службѣ и дурное поведеніе иногда соотвѣтствуютъ необычайной храбрости, приводящей всѣхъ въ удивленіе.

Мы живо припоминаемъ то изумительное перерожденіе во время боя, которое намъ удавалось наблюдать въ нѣкоторыхъ людяхъ въ прошлую войну: солдатикъ—маленькій, худенькій, слабый по фронту и по виду совершенно тупой, вдругъ какъ будто вырастаетъ, выпрямляется, становится веселымъ и даже остроумнымъ въ минуту общей опасности. «Разступись 5-я рота! дай дорогу нашей!»! кричитъ вдругъ такой человѣкъ подъ пулями и, пробираясь впередъ, расталкиваетъ впереди идущихъ товарищей. Въ то время, какъ другіе люди кланяются пулямъ, онъ только посмѣивается, приговаривая: «ничего, братцы,—это пчелки летаютъ»,—и тутъ же остритъ надъ тѣмъ самымъ товарищемъ, который въ мирное время его самого подымалъ на смѣхъ.

Такой храбрости, составляющей природное достоинство человека, конечно, не можетъ дать ему никакая система воспитанія; но мы все-таки вѣримъ въ возможность развить въ человѣкѣ военную лихость, безстрашіе передъ мелкими опасностями и, наконецъ, готовность не отставать отъ людей, увлекающихъ массу своею рѣшимостью идти навстрѣчу смерти.

Мы положительно утверждаемъ, что внѣшній лихой видъ солдата, который извѣстными воспитательными мѣрами сво-

бодно можно довести до рефлексивнаго выраженія во всѣхъ манерахъ человѣка, играетъ очень важную роль въ критическія минуты боя. Солдаты не стануть читать въ такія минуты того, что происходитъ у ихъ товарищей въ душѣ; имъ прежде всего бросится въ глаза общій молодецкій видъ массы,—и этого уже довольно, чтобы масса не дрогнула.

Мы полагаемъ, что и на мирной дѣятельности солдата не можетъ благотворно отражаться суровый, грустно-задумчивый и вообще наводящій уныніе видъ его товарищей. Для избѣжанія этого недостатка въ людяхъ, начальникъ долженъ покровительствовать всякимъ солдатскимъ забавамъ, развивающимъ лихость и веселье: играмъ, пѣснямъ, вольной гимнастикѣ, любительскимъ спектаклямъ и даже вечерамъ съ танцами, если ихъ удобно устраивать. Надо, чтобы солдатъ непременно гордился своимъ внѣшнимъ красивымъ видомъ, своимъ мундиромъ, характерными манерами той части, въ которой онъ служитъ, и вообще своею молодцеватостью. Какъ пріятно видѣть даже со стороны бравыя и оживленныя лица солдатъ, блистающія довольствомъ своего положенія.

Надо пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вызывать веселость въ солдатской средѣ: самаго некрасиваго и неуклюжаго человѣка непременно нужно хвалить при всякой его попыткѣ проявить чѣмъ-нибудь свою молодцеватость; послѣ утомительныхъ учений, когда часть возвращается домой, слѣдуетъ непременно вызывать пѣсенниковъ, заставлять играть музыку, если она была на ученьѣ. Непріятно смотрѣть, когда люди возвращаются съ ученья, повѣсивъ головы; то ли дѣло, когда въ головѣ колонны загремитъ веселый маршъ или удалая солдатская пѣсня, слышенъ аккомпанементъ бубна и тарелокъ, а иногда и лихой посвистъ. Солдатскія пѣсни, особенно старинныя, исполнены глубокой поэзіи, благотворно дѣйствующей

на душу солдата; слава предковъ, воспѣваемая въ этихъ пѣсняхъ, волнуетъ молодые сердца мечтаніями о высокихъ подвигахъ. Вообще солдатская пѣсня имѣетъ большое воспитательное значеніе. Это хорошо понималъ и отлично пользовался этимъ покойный генералъ Скобелевъ.

Иногда начальникъ, заботясь о развитіи выносливости въ солдатѣ, совершенно забываетъ о томъ, что она зависитъ не отъ однихъ физическихъ данныхъ, но и отъ состоянія духа человѣка, который всегда можно поднять покровительствомъ разнымъ солдатскимъ забавамъ. Мы считаемъ одною изъ серьезныхъ обязанностей ротнаго командира посѣщеніе имъ роты въ свободное отъ занятій время для содѣйствія развитію солдатскихъ увеселеній. Достаточно начальнику высказать равнодушіе къ солдатскому пѣнію, чтобы въ ротѣ никогда не составилось хорошаго хора; никогда люди не станутъ выдумывать веселыхъ игръ, если ротный командиръ будетъ считать это вздоромъ, и т. д. Суровое отношеніе командира роты къ этимъ предметамъ сообщается прежде всего унтеръ-офицерамъ, и отъ этого происходитъ, напримѣръ, слѣдующее: молодые солдаты вздумаютъ побѣгать, попрыгать, затянуть пѣсню, какъ вдругъ раздается грозный голосъ взводнаго: «не балуйте, ребята! вишь съ ума посходили! чему обрадовались?...» Люди сконфузятся, притихнутъ, — точно проступокъ какой сдѣлали, — разойдутся по койкамъ, начнутъ вздыхать и зѣвать, рассказывать въ сотый разъ какую-нибудь старую сказку, и каждый будетъ думать: «Господи!! какая скука въ казармахъ!...»

Другое дѣло, когда ротный командиръ покажетъ, что онъ интересуется солдатскими забавами, что онѣ ему доставляютъ удовольствіе. Достаточно только намекнуть объ этомъ, чтобы все поднялось на ноги, чтобы тѣ же взводные, которые оставляли людей, сами стали принимать участіе въ играхъ.

Тогда сразу явится спросъ на хорошіе голоса, на ловкость и находчивость въ играхъ, на опрятныя шутки и прочее ¹⁾).

Для всякаго начальника, желающаго изучить нравственныя свойства своихъ подчиненныхъ, чрезвычайно важно и даже необходимо видѣть ихъ иногда нараспашку, въ живомъ, непринужденномъ разговорѣ, въ природныхъ манерахъ, въ свободномъ обращеніи другъ съ другомъ во время игръ. Мы прямо скажемъ: начальникъ, наблюдавшій солдата только на однихъ занятіяхъ или въ тѣхъ случаяхъ, когда люди принуждены держать себя болѣе или менѣе офиціально, сильно ошибается, когда рѣшается утверждать, что онъ знаетъ своего солдата, какъ человѣка; только вольное обращеніе людей другъ съ другомъ, которое очень легко наблюдать во время игръ (солдаты въ этомъ случаѣ увлекаются какъ дѣти и нисколько не стѣняются начальника), можетъ открыть вамъ многое въ характерѣ человѣка, чего вы никакъ не можете замѣтить при офиціальной обстановкѣ.

Намъ, пожалуй, могутъ замѣтить, что начальникъ, допускающій, чтобы люди его не стѣснялись, самъ смѣющійся удачнымъ шуткамъ солдатъ, безцеремонно произносимымъ въ его присутствіи и прочее,—что такой начальникъ подрываетъ свое значеніе, ослабляетъ дисциплину; но неужели намъ слѣдуетъ вѣчно быть суровыми, никогда не улыбнуться солдату и удивляться, что этотъ неблагодарный человѣкъ не только не считаетъ насъ своимъ отцомъ, но даже не видитъ въ насъ близкаго къ себѣ человѣка? Чѣмъ можетъ ослабляться здѣсь дисциплина?—Достаточно сказать: «смирно!» чтобы вся играющая толпа замерла; достаточно приказать что-нибудь, — и оно будетъ исполнено такъ же, какъ и при другихъ обстоятель-

¹⁾ Замѣчательно, что сальныя остроты и шутки имѣютъ мѣсто и пользуются успѣхомъ только въ скучающемъ обществѣ; въ средѣ искренно веселыхъ людей онѣ не производятъ ни малѣйшаго эффекта.

ствахъ, но только съ несравненно большимъ удовольствіемъ; стоитъ заговорить съ солдатомъ серьезно, чтобы онъ въ ту же минуту переъмѣнилъ свои шутки на офіціальныя отвѣты: «точно такъ» и «никакъ нѣтъ». Словомъ, намъ кажется, что вышеприведенное замѣчаніе можетъ сдѣлать только человѣкъ, не имѣющій яснаго представленія объ истинной дисциплинѣ или, вѣрнѣе сказать, человѣкъ рутины.

Независимо отъ вольныхъ развлеченій, придумываемыхъ самими солдатами, слѣдуетъ вводить и систематическія развлеченія, въ видѣ какого-нибудь полезнаго чтенія, развивающаго въ солдатѣ хорошіе идеалы. Такія чтенія полезно устраивать съ туманными картинами, которыя, кромѣ наглядности, представляютъ, сами по себѣ, пріятное зрѣлище для солдата.

Чѣмъ больше солдатъ будетъ имѣть удовольствій у себя въ казармахъ, тѣмъ меньше будетъ тянуть его на сторону: къ землякамъ, въ трактиры, въ разные притоны разврата, куда онъ стремится въ большинствѣ случаевъ не для кутежа, а просто отъ скуки или изъ-за желанія удовлетворить свое любопытство, которое у человѣка замкнутой среды часто развивается до болѣзненности. Иногда онъ въ трактирѣ даже ничего не пьетъ, а просто ходитъ туда къ народу за живымъ интереснымъ словомъ и ищетъ его въ вольныхъ разговорахъ безшабашнаго пьянаго люда, которые едва ли могутъ хорошо отразиться на его нравственности.

Какъ на особую пользу, приносимую всѣми вышеприведенными воспитательными мѣрами, слѣдуетъ указать еще на благонадежность возрѣвнй солдата, которая вполне обеспечивается этими мѣрами отъ всякихъ посягательствъ на нее со стороны политической агитаціи. Наблюдая нравственный

складъ простолюдина, всматриваясь въ исторію и въ судебныя лѣтописи, мы ни находимъ рѣшительно ни одного случая, за который можно было бы упрекнуть простую деревенскую семью въ дурномъ направленіи даваемого ею воспитанія. Основанія такого воспитанія, блистающія своимъ консерватизмомъ, до того прочны, что непосредственное дѣйствіе противу нихъ силою убѣжденія никогда еще никого не развращало; но такой развратъ все-таки возможенъ: онъ заключается въ постепенномъ зараженіи челоѣка пороками окружающей его неблагонадежной среды, или въ постепенныхъ сдѣлкахъ его со своею совѣстью. Если рабочій, попадая изъ хорошей семьи въ кругъ испорченнаго фабричнаго люда, постепенно переходитъ отъ пьянства къ разврату, отъ мелкаго плутовства къ кражамъ, отъ потери религіозныхъ чувствъ къ полному равнодушію къ оставленной на родинѣ семьѣ, — то то же самое можетъ случиться и съ солдатомъ, попавшимъ въ дурно веденную роту.

Конечно, условія воспитанія въ самой дурной ротѣ несравненно выше, чѣмъ на самой хорошей фабрикѣ, и намъ кажется, что даже посредственное воспитаніе вполне гарантируетъ нашу солдатскую среду отъ вторженія въ нее агитаціи. Нужны слишкомъ дурныя условія для того, чтобы скрывающійся подъ солдатскимъ мундиромъ злоумышленникъ не былъ остановленъ въ своемъ первомъ преступномъ шагѣ либо начальникомъ, либо товарищами.

Намъ остается еще отнести къ задачамъ воспитанія тотъ тактъ въ обращеніи съ младшими офицерами, который долженъ выработать въ себѣ ротный командиръ, имѣя въ виду сдѣлать изъ нихъ дѣйствительныхъ помощниковъ, а не людей, болѣе или менѣе равнодушныхъ къ интересамъ роты. Этотъ тактъ особенно важенъ въ обращеніи съ молодыми офице-

рами, которые вообще ретиво принимаются за службу и, по неопытности, дѣлають много ошибокъ.

Каждый молодой офицеръ, начинающій пробовать свои силы на служебномъ поприщѣ, не взирая на запасъ научныхъ свѣдѣній, иногда на практикѣ совершенно теряется, не умѣя подойти къ солдату: онъ можетъ отлично знать всѣ предметы, которые преподаются солдату, можетъ громко и отчетливо командовать; но его робкія нерѣшительныя манеры, неумѣнье разговаривать съ солдатомъ, непривычка быстро замѣчать и исправлять неточности, наконецъ—просто незнание характера солдата и его бытомъ—все это ведетъ къ тому, что люди отстають въ обученіи въ сравненіи съ своими товарищами, занимающимися у простого, но опытнаго унтеръ-офицера.

Преслѣдуя ближайшіе интересы роты, заключающіеся, напримѣръ, въ спѣшной подготовкѣ къ какому-нибудь смотру, иногда ротный командиръ старается устранить такого офицера отъ занятій, какъ человѣка, мѣшающаго скорому ходу обученія. Такое устраненіе, конечно, дѣлается въ деликатной формѣ, при чемъ обыкновенно внушается офицеру, что его роль преимущественно заключается въ наблюденіи, а не въ той черной работѣ, которая можетъ быть исполнена одними унтеръ-офицерами. Въ такомъ поступкѣ ротнаго командира мы усматриваемъ крупную и трудно-исправимую ошибку. Надо прежде всего замѣтить, что каждый молодой офицеръ въ высшей степени заинтересованъ своими первыми служебными успѣхами, о которыхъ онъ навѣрно мечталъ еще до поступленія въ полкъ; ему хочется поскорѣе испытать свои способности и получить о нихъ одобрительный отзывъ отъ старшихъ товарищей; его самолюбіе можетъ быть вполне удовлетворено такимъ отзывомъ; достигнувъ хорошей репутаціи, онъ потомъ старается сохранить ее,—словомъ, стано-

вится хорошимъ офицеромъ. Теперь представимъ себѣ, что у этого человѣка вдругъ отнимаютъ дѣло и вмѣсто него рекомендуютъ какое-то наблюденіе, которое и безъ того уже принадлежитъ многимъ начальствующимъ лицамъ, обязаннымъ слѣдить за ходомъ обученія въ ротахъ. Такое наблюденіе требуетъ, конечно, еще большей опытности, чѣмъ самое преподаваніе; поэтому для молодого офицера оно является въ высшей степени щекотливою обязанностью: онъ предпочтетъ лучше вовсе не дѣлать никакихъ замѣчаній, чѣмъ не попадать въ тактъ ротному командиру. Такое положеніе обыкновенно сводитъ обязанности субалтернъ-офицера къ хожденію безъ пользы взадъ и впередъ по ротѣ, къ усиленному куренію папиросъ во время занятій и къ дурной привычкѣ занимать ротнаго командира разговоромъ. Еще хуже, если усердному молодому офицеру, задавшемуся, на примѣръ, выполненіемъ какой-нибудь слишкомъ широкой программы, ротный командиръ станетъ внушать, что служба вовсе не имѣетъ тѣхъ серьезныхъ сторонъ, на которыхъ онъ думаетъ сосредоточить свой трудъ, а что вся она заключается въ выполненіи извѣстныхъ мелкихъ требованій, которыя только и могутъ доставить офицеру хорошую репутацію. Такое положеніе сразу отнимаетъ у человѣка охоту трудиться, разбиваетъ въ немъ вѣру въ высокое значеніе офицера въ войскахъ и вообще приводитъ къ легкому взгляду на службу.

Вполнѣ признавая всѣ неудобства, происходяція какъ отъ неумѣнія молодого офицера обращаться съ солдатомъ, такъ и отъ слишкомъ большого увлеченія его теоріей въ ущербъ практикѣ ¹⁾, мы все-таки горячо ратуемъ за то, что

¹⁾ Иногда молодые офицеры, для лучшаго уясненія, на примѣръ, теоріи стрѣльбы, находятъ необходимымъ читать людямъ цѣлыя лекціи по геометріи, а при объясненіи молитвъ очень вдаются въ священное писаніе, не располагая для этого достаточнымъ запасомъ времени; конечно, и то, и другое было бы очень умѣстнымъ, если бы этимъ не задерживалось прохожденіе курса.

всякимъ искреннимъ увлеченіемъ офицера своимъ дѣломъ слѣдуетъ очень и очень дорожить, иначе онъ отвернется отъ дѣла, и тогда уже трудно будетъ воспитать въ такомъ офицерѣ хорошаго помощника. Намъ кажется, что въ первое время такого офицера не только не слѣдуетъ останавливать, но, напротивъ, нужно постоянно давать ему понять, что вы въ высшей степени довольны его службой; слѣдуетъ уничтожить въ немъ послѣдній остатокъ неувѣренности, и затѣмъ уже, осторожно, не задѣвая самолюбія человѣка, давать ему практическіе совѣты. Допустимъ даже, что неопытный офицеръ нѣсколько задержитъ обученіе, но не надо забывать, что оно въ десять разъ выиграетъ, когда онъ пріобрѣтетъ опытность, а развитому человѣку, да еще при желаніи, опытность, дается очень легко.

Вообще при обращеніи съ офицеромъ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду его самолюбіе, которое у воспитанныхъ молодыхъ людей въ высшей степени чувствительно. Если вы, напримѣръ, отнесетесь къ непрактичному увлеченію такого человѣка съ нѣкоторой ироніей, а тѣмъ болѣе—съ явной насмѣшкой, то одна гордость уже можетъ оттолкнуть его отъ дѣла; но не надо также забывать, что самолюбиваго человѣка гораздо легче привлечь къ дѣлу, чѣмъ всякаго другого; это можно сдѣлать какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и вообще дѣйствіемъ на самолюбіе офицера: ваше собственное трудолюбіе и тотъ серьезный тонъ, съ которымъ вы будете относиться вообще къ службѣ, въ состояніи вызывать тѣ же качества и у самолюбиваго человѣка, обязаннаго рядомъ съ вами работать. Далѣе, давъ замѣтить офицеру, что вы интересуетесь его способностями къ дѣлу, вы всегда можете вызвать въ немъ стремленіе доказать на дѣлѣ эти способности; наконецъ, чрезвычайно цѣнятся офицерами ваши постоянныя заботы о ихъ хорошей репутаціи, ваше

стремленіе выдвинуть офицера за его труды, а также возстановить испорченную репутацію, если офицеръ этого заслуживаетъ. Не только служебная порядочность, но и нравственный долгъ офицера по отношенію къ вамъ заставитъ его въ этомъ случаѣ принять близко къ сердцу ваши собственные интересы, заключающіеся въ хорошей подготовкѣ роты. При такомъ положеніи, вопреки вкоренившемуся обычаю, можно даже привлечь офицера къ участию во внутреннемъ управленіи ротой, т. е. сдѣлать изъ него настоящаго помощника ротнаго командира.

Рѣдко можно встрѣтить настолько невоспитаннаго, а слѣдовательно и несамолюбиваго офицера, на котораго нельзя повліять вышеприведенными мѣрами: у самаго дурного чловѣка всегда найдется извѣстный запасъ совѣсти для того, чтобы отвѣтить добромъ на участіе; въ самомъ вызовѣ такого отвѣта заключается прекрасная воспитательная мѣра, имѣющая значеніе въ общемъ развитіи чловѣка.

Намъ кажется, что ротный командиръ, жалующійся на бездѣятельность своихъ офицеровъ, въ большинствѣ случаевъ оказывается самъ въ томъ виноватымъ, хотя надо замѣтить, что отношеніе къ службѣ младшихъ офицеровъ очень много зависитъ и отъ общаго состоянія служебнаго духа въ полку: офицеръ, вырабатывающій свой взглядъ на службу въ дурномъ товарищескомъ кругу, не такъ легко поддается вліянію ротнаго командира, какъ это бываетъ при хорошихъ общихъ условіяхъ.

Въ заключеніе мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателя на новый, недавно выступившій типъ офицера, который, не мудрствуя лукаво, всей душой отдается своему, повидимому, скромному, но въ сущности очень сложному дѣлу, и вполне овладѣваетъ солдатомъ. Еще съ большимъ удовольствіемъ мы замѣчаемъ, что этому новому

типу открывается вполнѣ свободная дорога: мода на такъ называемыхъ широкихъ натуръ, имѣющихъ претензію на демонизмъ и поэтому считающихъ непремѣнною обязанностью скучать отъ недостатка широкой дѣятельности, благополучно отжила свой вѣкъ и нигдѣ уже не вызываетъ подражанія; жалобы на стѣснительныя условія, на среду, на требовательность начальства утратили значительную часть своего остроумія, а та бездѣятельность, которая ими оправдывается, производитъ впечатлѣніе чего-то пошловатаго и можетъ встрѣтить сочувствіе развѣ только въ очень ограниченномъ чловѣкѣ; всѣ, такъ называемые, «моншеры» и вообще люди, воображающіе, что служба существуетъ для нихъ, а не они для службы,—люди, когда-то подававшіе тонъ офицерскимъ обществамъ, въ настоящее время могутъ только поражать своей тупостью. Все это несомнѣнно стушевывается и уступаетъ мѣсто чему-то новому, основанному на порядочности, на добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и вообще на трудолюбіи, въ которомъ только и можно найти полноту умственной и нравственной жизни.

НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ ВИННОЙ СОЛДАТСКОЙ ПОРЦІИ.

Вопросъ о незначительной по количеству винной порціи, получаемой солдатомъ въ опредѣленные положеніемъ дни, кажется на первый взглядъ настолько маловажнымъ, что о немъ не стоило бы трактовать. Однако, практика даетъ въ этомъ случаѣ не безынтересныя указанія, которыми давно уже не мѣшало бы воспользоваться. Вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: гигиенической и нравственной. Въ гигиеническомъ отношеніи врачи не настаиваютъ на безусловной необходимости въ винной порціи, хотя и не отвергаютъ ея пользы въ извѣстныхъ случаяхъ: послѣ утомительныхъ учений, во время стоянокъ въ полѣ въ сырую и холодную погоду, при развитіи нѣкоторыхъ болѣзней, требующихъ разнообразія [въ пищѣ, и проч. Оставивъ эту сторону вопроса специалистамъ, мы прямо перейдемъ къ нравственной его сторонѣ, т. е. къ тому вліянію, которое имѣетъ узаконенная порція вина на нравственный уровень казарменной жизни.

Всѣмъ извѣстно, что излишнее употребленіе вина, на которое, какъ объяснимъ ниже, имѣетъ большое вліяніе винная порція, сопутствуетъ большинству проступковъ и преступленій, совершаемыхъ нижними чинами: самовольная отлучка, промотаніе казенныхъ вещей и другія наиболѣе распространенныя преступленія почти всегда бывають связаны съ пьянствомъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ совершаются трезвыми людьми. Составляя само по себѣ развратъ, особенно

въ замкнутой средѣ, пьянство всегда почти ведетъ къ болѣе крупному разврату, ибо человѣкъ, втянувшійся въ вино и не всегда имѣющій возможность пить его, нерѣдко прибѣгаетъ для полученія этой возможности даже къ воровству. Несомнѣнно также, что пьянство, вредя вообще исправности по службѣ, нерѣдко приводитъ къ безсознательному нарушенію дисциплины и къ другимъ не менѣе важнымъ преступленіямъ. Безсознательность играетъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно важную роль, ибо намъ приходится видѣть людей совершенно неиспорченныхъ, которые совершаютъ преступленія подъ вліяніемъ вина и потомъ горько раскаиваются, искренне недоумѣвая о случившемся съ ними несчастіи. Словомъ, на излишнее употребленіе вина слѣдуетъ смотрѣть какъ на одно изъ главныхъ золъ, вредящихъ казарменной нравственности, а на стремленіе искоренить его—какъ на одну изъ главныхъ задачъ начальника.

Теперь остается рѣшить: имѣетъ ли казенная винная порція вліяніе на развитіе пьянства въ войскахъ и, если имѣетъ, то настолько ли это вліяніе значительно, чтобы ратовать за совершенное уничтоженіе этой порціи съ тѣмъ, чтобы отпускаемыя на нее деньги выдавались бы людямъ на руки или шли бы на улучшенную пищу или на чайную порцію.

Имѣя въ виду, что всѣ солдаты, особенно при нынѣшнемъ молодомъ составѣ, большіе охотники до чая и что чай въ гигиеническомъ отношеніи признается весьма полезнымъ, намъ кажется самымъ цѣлесообразнымъ замѣнить винную порцію чаемъ, при чемъ, въ виду экономіи, чай можно было бы готовить на ротныхъ кухняхъ въ общей посудѣ, какъ это практиковалось уже во время похода и на маневрахъ. Такая замѣна вполнѣ достижима, ибо стоимость получарки водки (водка обыкновенно выдается получарками) превосходитъ болѣе чѣмъ вътрое стоимость чая и сахара, необходимаго для того,

чтобы одинъ разъ напоить роту. Это можно вывести изъ слѣдующаго расчета: на 100 человѣкъ, рассчитывая по получаркѣ на человѣка, расходуется согласно положенію $\frac{1}{2}$ ведра водки средняго достоинства, стоимостью въ 2 р. 80 к.

На 100 человѣкъ, рассчитывая отъ двухъ до трехъ стакановъ на человѣка, расходуется $\frac{1}{4}$ ф. чая, обыкновенно такого достоинства, какого люди сами употребляютъ, цѣною въ 1 р. 40 к. фунтъ, что составитъ 35 к., и 3 ф. сахара—45 коп., всего 80 коп., при чемъ каждый человѣкъ получаетъ четыре куска сахара на руки. Изъ этого расчета, взятаго изъ практики, мы видимъ, что взамѣнъ винной порціи людямъ можетъ быть предложень два раза чай, утромъ и вечеромъ, при чемъ въ экономіи останется 1 р. 20 к. Считая $\frac{1}{2}$ ф. чая вполне достаточнымъ для заварки на 100 человѣкъ въ общей посудѣ, можно остающіеся 1 р. 20 к. употребить на сахаръ, который останется у людей про запасъ. Мы взяли среднюю цѣну сахара, принимая во вниманіе, что она колеблется между 14-ю и 16-ю копѣйками. Мы предпочитаемъ чай всякой другой прибавкѣ къ довольствію, не исключая даже прибавки говядины, ибо всякая другая прибавка не будетъ для людей такъ ощутительна, а главное—не будетъ имѣть праздничнаго вида.

Командуя ротой въ военное и въ мирное время, тщательно занимаясь изслѣдованіемъ внутренней жизни солдата, мы цѣлымъ рядомъ фактовъ пришли къ глубокому убѣжденію, что казенная порція не только знакомитъ совершенно непьющаго новобранца съ виномъ, но и систематически приучаетъ его къ выпивкѣ; еще большее вліяніе она производитъ на тѣхъ людей, которые, хотя и пили дома, но шли на службу съ твердымъ намѣреніемъ не пить.

Для доказательства справедливости приведеннаго взгляда начнемъ съ того, что укажемъ на слѣдующій несомнѣнный

фактъ: процентъ пьющихъ между солдатами увеличивается пропорціонально количеству прослуженныхъ ими лѣтъ. Изъ нѣсколькихъ наборовъ молодыхъ солдатъ, которые прошли черезъ наши руки, мы укажемъ для примѣра на наборъ 1878 года, т. е. на людей, которые въ 1883 году окончили службу.

Въ 1878 году изъ тридцати человѣкъ новобранцевъ, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать лично и при помощи надежныхъ унтеръ-офицеровъ, совершенно отказывались отъ казенной порціи 13 человѣкъ, пили только казенную порцію 14 человѣкъ; кромѣ казенной, употребляли свою собственную водку, но въ умѣренномъ количествѣ, три человѣка. Выпивающихъ не было ни одного. Изъ того же набора въ 1879 году первая цифра уменьшилась съ 13-ти на 5; вторая увеличивалась съ 14-ти на 16, 3-я—съ 3-хъ на 8, и наконецъ оказался одинъ выпивающій, котораго пришлось подвергать взысканіямъ.

Съ 1879 года по 1883 годъ цифры измѣнялись почти въ такой же постепенности, и наконецъ въ послѣдній годъ онѣ оказались слѣдующими: отказывались отъ казенной порціи всегда два человѣка; пили только казенную порцію девять человѣкъ; умѣренно пили на сторонѣ 15 человѣкъ; подверглись взысканіямъ за чрезмѣрное употребленіе вина четыре человѣка.

Въ этомъ расчетѣ, составленномъ по возможно вѣрнымъ даннымъ, не принята только во вниманіе незначительная убыль людей по болѣзни на родину, а также небольшая перемѣна въ ихъ составѣ, происходившая отъ баталіонныхъ ранжировокъ.

Не отвергая многихъ причинъ, содѣйствующихъ увеличенію процента пьющихъ солдатъ въ зависимости отъ количества прослуженныхъ ими лѣтъ, мы все-таки должны сказать, что винная казенная порція играетъ между ними едва ли не первостепенную роль.

Достаточно даже поверхностнаго ознакомленія съ солдатъ

скимъ бытомъ, не говоря уже о серьезныхъ наблюденіяхъ, чтобы прійти къ такому заключенію.

Для наглядности представимъ себѣ такую картину: рота, состоящая изъ старыхъ людей и новобранцевъ, получаетъ по какому-нибудь случаю винную порцію; она выстраивается передъ обѣдомъ около своей кухни, гдѣ на маленькомъ столикѣ, покрытомъ скатертью, поставлено ведро водки, изъ котораго первымъ пьетъ фельдфебель, провозглашая тостъ за здоровье начальства. Вы прежде всего замѣчаете, что этотъ процессъ облеченъ въ какую-то торжественность, которая сама по себѣ составляетъ уже событіе, пріятно нарушающее монотонную обстановку казарменной жизни. Вы замѣчаете это праздничное настроеніе по веселымъ лицамъ людей, которыхъ поворачиваютъ направо и ведутъ по очереди къ чаркѣ; вы видите, какъ каждый солдатъ съ какой-то особенно традиціонной манерой залпомъ выпиваетъ свою чарку и, лихо вытеревъ рукавомъ ротъ, смѣлой, разгульной походкой направляется къ кашевару за горячими щами. До вашего слуха доносится веселый, оживленный говоръ, содержанія котораго вы не слышите, но въ которомъ звучатъ обаятельныя ноты русской задумчивости и искренняго веселья. Очевидно, что если вы при началѣ раздачи уйдете, то ничего, кромѣ хорошаго впечатлѣнія, не вынесете; но достаточно остаться еще нѣсколько минутъ, чтобы увидѣть обратную сторону этого процесса: вы прежде всего замѣчаете, что нѣкоторые люди вовсе не пьютъ водки, а другіе, которымъ товарищи уступили свои порціи, выпиваютъ по нѣскольку чарокъ и на вашихъ глазахъ становятся опьянѣвшими. Непьющіе оказываются почти всѣ новобранцами или людьми молодыхъ сроковъ службы. По смущеннымъ лицамъ этихъ людей вы замѣчаете, что они чувствуютъ себя какъ бы угнетенными, точно они стыдятся чего-то,—и немудрено: они не только не могутъ примкнуть къ общему веселью, а наобо-

ротъ—становятся мишенями для своихъ опьянѣвшихъ товарищей, которые, за неимѣніемъ другого развлеченія, начинаютъ глумиться надъ ними, даютъ имъ разные обидныя прозвища, возбуждающіе общій презрительный хохотъ.

Представьте себѣ совсѣмъ неиспорченнаго новобранца, который, быть можетъ, принесъ въ душѣ идеалъ воина на службу и, страстно стремясь къ этому идеалу, пламенно желаетъ, чтобы всѣ окружающіе считали его молодцомъ, бравымъ солдатомъ,—и вдругъ этотъ человѣкъ, только изъ-за того, что онъ не пьетъ водки, является окруженнымъ какимъ-то бессмысленнымъ презрѣніемъ, жестоко побивающимъ его самолюбіе. Ничто не можетъ быть такъ обидно для солдата, какъ насмѣшки надъ его военными качествами; выраженія: «баба», «рохля», «куда тебѣ супротивъ непріятеля идти»... и проч. переносятся имъ труднѣе самой грубой площадной брани и способны довести его до отчаянія. Спрашивается: какимъ желѣзнымъ характеромъ долженъ обладать новобранецъ, чтобы идти противъ общаго теченія?

Насъ могутъ однако спросить: неужели старые люди всегда оказываются такими дурными въ отношеніи къ своимъ молодымъ товарищамъ? Напротивъ, въ основѣ всего этого лежитъ удивительная простота и добродушіе: насмѣшниками въ большинствѣ случаевъ бываютъ очень порядочные люди; но дѣло въ томъ, что любой выпившій простолудинъ считаетъ непрѣмнѣйшей обязанностью посмѣяться надъ своимъ трезвымъ товарищемъ. Подъ злостнымъ тономъ такой насмѣшки въ большинствѣ случаевъ скрывается желаніе принять непьющаго человѣка въ свою компанію, и только послѣ презрительныхъ взглядовъ со стороны послѣдняго насмѣшка надъ нимъ принимаетъ острый, отталкивающій характеръ.

Послѣ обѣда, когда рота вернется въ свое помѣщеніе, положеніе непьющихъ людей становится еще невыносимѣе: они

не могут отдохнуть, потому что все время слышать вокруг себя неумолкаемый шум и хохотъ. Въ этомъ общемъ возбужденіи люди нетрезваго поведенія находятъ возможнымъ, болѣе чѣмъ въ другое время, проносить въ казармы свою собственную водку, и къ концу вечера нерѣдко въ ротѣ оказываются совершенно пьяные люди, которыхъ бываетъ необходимо арестовать.

Если послѣ этого вамъ приходится присутствовать на слѣдующихъ выдачахъ винной порціи, то вы непременно замѣтите, что количество непьющихъ новобранцевъ будетъ постепенно уменьшаться, что нѣсколько человѣкъ сочтеть за лучшее выпить хотя черезъ силу свою порцію, чтобы попасть въ общій тонъ и не подвергаться насмѣшкамъ.

Рюмка вина, выпитая хотя бы съ отвращеніемъ, все равно, что первая выкуренная папираса; отъ нея можетъ быть непріятно закружится голова, но вторая уже не будетъ такъ противна, а десятая выкурится съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ молодой солдатъ, самъ того не замѣчая, т. е. не бѣгая за виномъ и не тратя на него денегъ, понемножку приучается пить; кромѣ насмѣшекъ со стороны товарищей, его влечетъ къ тому, такъ сказать, мода на водку, которую какъ бы устанавливаетъ жалованная начальствомъ порція; ему какъ-то странно выдѣляться изъ общаго теченія и быть пасмурнымъ въ то время, какъ другіе обнаруживаютъ признаки неподдѣльнаго веселья и даже лихости. Мода—это могущественный двигатель во всякомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ замкнутомъ, гдѣ каждый солдатъ постоянно видитъ передъ собой массу товарищей, а новобранецъ видитъ, кромѣ того, и своихъ учителей. Вліяніе этой моды подавляющее. Мнѣ какъ-то пришлось наблюдать одного очень нравственнаго молодого солдата, который разъ десять отказывался отъ порціи и, наконецъ, не выдержалъ.—«Ты дома пилъ?»—спросилъ я его.—«Никакъ

нѣтъ, отродясь не пивалъ», — отвѣчалъ онъ. — «И не охота была пить?» — «Никакъ нѣтъ, у насъ и въ семьѣ этого заведенія не было». — «Для чего-жъ ты теперь пьешь порцію? кто тебя заставляетъ это дѣлать?» — «Всѣ пьютъ, — куда-жъ мнѣ дѣваться... и опять же порція казенная, стало быть, положеніе»... Этимъ положеніемъ какъ бы устраняется мнѣніе о винѣ, какъ о «плодѣ запретномъ», и даже болѣе того: жалованное вино становится какъ бы обязательнымъ, и многіе изъ людей считаютъ не совѣмъ ловкимъ отъ него отказываться.

Для избѣжанія уступки порціи непьющими солдатами своимъ товарищамъ, мы пробовали выдавать на руки деньги людямъ, отказывающимся отъ вина, но практика привела насъ къ убѣжденію, что такая мѣра положительно вредна: солдатъ, получившій нѣсколько копѣекъ взаменъ порціи, можетъ вполне расчитывать, что насмѣшки надъ нимъ удвоятся, что ему изъ-за этихъ копѣекъ долго не будутъ давать покоя, а потому онъ непременно сочтетъ за лучшее пить свою чарку, чтобы отъ всего этого избавиться.

На все вышеприведенное намъ приходилось слышать одно только возраженіе, что пьянство въ солдатской средѣ развивается помимо вліянія винной порціи и что оно главнымъ образомъ зависитъ отъ внутренняго порядка въ ротѣ. Говорить такимъ образомъ — значитъ смѣшивать причину со слѣдствіемъ; такое возраженіе не болѣе какъ общее мѣсто, и, кромѣ того, оно даже не логично, потому что внутренній порядокъ зависитъ главнымъ образомъ отъ постоянного надзора за людьми, а самая выдача винной порціи, по нашему мнѣнію, затрудняетъ этотъ надзоръ, ибо дядьки, обязанные слѣдить за выпивающими людьми, не всегда послѣ выпитой чарки оказываются къ этому способными.

Независимо отъ этого, иногда начальникъ бываетъ въ затрудненіи при наложеніи взысканія на опьянѣвшаго послѣ

порціи человѣка, такъ какъ бываютъ слабые и непривыкшіе къ вину люди, которые пьянѣютъ отъ одной чарки; встрѣтивъ такого человѣка, начальникъ бываетъ вынужденъ разобратъ: опьянѣлъ ли онъ отъ своей собственной порціи, отъ уступленныхъ ли товарищами порцій или онъ принесъ вина со стороны?

Итакъ, мы видимъ, что совершенно трезвый, а иногда даже незнакомый съ виномъ новобранецъ, поставленный въ извѣстныя условія, подающія поводъ къ употребленію вина, начинаетъ пить его и, смотря по характеру, дѣлаетъ это умѣренно или становится человѣкомъ «выпивающимъ».

Теперь остается выяснитъ: будетъ ли начальникъ вполне обладать средствами для борьбы съ чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина, если его не будетъ стѣснять затрудняющая надзоръ винная порція? Средства эти будутъ заключаться прежде всего въ устраненіи вліянія выпивающихъ старыхъ людей на своихъ молодыхъ товарищей. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ обыкновенный казарменный вечеръ, положимъ, праздничный, и именно то время, когда люди являются изъ отпуска. Предположимъ, что изъ числа явившихся нѣсколько человѣкъ окажутся выпившими. Если между восьмидесятью трезвыми людьми, изъ которыхъ одни чѣмъ-нибудь занимаются, другіе ложатся спать, окажется человѣкъ пять-шесть выпившихъ, можно быть вполне увѣреннымъ, что эти послѣдніе могутъ произвести на своихъ товарищей только отталкивающее впечатлѣніе: ихъ настроеніе будетъ дисгармонизировать съ общимъ трезвымъ настроеніемъ всей роты; шутки и остроты пьянаго человѣка, его рѣзкія, дико-развязныя манеры могутъ быть интересны и производить эффектъ только въ подходящей компаніи. Присутствующій при этомъ новобранецъ будетъ видѣть, что такихъ людей въ ротѣ не одобряютъ, что моды на нихъ не существуетъ и что лучше держаться отъ нихъ подальше.

Кромѣ того, на глазахъ новобранца, фельдфебель и взводный унтеръ-офицеръ, относившіеся къ такимъ людямъ благодушно при выдачѣ винныхъ порцій, въ этомъ случаѣ поступать съ ними строго: болтуновъ заставить замолчать, а производящихъ болѣе крупный беспорядокъ подвергнуть аресту. Мы привели однако исключительный случай, т. е. взяли такую роту, въ которой недостаточно привить внутренній порядокъ: возможность одновременнаго появленія нѣсколькихъ человѣкъ пьяныхъ можетъ быть только въ той командѣ, гдѣ практикуются исключительно карательныя мѣры, а мѣры предупредительныя игнорируются. Мы уже имѣли случай доказывать, что если къ каждому изъ выпивающихъ людей будутъ приставлены надежныя дядьки, которые будутъ сопровождать ихъ при каждомъ увольненіи со двора, то при этомъ условіи возможны только случайные, одиночные и притомъ весьма рѣдкіе случаи пьянства, которые на общій уровень нравственности въ ротѣ не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія. Опытъ неоднократно доказывалъ дѣйствительность такихъ мѣръ, и тамъ, гдѣ онѣ практикуются, одновременное появленіе нѣсколькихъ выпившихъ людей наблюдалось только при поголовной выдачѣ казеннаго вина.

Помимо дурнаго вліянія на трезвость вообще, винная порція приноситъ и другой вредъ казарменной нравственности; этотъ вредъ заключается въ выраженіи неудовольствія на словахъ, къ которому вообще склоненъ выпившій простолудинъ. Ворчливая и мелочная жалоба на тяжесть законныхъ требованій по службѣ, которая рѣдко приходитъ въ голову трезвому человѣку и почти всегда остается невысказанной, иногда высказывается подъ вліяніемъ вина и можетъ дурно дѣйствовать на духъ въ ротѣ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ вредъ можетъ произойти только при поголовной выдачѣ вина, ибо единичный человѣкъ, позволившій

себѣ говорить что-нибудь недолжное, тотчасъ же будетъ остановленъ не только своимъ начальствомъ, но и трезвыми товарищами, которые непремѣнно начнутъ его усовѣщевать. Въ трезвомъ состояніи русскій простолюдинъ, по самой натурѣ своей, всегда почти человѣкъ не только безропотный, но даже не терпитъ ропота въ другомъ; вино сначала обыкновенно развеселяетъ его, но потомъ непремѣнно дѣлаетъ недовольнымъ, ворчливымъ и иногда заставляетъ жаловаться даже на небывалыя несчастія. Многое еще можно сказать о винной порціи, но мы высказали главное, и намъ кажется, что это уже достаточно характеризуетъ ея вредъ. Выставляя уничтоженіе этой порціи какъ главную мѣру къ искорененію чрезмѣрнаго употребленія вина, мы глубоко убѣждены въ ея дѣйствительности, приди къ тому цѣлымъ рядомъ наблюденій надъ внутреннимъ бытомъ солдата, какъ въ мирное время, такъ и въ походѣ. Мы выражаемъ искреннее желаніе, чтобы этому вопросу, съ перваго взгляда кажущемуся незначительнымъ, было отведено должное мѣсто, тѣмъ болѣе, что онъ не исчерпывается одними интересами военной службы, но затрагиваетъ и общіе интересы. Военная школа даетъ простолюдину многія нравственныя и умственныя приобрѣтенія, совершающіяся на нашихъ глазахъ: она беретъ, напримѣръ, изъ семьи неловкаго и лѣниваго человѣка и, дисциплинировавъ его, возвращаетъ расторопнымъ и трудолюбивымъ, неразвитого—болѣе или менѣе развитымъ, неграмотнаго—грамотнымъ и т. д. Къ сожалѣнію, мы не можемъ еще признать за военной школой такого же благотворнаго вліянія на трезвость.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: „КОМАНДОВАНИЕ ОТДѢЛЬНОЮ ЧАСТІЮ“¹⁾.

Помѣщенная въ «Военномъ Сборникѣ» статья г. Карцова: «Командованіе отдѣльной частью»²⁾, представляющая весьма удачный опытъ изслѣдованія тѣхъ внутреннихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ состояніе служебнаго духа въ войскахъ, читалась съ большимъ интересомъ. Отдавая полную справедливость большинству взглядовъ автора этой статьи, особенно касающихся отношеній командира отдѣльной части къ обществу офицеровъ, мы, однако, не можемъ согласиться съ однимъ изъ основныхъ его взглядовъ, что «для службы рѣшительно все равно, по какимъ побужденіямъ человѣкъ исполняетъ свой долгъ: изъ желанія ли получить похвалу, или изъ боязни наказанія, лишь бы онъ всегда и вездѣ исполнялъ его какъ слѣдуетъ». Такое положеніе представляетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ большую уступку человѣческимъ слабостямъ и, кромѣ того, въ немъ есть нѣкоторая натяжка: человѣкъ, исполняющій свой долгъ, положимъ, подъ страхомъ наказанія, едва ли будетъ исполнять его «всегда и вездѣ»; кто можетъ поручиться за то, что такой человѣкъ, будучи временно удаленъ отъ взоровъ начальства, — а такихъ случаевъ бываетъ не мало, — явится и въ этихъ случаяхъ, не имѣя другихъ побудительныхъ причинъ, хорошимъ исполнителемъ своего долга?

¹⁾ Замѣтка эта не имѣетъ прямой связи съ книгой, но помѣщена здѣсь вслѣдствіе затронутого въ ней унтеръ-офицерскаго вопроса.

²⁾ См. «Военный Сборникъ», 1882 и 1883 гг.

Если «люди всегда остаются людьми», какъ говорить авторъ, — «а стараясь достигнуть идеальнаго, можно ничего не достигнуть», то все-таки намъ кажется, что побужденія къ исполненію долга могутъ быть нѣсколько облагорожены извѣстными воспитательными мѣрами, изъ которыхъ нѣкоторыя перечисляетъ самъ авторъ, говоря объ отношеніяхъ командира отдѣльной части съ офицерами, не какъ начальника съ подчиненными, а какъ человѣка съ людьми. Признавая такое общеніе благотворнымъ въ смыслѣ нравственнаго вліянія начальника на подчиненныхъ, при извѣстномъ умѣнии его обращаться съ ними, напрасно авторъ придаетъ ему мало воспитательнаго значенія: говоря, напримѣръ, о дурномъ исполненіи подчиненными долга за глазами начальника, онъ совѣтуетъ вліять на нихъ не убѣжденіями, наставленіями и просьбами, а строгостью, ибо первыя мѣры онъ находитъ неэффективными, такъ какъ командиру части приходится обращаться не къ дѣтямъ, а къ людямъ, окончившимъ военное воспитаніе. Намъ кажется, что людямъ никогда не поздно дѣлаться лучшими, т. е. подвергаться хорошему нравственному вліянію въ общемъ смыслѣ, отъ котораго зависитъ и взглядъ на исполненіе долга; это вліяніе достигается, конечно, не рутинными убѣжденіями и наставленіями, которыя даже съ дѣтьми употребляютъ только плохіе педагоги, а тѣмъ тономъ, который командиръ части всегда имѣетъ возможность дать какъ общественной, такъ и служебной жизни въ полку. Если этотъ тонъ будетъ хорошъ, то мода на хорошее установится въ обществѣ сама собой: все нравственно-опрятное выдвинется на первый планъ, дурное же будетъ находиться подъ давленіемъ среды.

Теперь спрашивается, въ какомъ случаѣ исполненіе долга будетъ прочнѣе и побужденіе къ нему благороднѣе: когда подчиненный будетъ исполнять долгъ только изъ-за боязни наказанія или въ надеждѣ получить похвалу, или когда его

будетъ побуждать къ тому установившійся въ обществѣ честный взглядъ на исполненіе долга? Признаться, мы даже отказываемся назвать исполненіемъ долга ту работу, которая производится человѣкомъ изъ-за боязни наказанія: такая работа непременно будетъ бездушной или, такъ сказать, исполненной одной формальности и никогда не будетъ отвѣчать требованіямъ, которыя возлагаетъ на офицера военная служба.

Чтобы быть хорошимъ руководителемъ солдата, нужно, прежде всего, сердечно относиться къ нему, быть отзывчивымъ къ его нуждамъ, а также мыслить и наблюдать, приискивая способы къ легчайшему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшному его образованію. Только про такого офицера можно сказать, что онъ исполняетъ свой долгъ, и ужъ, конечно, его къ тому побуждаетъ не боязнь наказанія.

Итакъ, мы видимъ, что исполненіе долга служащими въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это понимаемъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ установившагося въ обществѣ хорошаго взгляда на этотъ долгъ. Въ стремленіи установить такой взглядъ мы не усматриваемъ ничего идеальнаго, ибо никто не станетъ отвергать осуществленіе такого стремленія, хотя бы и въ военное время. Мы имѣли случаи наблюдать нѣсколько полковъ въ минувшую войну и замѣтили въ русскомъ офицерѣ одно общее, неоспоримое достоинство: какими бы нравственными качествами этотъ офицеръ ни обладалъ, онъ непременно пойдетъ въ огонь вмѣстѣ со своими товарищами и ни за что отъ нихъ не отстанетъ; человѣкъ, не храбрый въ душѣ, становится фактически храбрымъ въ минуту общей опасности. Какая же сила влечетъ такого человѣка подъ пули? Сила эта заключается въ страхѣ позора: лучше потерять жизнь, чѣмъ подвергнуться всеобщему презрѣнію. Итакъ, мы видимъ, что прочно установившійся взглядъ на исполненіе офицеромъ долга въ бою приноситъ блистательные результаты; отсюда ясно, что

если офицерское общество начнет преслѣдовать презрѣніемъ всякое недобросовѣстное исполненіе долга и въ мирное время, какъ нѣчто позорное, то мы и въ этомъ случаѣ получимъ такіе же результаты. Все зависитъ отъ направленія въ офицерскомъ обществѣ, которымъ призваны руководить старшіе, т. е. начальники и преимущественно командиры отдѣльных частей, какъ люди, связанные съ своими подчиненными общежитіемъ.

За исключеніемъ вышеприведеннаго взгляда на исполненіе долга, который намъ показался нѣсколько раздваивающимъ смыслъ статьи г. Карцова, общей идеей ея мы, все-таки, должны признать стремленіе автора выяснить средства къ водворенію хорошаго служебнаго духа въ войскахъ. Эта задача весьма сложная, ибо такихъ средствъ придется искать и внѣ военной службы, — придется, пожалуй, коснуться и нравственнаго уровня современнаго общества, часть котораго составляетъ военная корпорація; но такъ какъ тѣ средства далеки отъ насъ и не намъ о нихъ заботиться, то мы должны обходиться только своими средствами, на которыя и указываетъ г. Карцовъ въ своей статьѣ. Въ главѣ: «Нравственное вліяніе командира части и отношенія его къ обществу офицеровъ» указано нѣсколько прекрасныхъ способовъ этого вліянія; но для насъ непонятно, почему авторъ, говоря о вредѣ разрозненности въ офицерскомъ общежитіи, т. е. о партіяхъ и кружкахъ, умалчиваетъ объ офицерскихъ собраніяхъ? Мы совершенно согласны съ мыслью, что служебный духъ офицера находится въ большой зависимости отъ его частной жизни въ полку, а потому устроеніе хорошаго общежитія въ офицерской средѣ было бы весьма желательнымъ. Мы предсказываемъ хорошую будущность учрежденію офицерскихъ собраній, но только въ такомъ случаѣ, когда на этотъ предметъ будетъ обращено серьезное вниманіе:

одна постановка общаго обѣденнаго и карточныхъ столовъ въ полковомъ дежурномъ залѣ едва ли осуществить свѣтлую мысль, лежащую въ основаніи постановленія объ офицерскихъ собраніяхъ: тамъ, гдѣ карты и билліардъ на первомъ планѣ, гдѣ пикантные разговоры о вчерашнемъ вечерѣ предпочитаются всякимъ другимъ, гдѣ удачный ходъ въ «винтъ» возбуждаетъ одобренія, пріятно ласкающія самолюбіе,—тамъ едва ли будетъ имѣть мѣсто что-нибудь имѣющее воспитательное значеніе не только въ военномъ, но даже и въ общемъ смыслѣ; военныя собесѣдованія, рекомендуемая постановленіемъ, становятся въ этомъ случаѣ чѣмъ-то обязательнымъ, не возбуждающимъ ни малѣйшаго интереса.

Что же нужно для того, чтобы поднять значеніе офицерскихъ собраній? Нужно сердечное отношеніе къ этому дѣлу лицъ, имѣющихъ власть; нуженъ именно тотъ тонъ, о которомъ говорится выше; нужна мода, которая всегда зависитъ отъ старшихъ.

Извѣстно, что каждый человѣкъ имѣетъ большую или меньшую потребность выражать другимъ свои мысли, дѣлиться съ окружающею средой своими впечатлѣніями; этотъ инстинктъ общности почти всегда бываетъ сопряженъ, особенно у молодыхъ людей, съ громаднымъ самолюбіемъ: ничто такъ не огорчаетъ человѣка, какъ дурное мнѣніе окружающей среды о его умственныхъ способностяхъ, а потому очень естественно, что каждому хочется выказать себя неглупымъ между окружающими людьми. Чѣмъ же это достигается? Обыкновенно этого достигаютъ бойкимъ соображеніемъ или находчивостью въ тѣхъ вещахъ, на которыя въ данной средѣ существуетъ спросъ, хотя бы въ основѣ этого спроса лежали пустота и праздность. Заведите спросъ въ офицерскихъ собраніяхъ на что-нибудь полезное и серьезное,—и вы этимъ сразу выполните три важныя задачи: пер-

вая будетъ заключаться въ болѣе оживленномъ развитіи въ офицерской средѣ военныхъ познаній; вторая—въ скромномъ и разумномъ препровожденіи свободнаго времени и, наконецъ, третья — въ полной возможности ознакомиться не только съ настроеніемъ офицерскаго общества, которымъ вы призваны руководить, но и съ каждымъ его членомъ, какъ съ человѣкомъ.

Далѣе, характеризуя дѣятельность командира отдѣльной части, г. Карцовъ касается только вскользь нѣкоторыхъ частныхъ причинъ, дурно вліяющихъ на хорошій служебный духъ. Извѣстно, что апатія, иногда охватывающая хорошіе элементы въ войскахъ, основывается, главнымъ образомъ, на несерьезномъ взглядѣ на мирную службу вообще; стало быть, самая постановка этой службы не всегда бываетъ настолько удовлетворительной, чтобы заставить офицера признавать всѣ предъявляемыя къ нему требованія основательными; поэтому начальникъ, выражая свои требованія въ приказахъ и на смотрахъ, долженъ быть въ высшей степени осторожнымъ, чтобы какой-нибудь ошибкой не погубить хорошаго и не подать поводъ развиваться дурному. Несolidность въ требованіяхъ ведетъ подчиненнаго къ несolidному отношенію къ службѣ, заставляя его размѣнивать свой трудъ на удовлетвореніе иногда пустячныхъ капризовъ начальства.

Приказы, отдаваемые для руководства, только тогда могутъ приносить пользу, когда они, не указывая на общія, всѣмъ извѣстныя мѣста, даютъ прямыя, точныя, практическія и притомъ выполнимыя указанія. Замѣтивъ въ обученіи какой-нибудь недостатокъ, начальникъ долженъ тщательно изслѣдовать, происходитъ ли онъ отъ упущенія подчиненнаго или отъ его неумѣнія вести дѣло; безъ этого изслѣдованія, о которомъ замѣчаетъ и г. Карцовъ, приказъ не будетъ имѣть рѣшительно никакого значенія и будетъ, какъ гово-

рится, бить по пустому мѣсту. Положимъ, на примѣръ, что начальникъ остался недоволенъ смотровой стрѣльбой своей части. Недолго думая, онъ предписываетъ обратить на обученіе стрѣльбѣ особенное вниманіе. Это будетъ общимъ мѣстомъ, нисколько не поучающимъ. Другой начальникъ замѣчаетъ то же самое и предписываетъ обратить особенное вниманіе на подготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, при неудовлетворительности которыхъ хорошая стрѣльба невозможна. Это будетъ практическое указаніе, но невыполнимое, ибо на одинъ какой-нибудь отдѣлъ образованія въ ущербъ другимъ нельзя обращать особеннаго вниманія. Если бы такой приказъ и былъ выполненъ, то онъ непременно повлекъ бы за собой рядъ другихъ приказовъ, въ которыхъ предлагалось бы обратить особенное вниманіе на каждый изъ остальныхъ отдѣловъ, словомъ, выйдетъ, что каждый отдѣлъ требуетъ особеннаго вниманія, т. е. въ итогѣ приказовъ получится опять-таки общее мѣсто. Теперь, положимъ, третій начальникъ, оставшись недоволенъ тѣмъ же недостаткомъ, прежде чѣмъ отдавать объ этомъ въ приказѣ, старается изслѣдовать его причины, которыя непременно кроются въ одиночномъ обученіи стрѣлка. Присмотрѣвшись къ этому обученію, онъ непременно замѣтитъ либо неумѣлое веденіе подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, либо неправильное распредѣленіе занятій, въ которомъ прикладѣ отводится мѣсто, на примѣръ, послѣ гимнастики, нарушающей физическое спокойствіе стрѣлка, безусловно необходимое, особенно при первоначальномъ его обученіи. Только послѣ такого изслѣдованія начальникъ имѣетъ возможность отдать въ приказѣ нѣсколько указаній, которыя будутъ и практическими, и выполнимыми, а потому принесутъ несомнѣнную пользу. Одно подобное указаніе несравненно важнѣе десятковъ постороннихъ приказовъ, весь смыслъ которыхъ сводится къ

общему, всѣмъ извѣстному мѣсту—«чтобы все было хорошо». Вообще, дѣльные приказы, въ которыхъ начальникъ рекомендуетъ себя человѣкомъ компетентнымъ, заставляютъ подчиненныхъ относиться съ уваженіемъ, какъ къ самому начальнику, такъ и къ службѣ, которая только въ этомъ случаѣ приобретаетъ въ ихъ глазахъ серьезный характеръ.

Теперь перейдемъ къ смотрамъ. Намъ кажется, что знающій и дѣятельный начальникъ мало нуждается въ заблаговременно назначаемыхъ смотрахъ: онъ всегда предпочтетъ имъ смотры внезапные, которые несравненно полезнѣе какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Въ строевомъ отношеніи заблаговременно назначаемые смотры отрываютъ войска отъ программы, заставляя ихъ вырабатывать лоскъ въ томъ или въ другомъ направленіи, въ ущербъ тѣмъ отдѣламъ образованія, которые не спрашиваются на данномъ смотру. Въ хозяйственномъ отношеніи такіе смотры не могутъ дать даже приблизительно вѣрной аттестаціи части, ибо все то, что пригоняется и пополняется къ смотру, не всегда содержится въ томъ видѣ, въ какомъ на немъ показывается.

Внезапные строевые смотры можно было бы производить, слѣдя за программой и требуя только тѣхъ знаній, которыя къ извѣстному времени года становятся обязательными. Неосторожное обращеніе съ программой, какъ, напримѣръ, требованіе отъ новобранцевъ стройности движенія въ сомкнутомъ строѣ, въ то время, когда они еще не тверды въ одиночной маршировкѣ,—ведетъ къ безпорядку въ занятіяхъ, заставляя обучающихся забѣгать впередъ, чтобы гарантировать себя отъ замѣчаній на такомъ смотру. Что касается хозяйственныхъ смотровъ, то они не связаны никакой программой; чѣмъ внезапнѣе будутъ производиться такіе смотры, тѣмъ лучше: не то, напримѣръ, важно, что солдатъ къ назначен-

ному заранѣе времени представляетъ начальнику на смотрѣ, положимъ, свое чистое бѣлье или свои портянки, а то, что онъ ихъ дѣйствительно носить и всегда содержитъ въ чистотѣ, въ чемъ можно убѣдиться только внезапнымъ осмотромъ. Вообще всякіе смотры играютъ весьма важную роль въ развитіи служебнаго духа. Надо, чтобы каждый служащій былъ увѣренъ, что если онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, то это на смотре увидятъ и оцѣнятъ по справедливости. Начальникъ, не твердо знающій службу, можетъ деморализировать часть своими смотрами: такой начальникъ, боясь выказать свои недостатки, волей-неволей долженъ предъявлять на смотре какія-нибудь пустячныя требованія, игнорируя главные результаты занятій, которыхъ онъ, по недостатку опыта и знанія, провѣрить не можетъ. Въ этомъ случаѣ ловкимъ людямъ открывается широкое поле для дѣйствій: они будутъ тщательно изучать взгляды такого начальника, слѣдить за его требованіями въ другихъ частяхъ, которымъ раньше назначались смотры, и будутъ стараться все подогнать къ этимъ требованіямъ въ ущербъ законной программѣ. Человекъ, добросовѣстно занимающійся и идущій прямой дорогой, всегда окажется въ этомъ случаѣ назади, вслѣдствіе своей непредусмотрительности, и его энергія къ труду будетъ убиваться. Еще разъ повторяемъ, что ничто такъ не важно для служащаго, какъ твердая увѣренность въ томъ, что добросовѣстный трудъ его всегда получитъ должную оцѣнку и тѣмъ гарантируетъ его отъ служебныхъ непріятностей.

Намъ остается коснуться еще одного вопроса, именно унтеръ-офицерскаго, въ которомъ мы нѣсколько расходимся съ авторомъ статьи: «Командованіе отдѣльною частью». Перечисляя условія, которымъ долженъ удовлетворять хорошій унтеръ-офицеръ, г. Карцовъ, между прочимъ, замѣчаетъ,

что очень часто попадают въ унтеръ-офицеры люди недостаточно нравственные, которые, будучи рядовыми, прикидываются скромными, а получивъ басыны, начинаютъ вести себя несоотвѣтственно своему званію; поэтому командиръ полка долженъ, во-первыхъ, объяснить ротнымъ командирамъ, что нравственность представляемыхъ людей должна быть на первомъ планѣ, и, во-вторыхъ, при утвержденіи представленія, онъ не долженъ ограничиваться одной провѣркой строевого образованія представляемыхъ людей, а всегда долженъ отдавать предпочтеніе нравственнымъ ихъ качествамъ. Первое указаніе, относящееся собственно къ вопросу офицерскому, т. е. къ служебнымъ достоинствамъ самихъ ротныхъ командировъ, намъ кажется весьма основательнымъ; второе же, по нашему мнѣнію, совершенно невыполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ командиръ полка, производя смотръ людямъ, представляемымъ въ унтеръ-офицеры, которыхъ онъ лично въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не знаетъ, можетъ вывести заключеніе объ ихъ нравственности? На такомъ смотрѣ можно провѣрить только строевую выправку да служебныя познанія человѣка, но никакъ не нравственность. Положимъ, онъ можетъ потребовать для справокъ штрафной журналъ, но авторъ указываетъ именно на такихъ людей, которые до производства ведутъ себя скромно, а потому въ журналѣ не записаны. Отсюда ясно, что опредѣленіе нравственности нижняго чина, очень удаленнаго въ служебной іерархіи отъ командира полка, всецѣло лежитъ на отвѣтственности ротнаго командира, черезъ руки котораго проходитъ вся его служба. Дѣятельный ротный командиръ всегда въ состояніи прослѣдить нравственность человѣка и даже замѣтить дурныя наклонности въ немъ, не взирая на то, что послѣдній ихъ скрываетъ. Мы имѣли уже случай указывать на это въ

статьё «О казарменной нравственности», при чём нами было высказано, что если человекъ никогда ни въ чёмъ не попадался, то этого еще недостаточно для того, чтобы сказать про него, что онъ вполне нравственный: бываютъ люди хитрые, но осторожные, къ которымъ рѣшительно не за что придаться, но ихъ характеръ, ихъ сомнительныя, иногда пробивающіяся наружу воззрѣнія, или, наконецъ, просто—ихъ скрытность дѣлаютъ ихъ совершенно негодными къ начальнической должности. Все это можетъ быть замѣчено только начальникомъ, стоящимъ близко къ солдату, но никакъ не командиромъ отдѣльной части.

Нравственность рядового, представляемаго въ унтеръ-офицеры, составляетъ прямой интересъ ротнаго командира, ибо ему нѣтъ смысла представлять къ этому званію человека, отъ котораго нельзя ожидать усердія къ службѣ, но можно ожидать непріятностей отъ его дурного поведенія. При скудномъ выборѣ, ротный командиръ иногда рѣшается представлять къ производству человека недостаточно твердаго по фронту, въ надеждѣ, конечно, подучить его, но всегда отдастъ предпочтеніе нравственности. Отсюда слѣдуетъ, что роль командира отдѣльной части, при утвержденіи представленія въ унтеръ-офицеры, какъ разъ обратная той, о которой говорить г. Карцовъ: если онъ не можетъ опредѣлить нравственности представляемаго человека, то непременно долженъ стоять за научную его подготовку, и, въ случаѣ скуднаго выбора въ которой-нибудь изъ ротъ, онъ долженъ оказывать ей помощь посредствомъ перевода соотвѣствующихъ людей изъ другой роты.

Намъ могутъ, однако, замѣтить: почему же нерѣдко попадаютъ въ унтеръ-офицеры люди весьма сомнительной нравственности? Это можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: отъ простой ошибки, свойственной всякому человеку, и отъ

служебныхъ достоинствъ самого ротнаго командира. Если подобные случаи повторяются часто, то можно безошибочно относить ихъ ко второй причинѣ, и въ этомъ случаѣ командиръ отдѣльной части становится ответственнымъ, какъ не принявшій мѣръ относительно ротнаго командира, невнимательно относящагося къ своей ротѣ; самъ же лично командиръ части не можетъ помочь выбору нравственныхъ людей въ унтеръ-офицеры, и всякое подобное съ его стороны вмѣшательство, нарушая авторитетъ ротнаго командира, принесетъ дѣлу только одинъ вредъ.

Итакъ, роль командира отдѣльной части въ унтеръ-офицерскомъ вопросѣ тѣсно связана съ вопросомъ офицерскимъ: если онъ достигнетъ хорошаго исполненія ротными командирами ихъ обязанностей, то нравственность представляемыхъ въ унтеръ-офицеры людей будетъ вполне обезпечена, и ему только придется отстаивать ихъ строевую подготовку.

За исключеніемъ всѣхъ вышеприведенныхъ замѣчаній, мы вполне согласны съ мнѣніями и взглядами автора прекрасной статьи: «Командованіе отдѣльною частью», при чемъ выражаемъ искреннее желаніе прочесть когда-нибудь его мнѣніе о командованіи единицами высшаго порядка.

ШКОЛА ГРАМОТНОСТИ И ПРЕПОДАВАНІЕ УСТАВОВЪ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Вопросъ о томъ, нужна ли солдату грамотность, былъ рѣшенъ въ принципѣ утвердительно раньше вопроса о послѣднемъ сокращеніи срока службы. Тогда этимъ новымъ дѣломъ всѣ живо интересовались и принялись за него, особенно въ первое время, очень горячо: обученіе было поголовнымъ и ему посвящалось почти все послѣобѣденное время. Ротная школа, въ составъ которой входили всѣ люди, за исключеніемъ мастеровыхъ, дѣлилась на три класса, которымъ въ концѣ учебнаго года производилось строгое испытаніе. Несмотря на первобытные способы обученія, большое количество удѣляемаго для него времени было причиною тому, что въ результатѣ получался большой процентъ грамотныхъ, а бывали и такія роты, которыя блистали отсутствіемъ безграмотныхъ людей. Между офицерами было соревнованіе. Въ эти годы можно было безъ преувеличенія сказать, что армія являлась проводникомъ грамотности въ народъ, не имѣвшій въ то время порядочныхъ школъ; но что собственно составляла грамотность для войскъ—этотъ вопросъ, по правдѣ сказать, мало интересовалъ войсковыхъ начальниковъ: солдатъ въ то время такъ долго служилъ и объемъ обязательныхъ познаній былъ сравнительно такъ малъ, что учебникъ въ рукахъ солдата считался, можно сказать, роскошью.

Значительное расширеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ солдатскаго образованія, совпавшее съ сокращеніемъ срока службы, совер-

шенно измѣнило взглядъ какъ на цѣль, такъ и на средства обученія грамотѣ въ войскахъ. Прежде всего оказалось, что заниматься грамотностью почти нѣтъ времени, что посвящать все послѣбобѣденное время этимъ занятіямъ значило бы наносить прямой ущербъ общему образованію солдата, — а тутъ-то именно явилась насущная потребность въ грамотныхъ учителяхъ изъ нижнихъ чиновъ. Тогда вышло новое положеніе о ротныхъ школахъ, обязательныхъ только для 14-ти нижнихъ чиновъ, и затѣмъ объ обязательномъ обученіи грамотѣ всѣхъ безъ исключенія новобранцевъ. Намъ надлежитъ рассмотреть, какъ оно дѣйствуетъ на практикѣ.

Объемъ четырехмѣсячнаго курса для новобранцевъ настолько великъ, что ограничиваться только обязательными учебными часами, на которыхъ присутствуютъ офицеры, а затѣмъ предоставлять ученика самому себѣ рѣшительно невозможно. Успѣхъ обученія обеспечивается только тогда, когда оно идетъ рука объ руку съ казарменной жизнью. Надо, кромѣ того, принять во вниманіе, что новобранецъ при официальной обстановкѣ, особенно въ первое время, крайне взволнованъ, а потому въ учебные часы устные познанія воспринимаются тупо. Совсѣмъ другое дѣло, когда новобранецъ сниметъ амуницію, усядется на койкѣ, попьетъ чаю и заведетъ простую бесѣду съ своимъ дядькой. Офицеръ долженъ давать направленіе устному обученію, долженъ подготавливать дядекъ (учителей) къ хорошему обращенію съ новобранцами и къ толковому преподаванію; въ часы же обязательныхъ занятій онъ только въ состояніи провѣрить правильность этого преподаванія и исправить обнаружившіеся недочеты. Изъ этого слѣдуетъ, что обязанности учителей, большинство которыхъ — кандидаты на унтеръ-офицерскія должности, въ настоящее время очень усложнились: эти люди должны быть не только достаточно грамотными, но и

развитыми въ извѣстномъ направленіи, которое должна давать человѣку разумная школа грамотности, иначе они не въ состояніи будутъ владѣть руководствами, къ которымъ приходится обращаться во всѣхъ недоразумѣніяхъ и сомнительныхъ случаяхъ. Самый ученикъ, т. е. новобранецъ или, въ послѣдствіи, рядовой, можетъ быть и неграмотнымъ: ему нѣтъ настоящей необходимости непременно самому читать учебникъ. Конечно, если время позволяетъ, то отчего же не научить грамотѣ всѣхъ рядовыхъ; но это, какъ увидимъ ниже, рѣшительно невозможно.

Теперь является вопросъ: кого же именно изъ новобранцевъ и изъ людей предпоследняго набора слѣдуетъ обучать грамотѣ? Какъ опредѣлить и когда выдѣлить тотъ балластъ, съ которымъ занятія грамотностью только отымутъ время, не принося ротѣ никакой существенной пользы?

Если на это дѣло посмотрѣть чисто съ формальной стороны, то оно кажется очень простымъ: напримѣръ, отъ ротнаго командира требуютъ 14 человѣкъ въ ротную школу, которые къ концу года должны выдержать извѣстный экзамень. Кажется, что можетъ быть проще: составить школу изъ наиболѣе грамотныхъ людей предпоследняго набора; приложить немножко труда—и они блистательно выдержать экзамень ¹⁾; но вотъ вопросъ: принесутъ ли эти люди какую-нибудь пользу ротѣ? Годятся ли они по своимъ нравственнымъ качествамъ для занятія должностей учителя, артельщика, инструктора и т. д. Мы не говоримъ о полковой учебной командѣ, которую командиры частей предпочитаютъ формировать изъ людей послѣдняго набора. Изъ этого видно, что вопросъ о грамотности тѣсно связанъ съ вопросомъ о

¹⁾ Въ настоящее время это положеніе отпадаетъ; учебная команда набирается изъ окончившихъ курсъ молодыхъ солдатъ, а 25% ея набираются даже въ серединѣ курса.

казарменной нравственности и что блестящіе успѣхи, по грамотности, при нынѣшнихъ условіяхъ службы, иногда не могутъ быть поставлены въ заслугу ротному командиру, а именно — если нравственность въ ротѣ, вполне зависящая отъ выдвигаемыхъ имъ людей, свидѣлствуетъ о дурномъ выборѣ школьниковъ, идущихъ въ составъ ротной администраціи.

Мы не будемъ останавливаться на ротной школѣ, которая имѣетъ для войскъ второстепенное значеніе и въ нѣкоторыхъ частяхъ, гдѣ хорошо поставлены занятія съ новобранцами, существуетъ только номинально; мы прямо перейдемъ къ школѣ грамотности съ молодыми солдатами, которая при правильной постановкѣ обученія въ состояніи дать не только контингентъ для полковой учебной команды, но и другихъ необходимыхъ для роты людей, исполняющихъ ефрейторскія и разныя хозяйственныя обязанности.

Вообще военная школа грамотности должна прежде всего преслѣдовать свои ближайшія цѣли, т. е. интересы службы: она должна обучать только нужныхъ для роты людей, а распространеніе грамотности въ широкомъ смыслѣ — это ея второстепенная задача, вполне зависящая отъ времени и отъ средствъ.

Существующее положеніе о школѣ грамотности, требующее обязательнаго обученія всѣхъ новобранцевъ, нисколько не противорѣчитъ этому принципу: мы не знаемъ, который изъ новобранцевъ намъ пригодится въ будущемъ, а потому даемъ возможность каждому изъ нихъ выказать свои способности и свои нравственныя качества и, только по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, отдѣляемъ ненужный балластъ и все вниманіе обращаемъ на лучшихъ людей, съ которыми, по возможности, даже послѣ этого продолжаемъ занятія. Результатъ занятій грамотностью съ новобранцами можно

считать вполне хорошимъ, если они дадутъ хотя восемь хорошо обученныхъ и достойныхъ людей, изъ которыхъ четверо лучшихъ поступаютъ осенью въ полковую учебную команду, а остальные имѣются въ виду на разные второстепенныя должности въ ротѣ. Остальные люди въ хорошей школѣ если и не научатся грамотѣ, то все-таки подвигнутся въ своемъ общемъ развитіи.

По этому поводу намъ приходилось слышать возраженіе, свидѣтельствующее о полномъ непониманіи интересовъ роты: если изъ 30 человѣкъ, ежегодно поступающихъ въ роту, всегда найдется восемь человѣкъ хорошо грамотныхъ, то есть ли надобность обучать грамотѣ всѣхъ новобранцевъ и прибавлять къ ихъ и безъ того труднымъ занятіямъ лишніе 80—100 часовъ? Прежде всего нужно замѣтить, что именно эти восемь человѣкъ, или по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ, рѣшительно никуда не годятся, и строевая рота могла бы только выиграть, если бы ихъ вовсе не назначали въ войска: большинство изъ нихъ—городскіе обыватели, фабричные ремесленники, вообще народъ, по складу своихъ понятій, очень безнравственный; даже тѣ, которые приходятъ изъ сельскихъ школъ, въ большинствѣ случаевъ обнаруживаютъ писарскія наклонности и иногда съ первыхъ же дней начинаютъ промышлять писаніемъ писемъ за деньги или за угощеніе. Рѣдко можно встрѣтить грамотнаго и вполне нравственнаго новобранца. Кромѣ того, отнятіе 80-ти учебныхъ часовъ съ лихвой вознаграждается той практикой соображенія, которую даетъ солдату правильно поставленная школа грамотности. Къ сожалѣнію, постановка этой школы страдаетъ у насъ большими недостатками, устраненіе которыхъ зависитъ не только отъ общихъ заботъ командировъ отдѣльныхъ частей, но и отъ нѣкоторыхъ специальныхъ указаній въ дидактическомъ отношеніи.

Для лучшаго уясненія этого вопроса мы позволимъ себѣ обратиться къ народнымъ школамъ, гдѣ существуетъ два взгляда на обученіе. При первомъ взглядѣ преслѣдуется только наученіе искусству читать и писать, не отвлекаясь никакими посторонними цѣлями; при второмъ—имѣется въ виду попутное воспитаніе человѣка: развитіе въ немъ соображенія, любознательности, любви къ Богу, къ Государю и къ родинѣ, при чемъ дается ему понятіе объ окружающемъ мірѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ обществу и т. д. Словомъ, при второмъ взглядѣ заботятся сдѣлать изъ ученика не только грамотея, но и человѣка съ извѣстной умственной и нравственной подготовкой, у котораго склонность къ книжкѣ и вообще къ наукѣ осталась бы на всю жизнь. Методы обученія, соотвѣтствующіе этимъ двумъ взглядамъ, для краткости назовемъ: первый—механическимъ, второй—воспитательнымъ.

Понятно, что при первомъ методѣ школа не имѣетъ для человѣка никакого внутренняго смысла: она оставляетъ въ немъ такое же впечатлѣніе, какъ вообще ремесленная мастерская, и самое воспоминаніе о школѣ будетъ рисовать въ его воображеніи однѣ только формы буквъ, красивые крючки, ровно написанныя строчки и прочее. Подобно тому, какъ, напримѣръ, у сапожнаго ученика является прежде всего мысль о матеріальной наживѣ посредствомъ своего ремесла, такъ и у ученика, вышедшаго изъ подобной школы, нѣтъ стремленій, сколько-нибудь возвышающихся надъ стремленіемъ къ матеріальному заработку.

Интересуясь этимъ предметомъ, мы имѣли возможность наблюдать такихъ учениковъ въ народѣ и вынесли самое безотрадное впечатлѣніе: человѣкъ, прошедшій школу механическаго обученія, получаетъ какой-то непріятный писарскій оттѣнокъ: онъ становится подъячимъ въ самомъ дур-

номъ смыслѣ этого слова, проводить время въ кабакахъ и писать пьянымъ мужикамъ просьбы, получая гонораръ водкой.

Такой методъ школьнаго образованія, не дающій хорошаго направленія ни уму, ни сердцу человѣка, по нашему мнѣнію, въ высшей степени вреденъ; но, къ сожалѣнію, онъ существуетъ и поддерживается многими условіями нашей жизни: за него стоятъ педагоги-теоретики.

О благѣ народнаго образованія нельзя судить по однимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, и если эта система давала большой процентъ грамотныхъ, то надо было заглянуть въ жизнь, чтобы увидѣть, что дала она обществу.

Что касается воспитательнаго метода, то при немъ нельзя надѣяться на большой процентъ грамотныхъ; но зато такой способъ нравственно связываетъ человѣка со школой и съ учителемъ, возбуждаетъ въ немъ страсть къ дальнѣйшему образованію и даетъ для этого средства, развивая въ ученикѣ способность соображенія, приучая его къ осмысленнымъ отвѣтамъ, къ самостоятельному разрѣшенію несложныхъ вопросовъ и прочее.

Казалось бы съ перваго взгляда, что подобныя педагогическіе вопросы не имѣютъ мѣста въ нашихъ скромныхъ военныхъ школахъ, которыя должны вести къ очень простой цѣли—служить подспорьемъ при изученіи воинскихъ уставовъ; самый простой способъ наученія искусству читать и писать, доступный не только офицеру, но и развитому нижнему чину, казалось, былъ бы здѣсь самымъ умѣстнымъ; но опытъ убѣдилъ насъ, что наученіе одному искусству читать и писать, безъ попутнаго воспитанія, слѣдуетъ считать первымъ ложнымъ и трудно поправимымъ шагомъ въ начальной или, такъ сказать, коренной подготовкѣ унтеръ-офицеровъ.

Недостатокъ нашихъ начальныхъ военныхъ школъ заключается не въ томъ, что онѣ даютъ малый процентъ грамотныхъ, а въ томъ, что въ обученіи отсутствуетъ осмысленность, что умъ солдата на первыхъ ступеняхъ его развитія не вызывается къ мышленію; отъ этого солдатъ съ первыхъ шаговъ обученія начинаетъ признавать за собой какъ бы законное право надѣяться только на свою память. Это ведетъ къ полному отсутствію инициативы среди нижнихъ чиновъ: неглупый солдатъ иногда является идіотомъ, когда нужно раскинуть собственнымъ умомъ, придумать свой собственный способъ частнаго примѣненія устава ¹⁾).

Если бы намъ предложили выборъ въ полковую учебную команду между человѣкомъ, хорошо грамотнымъ, но привыкшимъ работать памятью, и человѣкомъ малограмотнымъ, но за которымъ есть практика соображенія, мы, конечно, остановились бы на послѣднемъ: въ учебной командѣ назначается не менѣе трехъ лекцій въ недѣлю на чтеніе и письмо: плохо грамотнаго, но развитого человѣка легко подучить; онъ будетъ медленно разбирать текстъ устава и все-таки вникать въ его смыслъ; но мы видали хорошо грамотныхъ людей, которые заучивали уставъ по строчкамъ и иногда при отвѣтахъ останавливались на какомъ-нибудь словѣ, не отдѣленномъ отъ слѣдующаго даже запятой.

Итакъ, обученіе грамотѣ въ начальныхъ военныхъ школахъ непременно должно быть воспитательнымъ; но, чтобы развивательныя бесѣды не очень задерживали механизмъ обученія, преподающій офицеръ долженъ быть хорошо знакомъ съ звуковымъ методомъ и вообще съ техническими приемами,

¹⁾ Вопросъ объ осмысленности въ обученіи вообще превосходно разобранъ въ статьѣ эрцъ-герцога Іоанна: «Муштровка или воспитаніе?». См. 2-й томъ этой же книги.

которые можно изучить по наставленіямъ, приложеннымъ къ хорошимъ учебникамъ.

Къ сожалѣнію, преподаваніе грамотности для большинства нашихъ офицеровъ совершенно новый предметъ: въ конкертскихъ и военныхъ училищахъ свѣдѣнія о немъ не входятъ въ обязательную программу, а для человѣка, мало знакомаго съ этимъ предметомъ, онъ кажется слишкомъ простымъ, не представляющимъ ничего серьезно-научнаго; такому человеку и въ голову не можетъ прийти, что для овладѣнія техникой обученія нужно имѣть нѣкоторую научную подготовку, а для бойкаго обращенія съ сопровождающимъ обученіе воспитательно-образовательнымъ матеріаломъ нужно обладать опытомъ, имѣть призваніе и, пожалуй, даже талантъ или, по крайней мѣрѣ, быть хорошо знакомымъ съ элементарными педагогическими приемами или съ такъ называемыми школьными аксіомами.

Не имѣя даже малѣйшаго понятія о школѣ, наилучшій офицеръ, очень ретиво приступающій къ занятіямъ, иногда приходитъ къ такому заключенію, что солдатъ—это въ нѣкоторомъ родѣ идіотъ, которому только и можно вбивать въ голову извѣстныя познанія посредствомъ заучиванія. Такой офицеръ часто приходитъ втупикъ, рѣшительно недоумѣвая, что сдѣлать, на примѣръ, для возбужденія вниманія въ людяхъ, охоты къ занятіямъ и вообще для приданія живости обученію. Это относится не только къ грамотности, но и къ общему образованію солдата. Конечно, опытъ вполнѣдствіи научаетъ офицера, но начальная школа грамотности находится именно въ неопытныхъ рукахъ, такъ какъ по положенію ея долженъ завѣдывать младшій офицеръ. Положимъ, ротный командиръ обязанъ руководить обученіемъ, но это руководство преимущественно касается примѣненія внѣшнихъ правилъ; по внутреннему содержанію онъ можетъ

только дать нѣсколько летучихъ совѣтовъ, иначе придется заниматься самому грамотностью, а для этого рѣшительно нѣтъ времени.

Такое положеніе школы грамотности само по себѣ, даже независимо отъ метода, не могло вести къ хорошимъ результатамъ, хотя бывали и исключенія: находились офицеры, которые не только съ любовью изучали школьные вопросы, но даже сами являлись составителями руководствъ. Общихъ руководящихъ началъ школа грамотности никогда не имѣла: каждая часть войскъ училась по своему излюбленному, иногда сомнительныхъ достоинствъ, учебнику, который автору удавалось проводить въ военныя школы.

Дѣло, какъ говорится, не задавалось, и неумѣніе было такъ очевидно, что командиры отдѣльныхъ частей принуждены были обращаться къ специалистамъ. Самымъ извѣстнымъ изъ такихъ специалистовъ въ Петербургскомъ округѣ былъ г. Столпянскій. Этотъ опытный и несомнѣнно талантливый преподаватель задумалъ выработать простую общедоступную форму не механическаго, а воспитательнаго обученія грамотѣ молодыхъ солдатъ черезъ учителей изъ нижнихъ чиновъ. Твердо грамотные нижніе чины, по два съ роты, съ октября по декабрь подготавливались г. Столпянскимъ въ учителя грамотности. Съ 15-го января эти люди приступали къ занятіямъ съ новобранцами и обучали ихъ по май мѣсяць, когда самимъ г. Столпянскимъ производилось испытаніе. Г. Столпянскій обязывался посѣщать ротныя школы, провѣрять занятія учителей и давать имъ совѣты. Такая система занятій, почти устраняющая участіе въ нихъ офицеровъ, по нашему мнѣнію, весьма несостоятельна. Воспитательное направленіе проводилось только въ школахъ, гдѣ читалъ самъ г. Столпянскій. — и дѣйствительно, надо отдать справедливость, — учителя, вышедшіе изъ-подъ его рукъ и прослушавшіе всего 20—30 уроковъ, кончали школу съ боль-

шимъ успѣхомъ: кромѣ бойкаго обращенія съ азбучнымъ матеріаломъ, въ нихъ замѣтна была гладкость и точность въ отвѣтахъ и вообще практика соображенія; но далѣе самъ г. Столпянскій размѣнивалъ свой трудъ до невозможности: обойти въ одинъ день нѣсколько полковъ или сто школъ и дать тысячу совѣтовъ онъ, конечно, не имѣлъ возможности, а школа, отданная въ руки не интеллигентнымъ людямъ, могла дать самый лучшій результатъ въ видѣ механически читающаго нараспѣвъ ученика, нисколько не подвинувшагося въ своемъ общемъ развитіи. О воспитаніи здѣсь не могло быть и рѣчи. Г. Столпянскій считывалъ всѣхъ читающихъ нараспѣвъ учениковъ и приводилъ громаднѣйшій процентъ обучившихся грамотѣ; но, вѣроятно, онъ самъ созналъ несостоятельность этой системы, ибо въ докладной запискѣ, поданной въ военное министерство ¹⁾, онъ сталъ проводить мысль объ открытіи курсовъ для гг. младшихъ офицеровъ и юнкеровъ для передачи имъ способовъ преподаванія.

Съ подобными предложеніями обращались въ военное министерство и другіе составители учебниковъ и ихъ проекты были препровождены на обсужденіе комиссіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Комиссія не одобрила ни одного изъ предлагаемыхъ способовъ преподаванія, находя ихъ слишкомъ сложными. Въ изданномъ журналѣ засѣданій комиссіи (1884 г., стр. 6) говорится, между прочимъ, слѣдующее: «было бы желательно составленіе и изданіе для молодыхъ солдатъ въ такой степени упрощеннаго руководства къ изученію грамоты, которымъ они могли бы пользоваться сами, при пособіи со стороны ихъ грамотныхъ товарищей. Это руководство должно вести прямо къ цѣли, безъ всякихъ отступленій въ интересахъ расширенія умственнаго кругозора уча-

¹⁾ «Журналъ засѣданій комиссіи педагогическаго музея» (изданный въ 1884 г. стр. 4-я).

щихся. Хорошо же выбранныя и распространенныя въ войскахъ книги для чтенія, вмѣстѣ съ ротной школой и другими воспитательными элементами военного быта, дадутъ научившимся грамотѣ молодымъ солдатамъ вполне здоровую умственную пищу и, притомъ, несравненно полезнѣйшую, чѣмъ случайныя бесѣды по поводу той или другой буквы».

Такое заключеніе комиссіи, состоящей изъ людей свѣдущихъ по школьнымъ вопросамъ и изъ нѣсколькихъ офицеровъ — представителей отъ войскъ, откровенно говоря, крайне насъ озадачило. Мы вполне согласны, что можно стоять за болѣе упрощенное руководство, чѣмъ, напримѣръ, труды гг. Столпянскаго и Троцкаго-Сенютовича, но такъ рѣзко отвергать пользу воспитательнаго элемента въ обученіи могутъ только люди, не испытывшіе всей трудности занятій съ неразвитымъ, непривыкшимъ соображать человѣкомъ, хотя бы онъ могъ превосходно читать и писать. Мы скажемъ больше: наученіе одному искусству читать и писать, безъ соотвѣтствующаго развитія, приучаетъ человѣка къ односторонней мозговой дѣятельности, развиваетъ въ немъ только одну память въ ущербъ другимъ способностямъ ума.

«Руководство должно вести прямо къ цѣли, — говорится въ заключеніи, — безъ всякихъ отступленій въ интересахъ расширенія умственнаго кругозора учащихся»... Мы позволимъ себѣ спросить: какая же это цѣль? Неужели можно считать разумной цѣлью обученія грамотѣ большой процентъ читающихъ нараспѣвъ учениковъ, которые при разсказѣ прочитанной длинной фразы бессмысленно повторяютъ нѣсколько уловленныхъ памятью словъ? Спрашивается: для чего это нужно? Не лучше ли удовольствоваться малымъ процентомъ хорошо грамотныхъ, а остальныхъ людей научить, по крайней мѣрѣ, толково излагать прочитанное учителемъ. Этотъ нормальный результатъ, вполне достигаемый въ 80-ти-часовой воспитательной школѣ, послу-

жить дѣйствительнымъ подспорьемъ при изученіи воинскихъ уставовъ.

Далѣе, въ заключеніи комиссіи говорится, что люди, не получившіе умственной пищи въ начальной школѣ грамотности, найдутъ таковую въ ротной школѣ, въ ротной библіотекѣ и въ другихъ воспитательныхъ элементахъ военного быта, и что эта пища будетъ гораздо полезнѣе, чѣмъ случайныя бесѣды по поводу той или другой буквы. Это не совсѣмъ вѣрно; ротная библіотека для людей, обученныхъ механическому чтенію, не играетъ рѣшительно никакой роли, — книжки въ ней лежатъ по цѣлымъ годамъ не разрѣзанными; даже книжки, которыя солдатъ покупаетъ на свой счетъ, прямо указываютъ на полное отсутствіе любознательности и на стремленіе упражняться только въ процессѣ чтенія: при осмотрѣ солдатскихъ сундуковъ, намъ приходилось видѣть вышедшее изъ употребленія руководство по алгебрѣ, дешевые переводы философскихъ сочиненій и многія другія книги съ совершенно непонятными для солдатъ заглавіями.

Что касается бесѣдъ по поводу той или другой буквы, которыя комиссія почему-то называетъ случайными, то мы рѣшительно утверждаемъ, что онѣ имѣютъ громадное воспитательное значеніе, ибо играютъ роль азбуки въ постепенномъ развитіи соображенія солдата, вырабатываютъ въ немъ языкъ, приучаютъ къ осмысленнымъ отвѣтамъ. Эти бесѣды вовсе не случайны. Неужели комиссіи не извѣстно, что во всякомъ хорошемъ учебникѣ есть наставленіе для такихъ бесѣдъ: постепенное осложненіе вопросовъ, содержаніе которыхъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ необходимыя для ученика свѣдѣнія, не только способствуетъ развитію челоуѣка, но и обогащаетъ его познаніями. Солдатъ, успѣшно прошедшій черезъ такіа бесѣды, становится находчивымъ во всей своей послѣдующей службѣ.

Для наглядности возьмемъ аналогичныя положенія солдата въ начальной школѣ грамотности и при исполненіи служебныхъ обязанностей. Положимъ, солдатъ № 1-й обучается въ воспитательной школѣ, а № 2-й—въ школѣ, рекомендуемой комиссіей. Приведемъ примѣры несложной находчивости. Солдатъ № 1-й, при изученіи, напримѣръ, элементовъ буквы «р», не только знаетъ, что на эту букву начинаются слова «роса» и «рои», но самъ упражнялся въ придумываніи десятка другихъ словъ. Неофициальная обстановка школы, способствующая процессу такого упражненія, и самый этотъ процессъ ему очень нравятся: послѣ каждого придуманнаго слова учитель даетъ ему понять, что онъ имъ доволенъ, какъ человѣкомъ сообразительнымъ; это солдата очень занимаетъ, и онъ радъ всякому другому случаю показать свою находчивость. Рядомъ подобныхъ, постепенно осложняющихся, упражненій вы достигаете того, что солдатъ у васъ не теряется или, какъ говорятъ въ казармахъ, не ошалѣваетъ. Обыкновенно тутъ же спрашивается значеніе каждого придуманнаго слова, и солдатъ приучается къ правильному выраженію своихъ мыслей. Упражня въ находчивости человѣка забитаго, вы можете возбуждать въ немъ зачатки самолюбія, а самолюбивый солдатъ—это самый желательный типъ, особенно въ военномъ смыслѣ.

У солдата № 2-й отъ изученія элементовъ «р» останутся въ головѣ только «роса» и «рои». Всякій вопросъ, вызывающій къ находчивости, если бы учителю вздумалось, между прочимъ, его предложить (онъ не обязанъ этого дѣлать), будетъ для ученика чѣмъ-то новымъ, непонятнымъ, и онъ сейчасъ же отправится за справкой не къ разсудку, а къ памяти, и станетъ безсмысленно перебирать въ умѣ всѣ пройденныя упражненія, ища въ нихъ отвѣта на неожиданный вопросъ. Для такого ученика непонятно, что книжку можно дополнять собственнымъ умомъ,—онъ рѣшительно не привыкъ думать. Къ этому

нужно прибавить, что механическое обученіе отличается полнымъ отсутствіемъ живости, какъ вообще всякое занятіе, лишенное умственного интереса, не представляющее ничего любопытнаго. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что ученика, особенно взрослога, можетъ интересовать голый процессъ складыванія буквъ; такое занятіе надоедаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ, напримѣръ, гимнастика, гдѣ нѣкоторый интересъ вызывается состязаніемъ въ ловкости, при чемъ этотъ интересъ удешевляется, если гимнастическія упражненія подходятъ къ національнымъ играмъ. Весь интересъ школьника № 2-й заключается только въ перспективѣ письма къ роднымъ, написаннаго собственной рукой.

Теперь представимъ школьниковъ №№ 1-й и 2-й при исполненіи служебныхъ обязанностей. Положимъ, оба они готовятся на часы къ арестантамъ. Вы спрашиваете у № 1-го: «какъ ты долженъ поступить, замѣтивъ, что арестантъ выламываетъ окно»? Онъ отвѣтитъ такъ, какъ понимаетъ, въ своихъ выраженіяхъ, не слово въ слово по уставу. Вы предлагаете другой вопросъ, о которомъ въ уставѣ не говорится; онъ сдвинетъ брови, перемнется на ногахъ, обнаруживая этими виѣшними признаками присутствіе мысли, и непременно что-нибудь отвѣтитъ, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрно, но толково. Во всякомъ случаѣ, это человѣкъ надежный, который и въ непредвидѣнныхъ случаяхъ непременно подумаетъ и что-нибудь предприметъ, не дастъ совершиться упущенію.

Предложите тѣ же самые вопросы школьнику № 2-й. Вы замѣчаете у него прежде всего какую-то принужденность, непривычку отвѣчать на вопросы въ разбивку, отсутствіе школьнаго навыка. Онъ привыкъ въ школѣ отвѣчать только тѣ опредѣленные уроки, которые заданы на извѣстный день. Онъ усиленно припоминаетъ то мѣсто въ книжкѣ, гдѣ говорится о предупрежденіи побѣга арестантовъ, и вдругъ, какъ тре-

щотка, начинается слово въ слово: «часовой, стоящій у арестантской камеры»... и т. д. Если вы его во-время не остановите, то можетъ случиться, что онъ перескажетъ еще цѣлую страницу, вовсе не относящуюся къ вопросу, а иногда, не кончивъ отвѣта, вдругъ оборвется на какомъ-нибудь словѣ, потому что слѣдующее слово забылъ. Въ этотъ моментъ жалко бываетъ смотрѣть на человѣка: вы видите передъ собой положительнаго страдальца, у котораго отъ волненія капли пота выступаютъ на лбу. Онъ начинаетъ налаживать отвѣтъ, бессмысленно повторяя предыдущую фразу: «бдительно охраняетъ свой постъ и все порученное... и все порученное»... и наконецъ, изнемогая, останавливается. Человѣкъ, незнакомый съ казарменнымъ бытомъ, пожалуй, не повѣритъ, что солдатъ послѣ такого отвѣта кажется на видъ болѣе усталымъ, чѣмъ послѣ гимнастики. Онъ весь становится мокрымъ, и если вы ему дадите оправиться, онъ сейчасъ же начнетъ сморкаться и вытирать потъ.

Можно навѣрно сказать, что такой солдатъ никогда не найдется въ рѣшительную минуту: для него уставное правило не имѣетъ никакого практическаго смысла, и если онъ его помнитъ, то только потому, что онъ выучилъ страницу, на которой оно напечатано, и отличаетъ ее отъ другихъ страницъ по какому-нибудь чернильному пятну.

Нечего и говорить, что на всякій вопросъ, о которомъ не говорится въ уставѣ, школьникъ № 2-й отвѣтитъ: «не могу знать» или «запамятовалъ»,—это самыя обиходныя его выраженія. Если вы у него спросите, почему онъ не подумаетъ, не сообразитъ, онъ непременно отвѣтитъ, что у него нѣтъ памяти. Это нормальный результатъ школы, которая, не отвлекаясь расширеніемъ умственнаго кругозора учащихся, стремится къ прямой цѣли—научить ихъ, какъ можно скорѣе, чтенію, письму и счету. Мы можемъ сказать безъ преувели-

ченія, что половина несчастныхъ случаевъ при исполненіи караульной и другой службы является слѣдствіемъ безтолковаго обученія, которому начало кладется въ такой школѣ.

Итакъ, мы видимъ изъ практики, что начальная школа грамотности приносить дѣйствительную пользу только въ томъ случаѣ, когда обученіе въ ней сопровождается воспитаніемъ. Хотя при такихъ условіяхъ задерживается прохожденіе курса, но все-таки наиболѣе способные люди успѣваютъ научиться чтенію, письму и счету и могутъ быть предоставлены въ распоряженіе ротнаго командира для выбора достойнѣйшихъ изъ нихъ въ полковую учебную команду. Успѣхъ обученія въ такой школѣ вполне зависитъ отъ выбора хорошаго учебника, отъ хорошей подготовки и отъ общихъ достоинствъ преподающаго офицера.

Мы сказали выше, что представленные въ военное министерство проекты преподаванія грамотности въ войскахъ были препровождены на разсмотрѣніе комиссіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Комиссія не одобрила ни одного изъ представленныхъ проектовъ, и ей предоставлено было выработать программу конкурса на составленіе учебника грамоты для молодыхъ солдатъ, отвѣчающаго требованіямъ начальной военной школы ¹⁾.

Программа была составлена и издана въ 1884 году, а 1-го октября 1885 года было назначено крайнимъ срокомъ для представленія авторами своихъ трудовъ. Премія за избранное сочиненіе опредѣлена была въ тысячу рублей.

Къ назначенному сроку было представлено пятьдесятъ четыре труда, съ которыми мы имѣли возможность близко познакомиться, состоя членомъ жюри по назначенію отъ войскъ.

¹⁾ См. изданные въ 1884 году: «Журналы засѣданій комиссіи педагогическаго музея по вопросу о программѣ учебника грамоты для молодыхъ солдатъ и программу конкурса на составленіе такого учебника».

Прежде всего на насъ произвело весьма отрадное впечатлѣніе, что лучшіе изъ авторовъ, труды которыхъ легко было узнать, не отступились отъ своихъ убѣжденій: нѣсколько сокративъ свои учебники, они не исключили воспитательнаго способа преподаванія, зная навѣрно, что черезъ это ихъ сочиненія не будутъ премированы. Комиссія не могла отнестись несочувственно къ этимъ солиднымъ трудамъ; не признавая ихъ годными для начальныхъ военныхъ школъ, она все-таки рѣшила выразить ихъ авторамъ публичное одобреніе въ своихъ печатныхъ отчетахъ.

Что касается нашего личнаго мнѣнія, основаннаго на вышеприведенныхъ практическихъ выводахъ, то мы стояли за учебникъ подъ девизомъ «К. Н.», въ которомъ легко было узнать трудъ извѣстнаго военнаго педагога — подполковника Абазы. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нашего отзыва объ этомъ сочиненіи, представленнаго на заключеніе комиссіи: «Учебникъ подъ девизомъ «К. Н.», по своимъ выдающимся достоинствамъ, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія всею комиссіей. Букварь составленъ толково: легко-тянущіеся и легко-сливающиеся звуки предшествуютъ болѣе труднымъ; упражненія при каждой группѣ буквъ—простыя и осмысленныя; уроки содержательные, но легкіе, и число ихъ рассчитано на время, удѣляемое для занятій грамотностью съ молодыми солдатами. Въ авторѣ сейчасъ же узнается опытный педагогъ, практикъ, хорошо знакомый съ военными школами. Матеріалъ для чтенія не оставляетъ желать ничего лучшаго: въ немъ, кромѣ художественныхъ и преимущественно бытовыхъ статей, есть свѣдѣнія, необходимыя всякому начинающему учиться человѣку, а для солдата они служатъ большимъ подспорьемъ при его дальнѣйшемъ образованіи. Полагаю, что для ученика нашей военной школы, не знающаго зачастую, когда бываетъ новый годъ, сколько въ часѣ минутъ, смѣшивающаго

св. синодъ съ правительствующимъ сенатомъ, считающаго нѣмцевъ и турокъ одинаковыми нехристями и прочее, — нужна хрестоматія болѣе или менѣе реального содержанія, которая давала бы ему то, что называется азбучными истинами, безъ знанія которыхъ трудно жить и еще труднѣе учиться. Попутное и толковое чтеніе литературныхъ образцовъ очень полезная вещь, но еще полезнѣе научить солдата — какой онъ вѣры, народности и прочее. Хрестоматія, приложенная къ учебнику подъ девизомъ «К. Н.», даетъ солдату многія необходимыя въ его бытѣ свѣдѣнія и снабжена подходящими литературными образцами. Съ первыхъ же страницъ солдатъ знакомится съ названіями и значеніемъ многихъ неизвѣстныхъ ему или только отчасти знакомыхъ предметовъ, узнаетъ, что такое форма и величина, что такое мѣры длины, вѣса, времени. Статьи расположены съ постепенно осложняющимся содержаніемъ и перемѣшаны съ развивающими соображеніе устными задачами и загадками. По нашему мнѣнію, такой матеріалъ для солдатскаго чтенія можетъ служить хорошимъ воспитательнымъ средствомъ и представляетъ для начальной военной школы большую находку, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ представленныхъ на конкурсъ и просмотрѣнныхъ нами учебниковъ такой хрестоматіи не даетъ.

«Особеннаго вниманія въ учебникѣ подъ девизомъ «К. Н.» заслуживаетъ «Наставленіе для учителя». Авторъ настаиваетъ на осмысленномъ обученіи и горячо ратуетъ противъ механическаго. «Для людей взрослыхъ», говоритъ онъ, «осмысленность является даже необходимостью: только осмысленная работа въ состояніи завлечь ихъ»¹⁾.

¹⁾ Авторъ имѣетъ за собой большую практику: онъ читалъ лекціи для гг. офицеровъ и руководилъ преподаваніемъ грамотности въ Харьковскомъ военномъ округѣ, во время командованія этимъ округомъ генераль-адъютанта Карцова.

«Не останавливаясь на общих положеніяхъ, которыя, сами по себѣ, ничему не научаютъ, авторъ живо рисуетъ цѣлую картину обученія, приводитъ дословные разговоры съ солдатомъ, сразу научаетъ, какъ обращаться съ нимъ. Вы прямо видите изъ «Наставленія», какъ учитель вступаетъ въ нравственную связь съ обучаемыми, заинтересовываетъ ихъ предметомъ и становится для нихъ близкимъ человѣкомъ. Все это изложено горячо, можно даже сказать, увлекательно, — видно, что авторъ посвятилъ себя школѣ, много жилъ въ ней и о нуждахъ ея много передумалъ и переживалъ».

«Кромѣ всего вышеннеложеннаго, въ «Наставленіи» указанъ рядъ мелкихъ техническихъ приѣмовъ для прохожденія каждаго урока. Эта часть очень просто изложена и не слишкомъ обширна, а при этихъ условіяхъ она только и можетъ быть полезной».

«Вообще слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ представленныхъ на конкурсъ трудахъ, за исключеніемъ учебника подъ девизомъ «К. Н.», «Наставленія для учителя» весьма слабы: они либо страдаютъ существенными недочетами, либо, по своей сложности и обширности, пригодны только для учителей по профессіи, но не для офицеровъ: учитель не-педагогъ будетъ сразу опутанъ безчисленнымъ множествомъ техническихъ приѣмовъ, которыми составители сопровождаютъ изученіе азбуки, а обиліемъ указаній при выборѣ словъ для анализа учитель будетъ просто удрученъ. Несмотря на это, мы почти нигдѣ не находимъ, за исключеніемъ учебника подъ девизомъ «К. Н.», указаній для обращенія съ ученикомъ какъ съ человѣкомъ. При самомъ добросовѣстномъ изученіи руководства, офицеръ можетъ быть вовсе незнакомъ съ самыми элементарными педагогическими приѣмами, напримѣръ, для возбужденія вниманія въ классѣ, охоты къ занятіямъ и прочее. Составитель непременно долженъ провести извѣстную, выработанную опы-

томъ, манеру обращенія съ ученикомъ; указаніе такой манеры для неопытнаго учителя чрезвычайно важно: отъ этого зависитъ живость обученія, безъ которой самые совершенные технические приемы окажутся малосостоятельными.

«Итакъ, мы видимъ, что изъ всѣхъ представленныхъ на конкурсъ учебниковъ, между которыми легко было узнать труды почти всѣхъ извѣстныхъ авторовъ, пока только одинъ оказался, по нашему мнѣнію, отвѣчающимъ нуждамъ начальной военной школы».

Признавая трудъ г. Абазы солиднымъ, комиссія все-таки отвергла его за воспитательный способъ обученія.

Кстати нужно замѣтить, что въ комиссіи педагогическаго музея былъ, между прочимъ, поднятъ вопросъ: слѣдуетъ ли, если не всѣмъ войскамъ, то, по крайней мѣрѣ, каждой отдѣльной части, придерживаться одного метода обученія, или лучше предоставить занимающимся офицерамъ выбирать руководства по ихъ усмотрѣнію. По этому поводу высказался случайно присутствовавшій въ одномъ изъ засѣданій комиссіи командиръ л.-гв. Павловскаго полка, генераль-маіоръ фонъ-Мевесъ: «такъ какъ конечная цѣль занятій съ нижними чинами послѣдняго призыва—дѣйствительно научить ихъ читать, писать и считать, время же, на это удѣляемое, очень коротко, то, въ видахъ вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, можетъ быть принятъ только тотъ методъ, который имѣетъ за собою многолѣтній опытъ, указывающій на его цѣлесообразность. При предоставленіи каждому обучающему пользоваться приемами, которые онъ признаетъ лучшими, едва ли возможенъ контроль. Начальникъ отдѣльной части, на отвѣтственности котораго лежитъ успѣхъ обученія грамотѣ, не имѣетъ возможности ознакомиться со всѣми разнообразными способами обученія грамотѣ, а потому и не можетъ судить о пригодности того или другого метода въ началѣ его примѣненія. Срокъ же

обученія такой короткій, что когда окажется замѣтною непригодность метода, тогда часто уже бываетъ поздно поправлять сдѣланный промахъ. На слѣдующихъ ступеняхъ обученія нижніе чины сходятся, и различная степень ихъ подготовки, различные привычки и приемы, ими приобрѣтенные на первой ступени, часто значительно вредятъ успѣшности ихъ дальнѣйшаго обученія».

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ доводомъ, мы позволимъ себѣ прибавить, что выборъ метода обучающимъ офицеромъ, какъ фактъ, свидѣтельствующій о духѣ инициативы, былъ бы самъ по себѣ очень отраднымъ, но выбирающій долженъ быть человекомъ вполнѣ компетентнымъ, а этого нельзя сказать даже о профессиональныхъ учителяхъ, которыхъ также заставляютъ придерживаться въ извѣстномъ округѣ извѣстнаго учебника, выборъ котораго входитъ въ компетенцію высшей инстанціи.

Признавая въ принципѣ полезнымъ введеніе общаго для всѣхъ ротъ въ каждой отдѣльной части учебника, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, весьма строго отнестись къ его выбору. Прежде чѣмъ рѣшиться указать на трудъ г. Абазы ¹⁾, мы тщательно познакомились со всѣми выдающимися руководствами, а главное — испытали ихъ на практикѣ. Для наглядности представимъ краткую характеристику школы, составленной изъ самыхъ слабыхъ, можно сказать, безнадежныхъ людей, примѣрное обученіе въ которой шло подъ наблюдениемъ самого автора. Г. Абаза былъ приглашенъ въ этомъ учебномъ году для руководства по обученію грамотѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ

¹⁾ «Азбука для начальныхъ военныхъ школъ» (цѣна 10 коп.) и «Наставленіе, какъ учить грамотѣ солдатъ». Ц. 25 коп., изданіе В. Березовскаго. Азбука нужна по одному экземпляру на человѣка, а руководство — одно на роту, для офицера.

практиковалъ г. Столпянскій. Находя систему г. Столпянскаго несостоятельной, главнымъ образомъ, потому, что она какъ бы устраняла отъ дѣла младшихъ офицеровъ, командиръ полка предложилъ г. Абазѣ передать свои способы преподаванія тѣмъ изъ младшихъ офицеровъ, которые назначены завѣдывать грамотностью въ ротахъ. Преподаватель предложилъ прежде всего составить классъ изъ людей предпоследняго набора, самыхъ слабыхъ по развитію, которые вышли изъ прошлогодней школы, не сдѣлавъ никакого успѣха. Нечего и говорить, что въ эту школу попали люди, поражающіе своей тупостью или, вѣрнѣе сказать, забитостью. Такихъ людей намъ приходилось встрѣчать на практикѣ только въ видѣ исключенія, а собранія ихъ въ числѣ 20-ти человѣкъ мы, признаться, никогда не видѣли.

Объщаніе г. Абазы не только подвинуло этихъ людей по грамотѣ, но и заставило ихъ давать осмысленные отвѣты, возбуждало большое любопытство, и его примѣрные уроки посѣщались почти всѣми офицерами.

На первомъ урокѣ преподаватель занимался преимущественно ознакомленіемъ съ людьми: онъ вызывалъ каждаго изъ нихъ по списку и предлагалъ вопросы, касающіеся домашняго и казарменнаго быта. Люди въ началѣ урока были очень мрачными: они какъ будто боялись, что за неудачные отвѣты будутъ бранить, и предпочитали отдѣлываться молчаніемъ; но ласковая манера преподавателя, остроумные и добродушные замѣчанія, употребляемые имъ вмѣсто выговоровъ, стали вызывать нѣкоторое оживленіе, — и люди, наконецъ, заговорили. Воспользовавшись этимъ моментомъ, преподаватель сразу перешелъ къ изученію элементовъ буквы «О».

Послѣ написанія имѣющихся въ азбукѣ упражненій, онъ предложилъ каждому изъ обучающихся придумать слово, начинающееся на «О». Изъ 20-ти человѣкъ нашелся только

одинъ, который придумалъ слово «охъ» въ то время, какъ другіе отвѣчали: «стѣна, лампа» и прочее, пользуясь безъ всякаго соображенія имѣющимися передъ глазами предметами. Удачное слово «охъ» произвело нѣкоторую сенсацію; всѣ взоры обратились къ тому человѣку, который его придумалъ, а его торжествующее выраженіе лица еще болѣе просіяло, когда г. Абаза, со свойственной ему ласковой манерой, стараясь поддерживать этотъ эффектъ похвалами. Остальныхъ людей преподаватель хвалилъ за стараніе, объявивъ, что стараніемъ всего можно достигнуть въ наукѣ: «теперь не придумали, завтра придумаете,—это не бѣда»...

Давъ разыгратъ этой сценѣ, которая потому уже важна, что сообщила классу особенное оживленіе, преподаватель вдругъ застучалъ грифелемъ, привлекая вниманіе людей къ новому предмету. Сразу водворившаяся тишина и точно прикованные къ преподавателю взоры учениковъ свидѣтельствовали о самомъ напряженномъ вниманіи. Г. Абаза раскрылъ книгу и, съ манерой талантливаго рассказчика, прочелъ извѣстную сказку о знахарѣ, которая, въ свою очередь, заинтересовала людей. «Поняли»? спросилъ онъ.—«Такъ точно!» отвѣчали школьники, улыбаясь.—«Ну, теперь идите домой, и каждый подумай объ этой сказкѣ, а завтра расскажешь ее въ классѣ».

Люди разошлись видимо довольные: они попали въ совершенно новую для нихъ школу, гдѣ нѣтъ ни вздохомъ, ни потѣнія, гдѣ можно спокойно, не разстраивая нервовъ, подумать, потому что за неумѣніе не будутъ бранить, гдѣ, наконецъ, личность учителя производитъ впечатлѣніе чего-то пріятнаго, дружественнаго, съ которымъ и завтра и послѣ-завтра пріятно будетъ встрѣтиться и послушать, что онъ говоритъ.

Школьникъ, придумавшій слово «охъ», былъ, конечно, веселѣе всѣхъ; слѣдя за людьми, выходившими изъ класса, мы

замѣтили, какъ онъ обнялъ одного изъ товарищей, и они побѣжали въ припрыжку по коридору.

Какая разница: всѣ эти люди шли въ классъ, понуря головы. «Опять начинается»... думалъ каждый изъ нихъ, вспоминая прошлогоднюю школу, которая ничему его не научила, а между тѣмъ принесла много страданій, много выговоровъ отъ дядьки за лѣность, насмѣшекъ отъ товарищей и прочее. И вдругъ черезъ какихъ-нибудь полтора часа времени совершенно новое представленіе о школѣ: тамъ было скучно, все приходилось только складывать буквы, которыя непременно перепутаешь, потому что совсѣмъ о другомъ думаешь, а здѣсь занятно послушать, что учитель говоритъ; тамъ обижали, называли не солдатомъ, а бабой; дядька то и дѣло приговаривалъ: «эхъ, ты, лѣнтяй,—разоспался совсѣмъ, осовѣлъ,—погоди я уже проберу тебя на гимнастикѣ»... а здѣсь за все хвалятъ: не такъ отвѣтишь—все-таки хвалятъ, потому—видать, что стараешься... Такъ приблизительно думаетъ солдатъ, попавшій изъ дурной школы въ хорошую.

Конечно, при поверхностномъ взглядѣ все это пустяки, вздоръ; но мы смѣемъ утверждать, что приведенные примѣры школьныхъ приѣмовъ имѣютъ огромное, иногда рѣшающее значеніе въ жизни солдата. Если бы къ этимъ вещамъ побольше присматривались, то наука солдатская была бы вдесятеро легче, и гораздо меньше людей уходило бы въ неспособные. Разумная эксплуатація солдатскаго старанія—этотъ сложный и въ высшей степени важный вопросъ при нынѣшнемъ срокѣ службы—подробно разобрана нами въ статьѣ: «Воспитательныя задачи командира роты». На слѣдующемъ урокъ мы прежде всего замѣтили, что люди собирались въ классъ гораздо веселѣе; они непринужденно усаживались на мѣста и съ любопытствомъ посматривали въ ту сторону, откуда долженъ былъ явиться преподаватель; при его появленіи на

лицахъ людей замѣтно было нѣкоторое удовольствіе. «Какую сказку вчера читали»? спросилъ преподаватель. — Молчаніе. — «Не помнишь-ли ты»? обратился онъ къ сидящему съ краю солдату, который слегка улыбался и какъ будто бы готовился отвѣчать. Солдатъ поднялся, зашевелилъ губами и нерѣшительно произнесъ: «о... охъ!» Этотъ характерный отвѣтъ произвелъ невольный взрывъ смѣха между присутствующими на лекціи офицерами; но сами школьники не догадывались въ чемъ тутъ дѣло и съ недоумѣніемъ посматривали другъ на друга. Слову «охъ», удачно придуманному на прошломъ урокъ, суждено было откликнуться и на этомъ. Преподаватель нисколько не растерялся: онъ ловко напомнилъ людямъ ту часть прошлаго урока, къ которой относилось слово «охъ», и опять перешелъ къ сказкѣ. При этомъ оказалось еще два человѣка, придумавшіе дома слова, начинающіяся на «о». Нашелся и такой, который вспомнилъ, что въ сказкѣ говорится про кольцо, другой вспомнилъ нѣкоторыя подробности и, такимъ образомъ, припомнилось все содержаніе сказки. Весь процессъ этого припоминанія былъ веденъ, какъ говорится, мастерски: преподаватель стремился внушить людямъ, что въ передачѣ содержанія прочитаннаго нѣтъ никакой хитрости. На слѣдующихъ урокахъ, несмотря на осложненіе матеріала, такихъ большихъ затрудненій уже не встрѣчалось; часть каждаго урока непременно посвящалась общему развитію, а между тѣмъ успѣшно проходились элементы *а, р, и, п* и т. д. Смыслъ каждаго слова, входящаго въ азбучный матеріалъ, обязательно объяснялся людьми.

Съ пятаго и шестого урока школа была, какъ говорится, налажена: люди освоились съ процессомъ занятій и были настолько дисциплинированы, что никто не смѣлъ, не подумавъ, отвѣчать, никто не держалъ въ рукавъ грифеля въ то время, когда нужно было слушать, а письмо происходило

по счету, и каждый внимательно прислушивался къ голосу учителя.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, когда приемы преподаванія достаточно уже выяснились, г. Абаза предложилъ заняться поочереди каждому изъ офицеровъ въ его присутствіи. Этимъ занятіямъ предшествовало нѣсколько теоретическихъ бесѣдъ, которыя г. Абаза велъ въ офицерскомъ собраніи.

Манера преподавателя была очень удачно схвачена офицерами, а предварительное ознакомленіе ихъ съ руководствомъ не оставляло мѣста затрудненіямъ и относительно техническихъ приемовъ. Конечно, на первыхъ урокахъ была замѣтна нѣкоторая неопытность, но она не измѣнила характера правильно постановленной школы, которая была доведена до конца съ большимъ успѣхомъ.

Интересно было видѣть, какъ люди, рѣшительно не умѣвшіе отвѣчать на самые простые вопросы, люди, изъ которыхъ можно было, какъ говорится, вымучить вмѣсто разумнаго отвѣта какое-нибудь бессмысленное слово или просто звукъ, стали, напримѣръ, разрѣшать имѣющіяся въ матеріалѣ для чтенія загадки: 1) «Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастухъ рогатый». 2) «Не грѣшна, а повѣшена». 3) «Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ будитъ» и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, упражняясь въ чтеніи, они приобрѣтали многія необходимыя свѣдѣнія и въ концѣ школьнаго обученія, которое происходило ежедневно въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, знали уже, что такое, напримѣръ, времена года, мѣры длины, вѣса, величина и форма предметовъ, и вообще могли отвѣчать, хотя не гладко, но довольно толково на многіе сложные для солдата вопросы. При такой степени и такомъ характерѣ развитія сознательное усвоеніе воинскихъ уставовъ мы находимъ исполнѣ возможнымъ.

Офіціальні результати школи оказались слѣдующими: изъ 20-ти человѣкъ, вышедшихъ изъ прошлогодней школы совершенно безнадежными учениками, около половины научилось читать, считать и записывать небольшія, четко произносимыя фразы. Изъ остальной половины человѣкъ пять медленно разбираютъ печатное и могутъ складывать въ умѣ небольшія числа. Безнадежнымъ оказался только одинъ рядовой, умственные способности котораго скорѣе подлежатъ изслѣдованію врача-психіатра, чѣмъ педагога.

Общій видъ людей, вышедшихъ изъ школы, неузнаваемъ: ни на одномъ лицѣ не осталось того, отчасти бессмысленнаго, отчасти страдальческаго выраженія, которое является слѣдствіемъ умственного гнета со стороны болѣе развитыхъ товарищей; но самое замѣчательное то, что люди сами вполне сознаютъ свое прежнее и настоящее положеніе. При встрѣчѣ съ однимъ изъ нихъ мы припомнили ему слово «охъ», и онъ отъ души засмѣялся надъ этимъ. На вопросъ: отчего это такъ съ нимъ случилось, онъ отвѣтилъ характернымъ солдатскимъ выраженіемъ: «безъ понятія былъ». — «А теперь съ понятіемъ»? — «Теперь ничего... даже супротивъ другихъ людей занялся»...

Въ началѣ января было приступлено къ занятіямъ грамотностью съ прибывшими въ полкъ молодыми солдатами по учебнику г. Абазы и подъ его наблюденіемъ. Эти занятія крайне насъ интересуютъ, но мы можемъ дать отчетъ о нихъ не ранѣе конца учебнаго года. Пока только можемъ сказать, что они идутъ весьма успѣшно сравнительно съ прошлогодними.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что мы испытали всю трудность занятій съ неразвитымъ человѣкомъ и много наблюдали его быть, прежде чѣмъ рѣшиться возражать комиссіи педагогическаго музея, которая стоитъ за весьма лож-

ный шагъ въ начальномъ солдатскомъ образованіи, рекомендуя войскамъ вытѣснить воспитательный элементъ изъ начальной школы грамотности.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы много говорили объ обученіи солдата вообще и въ частности—о преподаваніи уставовъ.

Намъ остается коснуться только нѣкоторыхъ подробностей, относящихся къ словеснымъ занятіямъ съ людьми, при чемъ мы возьмемъ самое худшее положеніе, а именно—когда школа грамотности дурно поставлена и не служитъ подспорьемъ при изученіи воинскихъ уставовъ.

Мы уже замѣтили, что разница въ успѣхѣ занятій съ человѣкомъ, привыкшимъ соображать, и человѣкомъ, который даже не догадывается, что отъ него требуютъ соображенія, заключается въ томъ, что первому изъ нихъ достаточно показать типъ извѣстнаго положенія, объяснить обстановку одного примѣра для того, чтобы онъ могъ найтись во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; второму—излагайте уставъ самымъ простымъ слогомъ, учите показомъ,—онъ все-таки будетъ ловить памятью ваши фразы и будетъ запоминать только тотъ случай, который вы ему показали на практикѣ, нисколько не догадываясь, что есть и другіе подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ долженъ найтись собственнымъ умомъ.

Однако, есть же какія-нибудь средства развить находчивость въ людяхъ, если это развитіе игнорировалось въ школѣ грамотности, не допускающей воспитательнаго элемента. Средства эти очень разнообразны, и ихъ прежде всего слѣдуетъ искать въ общей обстановкѣ казарменной жизни молодого солдата. Каждому человѣку, поступившему на службу, очень любопытно знать, что именно будетъ отъ него требовать начальство. Характеръ этихъ требованій быстро улавливается солдатомъ, а потому это любопытство вполне удовлетворяется въ нѣсколько первыхъ дней. Нужно замѣтить, что вообще русскій

простолюдинъ очень воспріимчивъ къ первымъ впечатлѣніямъ и на основаніи ихъ тотчасъ же дѣлаетъ заключеніе, которое потомъ очень трудно выбить у него изъ головы. Неправильная постановка словеснаго обученія, также какъ и школы грамотности, сразу показываетъ новобранцу, что отъ него въ военной службѣ никакихъ усилій ума не требуютъ. Русскому простолюдину, по натурѣ немножко лѣнивому, такой выводъ придется какъ разъ по сердцу. Вообще неразвитой человѣкъ предпочитаетъ работать памятью и съ большою нерѣшительностью, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, вступаетъ въ область мышленія. Если къ работѣ памятью въ школѣ вы присоедините нѣсколько первыхъ страницъ обязательныхъ для рядового познаній, гдѣ все почти нужно учить наизусть, то получится такая масса односторонней мозговой дѣятельности, которая въ состояніи забить даже способнаго отъ природы человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, что мы находимъ въ началѣ программы обязательныхъ для рядового свѣдѣній: «Молитва Господня и десять заповѣдей; что такое знамя, присяга (требуются точныя опредѣленія, изобилующія техническими выраженіями); отличія, получаемыя за военные подвиги; въ какомъ отдѣленіи, взводѣ, ротѣ, баталіонѣ, полку служишь; названія всѣхъ частей полка; имена начальниковъ» и т. д. Только по прошествіи извѣстнаго времени начинается изученіе, напримѣръ, гарнизонной службы, представляющей нѣкоторый матеріалъ для соображенія. Вотъ тутъ-то начинается египетская работа: солдатъ рѣшительно не въ состояніи понять, чего отъ него хотятъ; на всякій вопросъ, заданный изъ середины, онъ начинаетъ отвѣчать съ начала, при чемъ говорить даже заглавіе, не отдѣляя его отъ текста. На всякій вопросъ, требующій соображенія, онъ будетъ отвѣчать такой же скороговоркой и такимъ же тономъ, какъ отвѣчалъ раньше, напримѣръ, опредѣленіе присяги.

Память у людей, которыхъ въ началѣ службы не развивали, иногда достигаетъ удивительныхъ размѣровъ: намъ приходилось видѣть очень тупыхъ солдатъ, которымъ достаточно было разъ прочесть страницу, чтобы они повторили ее почти наизусть. Вообще сильное развитіе памяти, которое въ большинствѣ случаевъ происходитъ въ ущербъ другимъ способностямъ ума, слѣдуетъ считать главнымъ и наиболѣе выдающимся признакомъ дурного обученія солдата.

Неопытный офицеръ, испробовавъ свои силы, обыкновенно приходитъ къ такому заключенію, что съ такими людьми ничего не подѣлаешь. Всякій трудъ въ пользу развитія отнимаетъ время, а между тѣмъ приближается тотъ срокъ, когда начальство будетъ спрашивать отъ доски до доски весь уставъ. «Торопитесь,—говорятъ офицеру,—скоро смотръ, а у васъ люди не знаютъ еще обязанностей часового въ сторожевой цѣпи»... И дѣйствительно, нужно торопиться: молодой солдатъ въ четыре мѣсяца долженъ быть вполне готовымъ къ исполненію всѣхъ обязанностей рядового; дальнѣйшія занятія съ нимъ (не считая лагерныхъ) будутъ уже повторительными. Казалось бы, что офицеру больше ничего не остается, какъ научить людей отвѣчать на главные, имѣющіеся въ программѣ, вопросы, да еще вымуштровать ихъ, чтобы они умѣли, на примѣръ, производить смѣну, стоять и ходить около будки, оцѣплять арестантовъ и прочее. Такая подготовка, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ имѣть успѣхъ, на примѣръ, если начальникъ будетъ ограничиваться на испытаніи шаблонными вопросами; при другихъ условіяхъ она, конечно, окажется несостоятельной, но и тогда офицера все-таки нельзя будетъ упрекнуть въ лѣнности; по-видимому, онъ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, а развить людей онъ не имѣлъ времени.

Спрашивается: какъ же выйти изъ этого положенія? Не-

ужели нельзя устранить бессмысленное заучиваніе уставовъ при томъ короткомъ срокѣ, который полагается для обученія новобранцевъ? Средства для этого есть, но они только отчасти находятся въ рукахъ офицера, подготовляющаго новобранцевъ; въ общемъ, они принадлежатъ командиру отдѣльной части, отъ котораго зависитъ установленіе общихъ руководящихъ началъ въ обученіи.

Измѣненіе системы всего солдатскаго обученія — системы, пустившей корни, имѣющей крѣпкія традиціи — вещь очень сложная и трудная, которую можно привить только годами. Только тогда можно будетъ сказать, что дѣло поставлено прочно, когда младшіе руководители проникнутся новой идеей и когда молодые солдаты, обученные по новому, станутъ ихъ помощниками въ качествѣ взводныхъ начальниковъ и учителей.

При такихъ помощникахъ изученіе уставовъ не будетъ ограничиваться учебными часами, а пойдетъ рука объ руку съ казарменной жизнью, при чемъ молодой солдатъ будетъ обучаться уставу въ простой разговорной формѣ, а это самая желательная форма обученія, при которой только и возможно развитіе въ темномъ человѣкѣ сознанія.

Первый шагъ, который командиръ отдѣльной части долженъ сдѣлать въ этомъ направленіи и который уже дѣлается въ нѣкоторыхъ полкахъ, заключается въ требованіи на испытаніи не шаблонныхъ отвѣтовъ, а самой широкой находчивости.

Нужно замѣтить, что развивательный способъ обученія, съ перваго взгляда, кажется почти невыполнимымъ, вслѣдствіе большого количества затрачиваемаго на него времени, но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ наоборотъ: твердо рѣшившись заниматься такимъ способомъ, вы прежде всего замѣтите, что солдатъ далеко не такъ тупъ, какъ кажется съ перваго взгляда, и что эта кажущаяся тупость была только слѣдствіемъ запуганности солдата той массой техническихъ выраженій и во-

обще тѣмъ языкомъ, котораго онъ никогда въ жизни не слышалъ. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что человѣку, никогда не варившему пищи или никогда не державшему въ рукахъ иголки, гораздо труднѣе научиться варить или шить, чѣмъ, напримѣръ, исправно стоять на часахъ. Однако жъ, солдатъ, которому приказываютъ быть кашеваромъ или портнымъ, въ самое непродолжительное время становится мастеромъ своего дѣла, а молодой солдатъ, поставленный на часы, очень часто путается и требуетъ постоянного надзора, несмотря на то, что онъ обучался этимъ обязанностямъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Разница въ томъ, что первый солдатъ изучалъ настоящее или, какъ говорятъ въ казармахъ, заправское дѣло и изучалъ, не пугаясь его трудности; второй солдатъ изучалъ только книжку и всегда дрожалъ отъ неумѣнья запомнить и выговорить мудренныя для него выраженія. Сумѣйте внушить солдату, что уставъ изучать такъ же легко, какъ всякое другое простое дѣло, освободите его разъ навсегда отъ трудныхъ книжныхъ выраженій, и вы увидите, что этотъ способъ потребуетъ гораздо меньше времени и дастъ несравненно полезнѣйшіе результаты.

Теперь попытаемся указать на главнѣйшіе педагогическіе приемы, способствующіе осмысленному изученію уставовъ. Прежде всего нужно замѣтить, что въ распоряженіи офицера, завѣдующаго новобранцами, находится шесть учителей, которыхъ онъ подготавливаетъ съ половины сентября по январь; большинство этихъ людей не только прошло школу для рядовыхъ, но и полковую учебную команду.

Если они прошли даже самую дурную систему обученія, все-таки вамъ не придется повторять съ ними уставную азбуку. Начинайте сразу учить этихъ людей по тому способу, который вы желаете употребить при занятіяхъ съ новобранцами: освѣженіе уставныхъ свѣдѣній ведите простымъ языкомъ

и показомъ; требуйте находчивости во всевозможныхъ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ и самое важное — непременно добейтесь, чтобы учителя схватили вашу живую манеру преподаванія. Самый неразвитой человѣкъ всегда обладаетъ нѣкоторой способностью подражанія, а человѣкъ, сколько-нибудь способный, тутъ же выкажетъ и свои собственные приемы, гармоничные съ вашими. Чтобы достигнуть этого, необходимо заставлять учителей преподавать другъ другу въ вашемъ присутствіи и непременно хвалить ихъ за всякій проблескъ самопочина, чтобы въ людяхъ установилась увѣренность, что они способны вести дѣло.

Конечно, чтобы хорошо обучать людей, офицеръ долженъ поработать надъ самимъ собой; онъ долженъ изучить солдата, чтобы выработать въ себѣ умѣнье обращаться съ нимъ. Солдаты теперь далеко уже не «номеръ», а живой, мыслящій человѣкъ, умственные и нравственные свойства котораго подлежатъ серьезному наблюденію и изслѣдованію; многое изъ того, что прежде достигалось обыкновенной муштровкой, теперь перешло въ область воспитанія; да и самая муштровка далеко не такъ проста, какъ кажется съ перваго взгляда: такъ, напримѣръ, извѣстный ружейный приемъ можетъ быть съ успѣхомъ пройденъ въ нѣсколько дней, и тѣмъ же приемомъ можно измучить солдата и никогда не добиться отъ него ловкаго исполненія.

Все зависитъ отъ умѣнья подойти къ человѣку, обойтись съ нимъ, внушить ему обаяніе къ чувству ловкости, чтобы у него, какъ говорится, глаза горѣли отъ удовольствія чувствовать себя искуснымъ исполнителемъ извѣстныхъ физическихъ упражненій. Чтобы внушить человѣку такое чувство, необходимо обладать извѣстной манерой, производящей на него впечатлѣніе, нужно знать слова, которыя на него дѣйствуютъ, словомъ — нужно быть знатокомъ солдата, а для развитого

человѣка это не такъ трудно: матеріаль всегда подъ рукой, стоитъ только захотѣть.

Итакъ, приготовивъ учителей, испытавъ примѣрно мѣру ихъ обращенія съ новобранцами, вы уже сдѣлали значительную часть дѣла. По прибытіи новобранцевъ въ полкъ, прежде чѣмъ приступить съ ними къ занятіямъ, вы должны прослѣдить, чтобы всѣ мѣры, предпринимаемыя для удобнаго устройства ихъ казарменной жизни, были бы въ точности выполнены. Объ этихъ мѣрахъ мы подробно говорили въ статьѣ: «Воспитательныя задачи командира роты». Теперь мы коснемся преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя вліяютъ на умственное развитіе человѣка. Для правильнаго теченія умственной жизни необходимо, чтобы организмъ человѣка былъ здоровъ, чтобы нервы были спокойны, чтобы ни физическія, ни нравственныя страданія не отвлекали его ума, который могъ бы спокойно отдаться извѣстному дѣлу.

Заботьтесь прежде всего о томъ, чтобы новобранецъ былъ хорошо накормленъ, чтобы онъ спалъ въ удобной постели и, по возможности, дальше отъ открывающихся форточекъ; чтобы онъ, спотѣвши, не ходилъ по холоднымъ корридорамъ; чтобы передъ выходомъ зимой изъ манежа онъ успѣвалъ достаточно остыть; чтобы не пилъ много новой воды, къ которой онъ не привыкъ, и т. д. Входите во всѣ мелочи жизни новобранца и приучайте къ этому учителей; не ждите, что новобранецъ самъ будетъ жаловаться вамъ на какое-нибудь неудобство. Иногда какой-нибудь пустякъ, на примѣръ, не сбитый гвоздь въ сапогѣ, безпокоящій ногу, служить причиной неудачныхъ занятій съ человѣкомъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы каждый новобранецъ написалъ письмо домой и непременно съ своимъ адресомъ, чтобы получить отвѣтъ отъ родныхъ: это весьма важное средство для нравственнаго успокоенія людей. Когда все это будетъ сдѣлано, ваши заботы будутъ замѣчены людьми,

и вы сразу становитесь для нихъ не тѣмъ суровымъ начальникомъ, котораго они рисовали въ своемъ воображеніи, отправляясь изъ дома на службу, а человѣкомъ болѣе или менѣе близкимъ къ нимъ, у котораго имъ пріятно будетъ учиться.

Приступая къ занятіямъ, прежде всего слѣдуетъ показать людямъ, чего вы отъ нихъ требуете. Нужно замѣтить, что въ воображеніи у только что поступившаго солдата уставъ рисуется чѣмъ-то въ родѣ молитвъ, которыя непременно нужно учить наизусть. Такому взгляду много способствуютъ дурно подготовленные учителя. Намъ приходилось наталкиваться на такія сцены: сидятъ рядомъ на койкѣ новобранецъ и дядька; слышится: повторяй за мной: «часовой». — «Часовой». — «Обязанъ». — «Обязанъ». — «Бдительно». — «Дбытельно». — «Да не дбытельно, а бдительно!..» — Новобранецъ опять говоритъ: «дбытельно», и на поправку этого слова употребляется полчаса, при чемъ и новобранецъ, и дядька потѣютъ отъ напряженія, а послѣдній, кромѣ того, начинаетъ сердиться и браниться. «Какъ есть, мусорный солдатъ, — говоритъ дядька, — изъ тебя — такой чучелы — и впрямь ничего путнаго не выйдетъ»... Бываетъ и такъ: новобранецъ, вмѣсто фразы: «въ случаѣ болѣзни часового»... говоритъ: «если часовой заболѣетъ»... а дядька выходитъ изъ себя и заставляетъ заучивать первую фразу по словамъ.

Мы можемъ привести сотню подобныхъ примѣровъ, но и этихъ уже достаточно, чтобы судить о томъ, что значить безтолковое преподаваніе.

Итакъ, новобранцу, который смотритъ на науку съ точки зрѣнія человѣка, учившаго въ своей жизни только однѣ молитвы, слѣдуетъ внушить съ перваго же дня, что уставъ не нужно заучивать, а нужно только понимать. Исправляя нескладныя выраженія, нужно быть очень осторожнымъ, иначе

новобранецъ сейчасъ же перейдетъ на книжки и будетъ поровить отвѣчать уставъ какъ молитву.

Если начало устава не представляетъ матеріала для развитія соображенія въ людяхъ, старайтесь искать его въ обыкновенномъ разговорѣ съ людьми. Сначала можно предлагать вопросы изъ ихъ домашняго быта и непременно добиваться осмысленныхъ отвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ, мы тоже рекомендуемъ матеріаль для первоначальнаго чтенія въ учебникѣ г. Абазы. Тамъ проведена строго выдержанная лѣстница постепенно осложняющихся вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ даетъ достаточную практику для первоначальнаго развитія соображенія. Этотъ матеріаль рассчитанъ, кромѣ того, и на исправленіе языка: тамъ люди знакомятся съ неизвѣстными имъ названіями предметовъ, съ типичными формами новыхъ для нихъ выраженій, и потомъ сами начинаютъ употреблять ихъ при слѣдующихъ отвѣтахъ. Вообще эти бесѣды не пройдутъ даромъ: онѣ прежде всего успокоятъ людей, запуганныхъ дома трудностью военной науки, а главное — выработаютъ въ нихъ смѣлость разговаривать съ начальникомъ, которой очень трудно добиться отъ новобранца, а это въ военной службѣ вещь немаловажная: солдатъ, дрожащій передъ начальникомъ и какъ бы уклоняющійся отъ разговора съ нимъ, представляетъ самый жалкій продуктъ неправильнаго воспитанія; выдающіяся черты такого солдата — скрытность и недовольство своимъ положеніемъ — иногда представляютъ общій оттѣнокъ всей роты и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о дурномъ духѣ людей. Классическое замѣчаніе: «въ такой-то ротѣ люди не имѣютъ бодрого и веселаго вида», употребляемое обыкновенно на инспекторскихъ смотрахъ, почти всегда бываетъ правдивымъ; опытному начальнику достаточно одного взгляда, чтобы до нѣкоторой степени опредѣлить духъ стоящихъ въ строю людей.

Вышеприведенныя бесѣды не обойдутся, конечно, безъ нѣ-
которыхъ выходокъ со стороны новобранцевъ, взятыхъ на
службу изъ городскихъ обывателей (фабричныхъ, ремеслен-
никовъ, приказчиковъ и проч.), которые непременно будутъ
соваться впередъ съ отвѣтами, какъ бы давая вамъ понять,
что не стоитъ разговаривать съ дураками, когда они, умные, все
это могутъ вамъ обстоятельно объяснить. Въ этихъ случаяхъ
довольно сказать: «я тебя не спрашиваю» и показать этимъ
людямъ, что вы больше дорожите скромнымъ, чѣмъ нахальнымъ
отвѣтомъ, для того чтобы они были отодвинуты на задній планъ.

Когда люди привыкнуть отвѣчать на самые простые во-
просы изъ ихъ быта, — а для этой привычки достаточно нѣ-
сколькихъ дней, — вы можете, между прочимъ, переходить къ
опредѣленію и къ изученію названій тѣхъ лицъ и предме-
товъ, которые поименованы въ началѣ программы обязатель-
ныхъ для рядового свѣдѣній. Научившись разговаривать съ
вами, новобранецъ уже не будетъ стѣсняться незнаніемъ ва-
шего титула, неумѣнъ стоять передъ начальникомъ и
прочее, — все это при послѣдующихъ отвѣтахъ онъ будетъ
уже продѣлывать рефлексивно, а потому его вниманіе, освобо-
жденное отъ чувства неловкости, будетъ сосредоточиваться
только на томъ вопросѣ, который вы ему предлагаете.

Несмотря на нѣсколько высокій слогъ имѣющихся въ
уставѣ опредѣленій, слѣдуетъ добиваться, чтобы новобранецъ
умѣлъ объяснить каждое употребляемое имъ выраженіе. Такъ,
напримѣръ, при опредѣленіи знамени слѣдуетъ объяснять
почти каждое слово. Въ фразѣ: «знамя есть священно-воен-
ная хоругвь», слѣдуетъ объяснить, что такое хоругвь и по-
чѣму она называется священной, а въ фразѣ: «подъ знаме-
немъ собираются вѣрные своему долгу войны, чтобы идти
въ бой со врагомъ», необходимо объяснить, что такое «долгъ»
и что такое «врагъ».

Когда солдатъ хорошо пойметъ каждое слово извѣстной фразы, онъ иногда начинаетъ говорить ее по-своему, и часто получается такая превосходная редакція выраженія, что приходится пожалѣть, отчего она не можетъ войти въ уставъ.

Переходя къ изученію обязанностей дневальнаго, часового и прочее, слѣдуетъ, прежде всего, показать новобранцу примѣрную обстановку, въ которой находятся въ разныхъ случаяхъ эти должностныя лица, чтобы у него сразу явилось ясное представленіе объ изучаемомъ предметѣ. Обучая новобранца, на примѣръ, обязанностямъ дневальнаго, слѣдуетъ примѣрно ставить его на постъ, а дядьку заставить изображать послѣдовательно тѣхъ лицъ, къ сношеніямъ съ которыми обязываетъ дневальнаго уставъ. Поставивъ новобранца, на примѣръ, у ротныхъ дверей, вы приказываете одному дядькѣ быть дежурнымъ по ротѣ, а другому посѣтителемъ. «Вотъ идетъ посѣтитель,—говорите вы новобранцу,—что ты долженъ спросить у него? кому объ этомъ доложить?... Теперь четыре час. дня, а теперь восемь часовъ вечера; можешь ли ты пропустить его въ эти часы?» и т. д.

Нѣсколько такихъ упражненій, требующихъ очень мало времени, дѣлаютъ изъ новобранца дѣйствительнаго знатока своего дѣла и избавляютъ его отъ безтолковаго заучиванія книжки, которое, въ сущности, ничему не научаетъ.

Вообще слѣдуетъ избѣгать перечисленія обязанностей по пунктамъ: солдатъ, который привыкъ отвѣчать отъ доски до доски, всегда теряется на практикѣ, которая ничего общаго съ этимъ отвѣтомъ не имѣетъ, и является для него совершенно новымъ дѣломъ. Лица, производящія испытаніе, дѣлаютъ большую ошибку, когда предлагаютъ вопросы, на примѣръ, въ такой формѣ: «въ чемъ заключаются общія обязанности часового? какія обязанности дневальнаго въ лагеряхъ? часового въ сторожевой цѣпи?» и т. д. Такіе вопросы можно предлагать че-

ловѣку болѣе или менѣе интеллигентному, умѣющему формулировать отвѣтъ на всякую знакомую тему; но для солдата, какъ для человѣка незнакомаго съ литературнымъ языкомъ, одна форма такого отвѣта представляетъ непреоборимую трудность: онъ только и можетъ воспользоваться готовой формой, которую безъ всякаго толка заучиваетъ по книжкѣ. Не лучше ли предлагать такіе вопросы, которые, избавляя солдата отъ упражненія въ недоступномъ для него слогѣ, вели бы къ непосредственной провѣркѣ его познаній. Зачѣмъ задавать человѣку сразу цѣлую тему, когда можно по каждому параграфу предложить нѣсколько вопросовъ, вызывающихъ къ простымъ и толковымъ отвѣтамъ; такъ, напримѣръ, вмѣсто того чтобы требовать связнаго или—еще хуже—красиваго перечисленія общихъ обязанностей часового, можно задать цѣлый рядъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) долженъ ли часовой охранять только одинъ свой постъ или еще что-нибудь; 2) что еще могутъ поручить для охраненія часовому; 3) какъ часовой долженъ держать ружье на посту; 4) когда онъ можетъ употребить въ дѣло оружіе; 5) чьи приказанія исполняетъ часовой; 6) кому онъ можетъ отдать ружье и т. д. Вмѣсто того чтобы требовать систематическаго изложенія какого-нибудь отдѣла изъ «Устава о внутренней службѣ», не лучше ли предлагать на-примѣръ, такіе вопросы: «у кого ты спрашиваешься, когда желаешь идти со двора? кому являешься? какъ долженъ держать себя, идя по улицѣ? и т. д. Опытъ глубоко убѣдилъ насъ въ томъ, что выработка красиваго отвѣта наноситъ прямой ущербъ практической смѣтливости человѣка, ибо этотъ отвѣтъ составляетъ самъ по себѣ какъ бы цѣль занятій: солдатъ, котораго хвалятъ за красивые отвѣты, считаетъ себя вполне выучившимся и относится къ практикѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Намъ приходилось видѣть людей, превосходно отвѣчающихъ на всякій общій вопросъ на-примѣръ, изъ устава

гарнизонной службы, но положительно теряющихся при заступленіи на часы; человѣкъ, умѣющій пересказать отъ начала до конца всѣ обязанности часового, не исполняетъ главнѣйшихъ изъ нихъ и на вопросъ, почему онъ не исполнилъ той или другой обязанности, отвѣчаетъ: «запамятоваль».

Испытывая знаніе человѣка, слѣдуетъ непременно испытывать и его соображеніе требованіемъ отвѣтовъ на неимѣющіеся въ уставѣ вопросы. Такъ, напримѣръ, спрашивая о правилахъ отданія чести, не мѣшаетъ спросить: «что ты долженъ дѣлать, если лицо, которому ты отдаешь честь, вдругъ подвергается опасности, — долженъ ли продолжать стоять на вытяжку или немедленно броситься и подать ему помощь»? и прочее.

Много еще можно сказать о недостаткахъ въ преподаваніи уставовъ, но мы перечислили главнѣйшіе изъ нихъ и на этомъ остановимся.

Р. С. Въ послѣднее время мы получили много писемъ съ запросами относительно достоинствъ учебника грамоты г. Миропольскаго. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этого учебника, считаемъ долгомъ высказать слѣдующее: для лицъ, желающихъ получать изъ школы механически читающаго и пишущаго ученика, способнаго для мелкой писарской работы въ ротѣ, методъ г. Миропольскаго имѣетъ неоспоримыя преимущества; для всѣхъ же строевыхъ начальниковъ, которые смотрятъ на грамотность нѣсколько шире и ищутъ въ ней дѣйствительнаго подспорья для толковаго усвоенія служебныхъ познаній, развивательный методъ г. Абазы до сихъ поръ стоитъ внѣ конкуренціи.

Что касается чтенія, которое слѣдуетъ предложить солдату послѣ азбучной хрестоматіи, то большинство войсковыхъ частей давно уже остановились на превосходныхъ книгахъ для чтенія гг. Абазы и «Стараго ротнаго командира».

ЗИМНІЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ КАЗАРМАХЪ И ВЪ МАНЕЖѢ.

Легкій традиціонный взглядъ на нѣкоторыя, повидимому, очень простыя вещи въ одиночномъ обученіи солдата служить главной причиной многихъ неправильностей въ постановкѣ этого дѣла въ войскахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще какихъ-нибудь ружейныхъ приѣмовъ, гимнастики, фехтованья и тому подобныхъ упражненій, правила которыхъ, можно сказать, даже надоѣдаютъ своею извѣстностью. Однако, стоитъ хоть немного вникнуть въ причины частыхъ неуспѣховъ въ занятіяхъ, чтобы увидѣть, что устраненіе этихъ причинъ иногда требуетъ глубокихъ изслѣдованій, отъ которыхъ зависитъ экономія въ трудѣ и въ здоровьѣ солдата.

Если солдатъ, будучи новобранцемъ, достигъ нѣкоторой бойкости, напримѣръ, по гимнастикѣ, и затѣмъ снова привлекается къ этимъ занятіямъ ежедневно въ теченіе цѣлой зимы, то казалось бы, что къ концу другого года онъ долженъ сдѣлаться отличнымъ гимнастомъ; но на дѣлѣ иногда выходитъ совсѣмъ напротивъ: намъ приходилось видѣть многихъ вполнѣ здоровыхъ старослужащихъ людей, которые превосходили новобранцевъ развѣ только въ мелочныхъ правилахъ, но далеко уступали имъ въ главномъ, а именно, въ силѣ и бойкости исполненія. Еще болѣе должны поражать насъ недостатки въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ, часто замѣчаемые въ людяхъ, оканчивающихъ такую строго поставленную и вполнѣ законченную школу, какъ полковая учебная команда.

Причины этихъ недостатковъ слѣдуетъ искать прежде всего въ общемъ воспитаніи солдата и затѣмъ уже въ неумѣломъ преподаваніи. Если вамъ удастся воспитать въ солдатѣ любовь къ своей ротѣ и къ начальникамъ, если онъ будетъ сознавать, что доброе имя роты будетъ зависѣть отъ его успѣха въ занятіяхъ, тогда охота къ занятіямъ является сама собой, независимо даже отъ содержанія дѣла; а безъ этой охоты никакое преподаваніе не въ состояніи дать хорошихъ результатовъ.

Кому не приходилось видѣть солдата, который, даже при хорошихъ условіяхъ преподаванія, остается вялымъ и неповоротливымъ, несмотря на полное усердіе со стороны обучающаго. Этихъ недостатковъ не въ состояніи уничтожить ни время, ни банальныя наставленія, а тѣмъ болѣе наказанія, которыя вообще вносятъ въ обученіе мрачный характеръ. Вы иногда просто теряетесь, не зная, какъ поступить съ человѣкомъ, котораго, какъ говорится, невозможно расшевелить. Если такихъ людей въ ротѣ много, то это ясный признакъ дурного служебнаго духа, причины котораго кроются иногда весьма глубоко, напримѣръ, въ дурномъ выборѣ и подготовкѣ унтеръ-офицеровъ или въ недосмотрахъ по ротному хозяйству вообще. Если въ утвержденіи навыка играютъ чрезвычайно важную роль живость и веселье въ занятіяхъ, то можно ли требовать этихъ чувствъ, напримѣръ, отъ человѣка, питающаго непріязнь не только къ унтеръ-офицеру, который съ нимъ занимается, но и къ тѣмъ товарищамъ, которые вошли къ этому унтеръ-офицеру въ милость? Откуда же здѣсь взяться охотѣ къ занятіямъ для пользы роты, которой человѣкъ не любитъ?

Итакъ успѣхъ въ занятіяхъ прежде всего зависитъ отъ совокупнаго и притомъ гармоничнаго дѣйствія всѣхъ находящихся въ рукахъ начальника воспитательныхъ элементовъ. Нѣкоторые изъ этихъ элементовъ входятъ, конечно и въ преподаваніе, которое, какъ увидимъ ниже, требуетъ отъ обу-

чающаго нѣсколько большихъ заботъ, чѣмъ заурядное отбываніе учебныхъ часовъ, гдѣ — надо сказать правду — только стоятъ, какъ говорится, надъ душой у солдата и толкуютъ ему скучныя правила, которыя онъ и безъ того давно знаетъ ¹⁾).

Объ общемъ воспитаніи, безъ котораго немислима охота вообще къ занятіямъ и преимущественно къ тѣмъ, которыя не представляютъ умственнаго интереса, мы достаточно высказались въ предыдущихъ замѣткахъ. Исходя изъ положенія, въ которомъ солдатъ исполняетъ охотно не только службу, но и черную работу для пользы своей роты, мы остановимся преимущественно на преподаваніи въ области такъ называемой муштровки, а для болѣе полного проведенія системы занятій возьмемъ не только роту, но и такую строгую по постановкѣ школу, какъ полковая учебная команда.

По нашему мнѣнію, каждый старослужащій рядовой, особенно ефрейторъ, не говоря уже объ унтеръ-офицерѣ, долженъ производить впечатлѣніе на молодого солдата своимъ молодецкимъ внѣшнимъ видомъ и своей ловкостью. Безъ этого не можетъ быть хорошаго строевого духа въ ротѣ. Этотъ видъ и ловкость даютъ солдату, начиная со стойки, всѣ приемы и всѣ физическія упражненія, которымъ онъ подвергается. Если рядовой обязанъ дѣлать приемы ловко, то хорошо, если обучающій его унтеръ-офицеръ будетъ дѣлать ихъ безукоризненно или, говоря другими словами, артистически.

Насъ нисколько не удивитъ ироническая улыбка по поводу слова «артистически», ибо съ перваго взгляда съ этимъ словомъ связывается представленіе о дрессировкѣ; но кто мыслилъ надъ этими вопросами и сколько-нибудь наблюдать

¹⁾ Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, когда старому, прослужившему нѣсколько лѣтъ солдату начинаютъ объяснять въ тысячный разъ, что, напримеръ, отъ ноги на плечо берется въ два приема: «первый приемъ — сразу» — вскидываешь ружье правой рукой» и т. д. Между тѣмъ, такія странности не составляютъ рѣдкости въ нашемъ одиночномъ обученіи.

солдата, тотъ навѣрно согласится съ нами, что въ физическихъ упражненіяхъ, а также въ утвержденіи навыка въ пріемахъ, можно достигнуть огромнаго успѣха, нисколько не утомляя и не забывая человѣка, и наоборотъ: — можно измучить его физически и довести до полнаго оупѣнія, не достигнувъ даже удовлетворительныхъ результатовъ. Все зависитъ отъ желанія и умѣнія заниматься. Пора понять, что зло муштровки заключается не въ стремленіи выработать изъ солдата твердаго и красиваго строевика, ловкаго и сильнаго гимнаста, неуязвимаго фехтовальщика и прочее, а въ казенномъ отношеніи къ дѣлу, въ томительномъ отбываніи учебныхъ часовъ, въ безглаголющемъ обращеніи съ солдатомъ, какъ съ человѣкомъ, въ банальныхъ замѣчаніяхъ, въ легкомысленныхъ распоряженіяхъ, гдѣ нѣтъ ни любви къ дѣлу, ни сколько-нибудь руководящей идеи, словомъ, зло слѣдуетъ усматривать въ той толчѣ, по поводу которой сочинена русская пословица: «отзвонилъ — и съ колокольни долой»!

Прежде чѣмъ доказывать, что въ стремленіи къ артистическому исполненію ружейныхъ пріемовъ, гимнастики, фехтованія и прочее, въ дѣйствительности нѣтъ ничего ужаснаго, замѣтимъ, между прочимъ, что вообще въ воспитаніи и въ частности въ муштровкѣ нельзя достигнуть хорошихъ результатовъ, если не задаться опредѣленною цѣлью, если въ умѣ не сложится ясный, вполне понятный и притомъ доступный идеалъ, къ которому должно стремиться безъ колебанія.

Попытаемся указать на ту систему практическихъ занятій съ солдатомъ, которая, по нашимъ наблюденіямъ, давала наилучшіе результаты. Приступая къ этимъ занятіямъ, прежде всего нужно имѣть въ виду, чтобы интересы здоровья человѣка не только не приносились въ жертву пріобрѣтенію навыка, а напротивъ, выигрывали бы отъ правильнаго чередованія физическаго и умственнаго труда, которое полезно каж-

дому человѣку и въ которомъ, какъ увидимъ ниже, заключается главный секретъ успѣха.

Попробуйте убѣдить любого рутинера или вообще мало-развитого человѣка, что, напримѣръ, гимнастикѣ можно научиться шутя,—что, дѣлая по одному прыжку на каждой машинѣ въ началѣ и въ концѣ занятій, солдатъ гораздо скорѣе разовьетъ свои члены и приобрѣтетъ навыкъ, чѣмъ дѣлая 25 прыжковъ подъ рядъ въ тотъ урочный часъ, который обозначенъ въ расписаніи. Увѣрьте его (рутинера) въ томъ, что послѣ пятого-шестого прыжка дальнѣйшее прыганье совершенно бесполезно въ смыслѣ навыка и чрезвычайно вредно для здоровья.

Нѣтъ! онъ упорно будетъ стоять у машины съ своимъ запасомъ сухихъ и избитыхъ замѣчаній и успокоится только тогда, когда взволнованный и вспотѣвшій солдатъ окончитъ свой двадцать-пятый прыжокъ ¹⁾.

Не повѣритъ также рутинеръ и тому, что достиженіе чистоты въ ружейныхъ приемахъ не зависитъ отъ того, что солдата заставляютъ сто разъ въ теченіе часа брать «отъ ноги на караулъ» и обратно, а отъ умѣнья внушить человѣку обаяніе къ чувству ловкости, при которомъ самыя непродолжительныя занятія даютъ удивительные результаты.

Рота, которой даютъ названіе «лихая», отличается отъ сонныхъ и неповоротливыхъ ротъ именно тѣмъ, что въ ней есть спросъ на ловкость, что человѣкъ, достигнувшій чистоты въ извѣстныхъ упражненіяхъ, чувствуетъ себя съ вѣсомъ между товарищами и возбуждаетъ подражаніе. Бодрый и здо-

¹⁾ Здѣсь для большей ясности не мѣшаетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ охота къ занятіямъ, достигнутая общимъ воспитаніемъ, можетъ принести только вредъ: чѣмъ больше люди будутъ стараться, тѣмъ они сильнѣе вспотѣютъ, дойдя до 25-го прыжка. Между тѣмъ, при хорошихъ условіяхъ преподаванія такая охота—кладъ.

ровый видъ, а также смѣтливость людей, которыми отличаются всѣ «лихія» роты, свидѣтельствуютъ о томъ, что можно достигнуть чистоты строя, гимнастики и прочее, нисколько не изнурая и не забывая людей.

Крайне любопытно прослѣдить разницу въ впечатлѣніяхъ, которыя производятъ правильно и неправильно поставленные занятія. Возьмемъ для примѣра двѣ роты, обучающіяся, положимъ, ружейнымъ приѣмамъ. Зайдя въ первую, вы видите такой порядокъ занятій: краткое, но бойкое ученіе постоянно чередуется съ отдыхомъ; но отдыхъ не проходитъ даромъ: люди не устали; они только немного оправляются и тотчасъ же начинаютъ сами, безъ всякаго понужденія, ловчиться другъ передъ другомъ въ приѣмахъ. Слышатся веселыя замѣчанія, остроты по поводу неловкостей, въ которыхъ принимаетъ участіе и обучающій шеренгу молодцоватый унтеръ-офицеръ; но вотъ всѣ взоры обращаются къ одному изъ рядовыхъ, и вы замѣчаете, что это въ своемъ родѣ артистъ, которому всѣ приемы удаются безъ малѣйшаго стука. Даже унтеръ-офицеръ пожимаетъ отъ удивленія плечами. «У насъ супротивъ Иванова, почитай, что и въ ротѣ никого нѣтъ»... замѣчаетъ онъ, — и вы ясно видите, что всѣ люди завидуютъ Иванову, какъ человѣку, имѣющему въ ротѣ значеніе. Куда ни взглянете въ этой ротѣ — все живо, весело, даже полно интереса, — ни на одномъ лицѣ солдата незамѣтно того, что называется гнетомъ. Выйдя изъ этой роты, вы навѣрно подумаете: «здѣсь людей ружейными приѣмами не доѣдаютъ, а научить — научать».

Но вотъ другая рота. Вы входите и сразу замѣчаете другую атмосферу: тамъ было спокойствіе, здѣсь — какаля-то суета; тамъ веселость, здѣсь — возбужденность, которая слышится даже въ замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ унтеръ-офицерами; тамъ лихо скомандуютъ приѣмъ, бойко поправятъ и тотчасъ же даютъ

оправиться; здѣсь — какъ будто забываютъ, что человѣкъ устаетъ. То и дѣло слышится: «да ужели вы не понимаете? нѣшто хитрость какая?... и гдѣ у васъ уши?... Шевелись, Семеновъ! я те покажу, какъ стоять во фронтѣ! Вишь скорчился — чистая баба!» и т. д.

Наконецъ и здѣсь дали оправиться; но люди и не думаютъ ловчиться дѣлать приемы: каждый стоитъ, опершись на ружье, и думаетъ, конечно, о чемъ-нибудь болѣе интересномъ, чѣмъ монотонное «отъ плеча къ ногѣ» и обратно. Самый видъ людей совсѣмъ не тотъ: тамъ люди точно выхоленные, какъ будто ихъ лучше кормятъ; здѣсь усталый и печальный видъ производить впечатлѣніе болѣзненности. Посмотрите хоть на этого Семенова, котораго сейчасъ бранили: вы найдете его не только безучастнымъ, но даже озлобленнымъ противъ тѣхъ назойливыхъ требованій, которыя ему предъявляютъ. Но вотъ что самое поучительное: въ первой ротѣ вы замѣтили простое ласковое обращеніе съ людьми, а здѣсь — строгое, съ постояннымъ оттѣнкомъ неудовольствія; но тамъ въ ученіи замѣтна дисциплина, а здѣсь она отсутствуетъ. Это вы ясно видите, когда, напримѣръ, послѣ команды «смирно!» люди первой роты молодецки подбираютъ головы и сразу становятся какъ вкопанные; а здѣсь они вяло, какъ бы нехотя, подтаскиваютъ въ надлежащее положеніе ружье и ставятъ головы, какъ нарочно, въ такое положеніе, что всѣхъ ихъ нужно обойти и поправить. Все это, конечно, сопровождается вздохами, которые, по переводѣ на слова, означаютъ: «Господи! когда же все это кончится»?...

Итакъ, успѣхъ занятій съ солдатомъ, какъ въ области развитія, такъ и въ области муштровки, зависитъ не столько отъ количества употребляемаго на нихъ времени, сколько отъ умѣнья развить въ человѣкѣ охоту къ дѣлу и отъ разумной^у эксплуатаціи этой охоты.

Исходя изъ этого вывода, разберемъ подробно нѣкоторые отдѣлы занятій, напримѣръ, въ учебной командѣ.

Гимнастика. Военная цѣль гимнастики—развитіе въ человѣкѣ гибкости членовъ и силы мускуловъ, которое дѣлаетъ его ловкимъ, мощнымъ и рѣшительнымъ въ преодоленіи встрѣчающихся въ бою преградъ. На гимнастику, кромѣ того, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основное упражненіе по отношенію ко всѣмъ другимъ упражненіямъ, требующимъ силы и ловкости. Въ гигиеническомъ отношеніи умѣренная и постепенная гимнастика весьма полезна. Несоблюденіе умѣренности во времени вызываетъ въ человѣкѣ сильную испарину, ослабляетъ его и подвергаетъ частымъ простудамъ ¹⁾, а несоблюденіе постепенности въ силѣ движеній ведетъ къ растяженію жилъ, вывиху рукъ и ногъ, а иногда и къ разрыву внутреннихъ сосудовъ съ серьезными послѣдствіями.

Приступая къ гимнастикѣ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду нравственную сторону—развитіе въ человѣкѣ увѣренности въ своихъ способностяхъ, поработавшей чувство страха, при которой только и возможна непринужденность движенія. Слишкомъ сильное для неопытнаго человѣка движеніе, подвергающее его ушибамъ, можетъ надолго задержать развитіе этого чувства.

Правила держанія корпуса, выбрасыванія рукъ и ногъ и прочее должны быть показаны сначала, но только въ общихъ чертахъ: требованіе точности въ соблюденіи этихъ правилъ, простираемое даже до правильнаго держанія пальцевъ, относится уже къ непринужденному прыжку. Всякая попытка достигать этой точности съ первыхъ шаговъ задерживаетъ раз-

¹⁾ Бронхитъ — самая распространенная болѣзнь въ казармахъ—отъ частыхъ повтореній подвергается опаснымъ осложненіемъ, доводящимъ человѣка до госпиталя и увольненія въ «неспособные».

витіе увѣренности или просто—путаешь человѣка, сбивая его съ колеи.

Попробуйте приказать людямъ, не выполнѣ увѣренно прыгающимъ въ ширину, непременно выбрасывать руки прямыя, наравнѣ съ плечами, обращая кулаки ладонь къ ладони,—и вы сейчасъ же замѣтите, что все вниманіе перейдетъ къ рукамъ или даже къ однимъ пальцамъ, а отталкиваніе отъ подставки—эта основа прыжка, не достигшая еще степени рефлекса, при этомъ можетъ совершенно пропасть. Бываетъ даже такъ, что человѣкъ подбѣжитъ къ подставкѣ, выброситъ по правиламъ руки и въ недоумѣніи остановится. Прежде чѣмъ дѣлать выговоръ человѣку за невниманіе, слѣдуетъ всякій подобный случай анализировать: вниманіе къ мелочамъ можно привлекать только тогда, когда главныя вещи войдутъ человѣку въ привычку, иначе онъ, какъ говорится, весь уйдетъ въ мелочи.

Все сказанное относится не только къ начинающимъ учиться, но и вообще ко всѣмъ людямъ, которыхъ вы желаете подвинуть по гимнастикѣ.

Правильную систему занятій легче всего прослѣдить въ школѣ, обязанной держаться самаго строгаго плана, выполненіе котораго не стѣсняется никакими служебными нарядами, а, именно, въ полковой учебной командѣ. Туда поступаютъ люди, имѣвшіе уже годовую практику; нѣкоторые изъ нихъ даже въ первомъ разрядѣ; но непременно найдутся и отставшіе, у которыхъ въ исполненіи движеній будетъ замѣтна принужденность. Задача состоитъ не только въ томъ, чтобы всѣ люди перешли къ концу курса въ первый разрядъ, но и въ томъ, чтобы они полюбили гимнастику въ родѣ того, какъ народъ любитъ свои національныя игры.

Мы всегда стояли за то, чтобы гимнастика не была для солдата занятіемъ назойливымъ и потому производили ее

именно въ то время, когда человѣку хочется побѣгать, размять свои члены или, какъ говорятъ въ казармахъ, подурачиться. Въ ротѣ такой порядокъ не вполне удобенъ: онъ сопряженъ съ постояннымъ переодѣваніемъ и переноской машинъ; въ учебной командѣ напротивъ: тамъ люди, какъ нарочно, сидятъ въ классахъ въ рубашкахъ, а машины постоянно стоятъ въ свободномъ учебномъ залѣ. Вы приказываете разъ навсегда каждому выходящему изъ класса человѣку направляться въ учебный залъ, пройти всѣ стоящія тамъ машины и затѣмъ уже идти оправляться; а чтобы придать порядокъ этимъ занятіямъ, вы приказываете каждому взводу занимать особую машину и затѣмъ, перемѣняя взводы, продѣлываете по одному разу всѣ упражненія. У каждой машины стоитъ офицеръ или унтеръ-офицеръ, наблюдая за исполненіемъ. На такое занятіе гимнастикой требуется не болѣе четверти часа, что въ суммѣ послѣ трехъ лекцій, составитъ три четверти; а прибавить еще четверть часа приготовительной гимнастики, которая дѣлается передъ началомъ утреннихъ занятій, получимъ цѣлый часъ, котораго вполне достаточно для этихъ упражненій.

Въ виду экономіи во времени, получаемой вслѣдствіе уничтоженія въ расписаніи отдѣльнаго часового урока гимнастики, классныя перемѣны можно увеличить вдвое, чтобы дать людямъ совершенно свободную четверть часа.

Надо видѣть, съ какою живостью бросаются люди изъ класса въ учебный залъ, подпрыгивая и опережая другъ друга, чтобы судить объ удовольствіи, которое доставляетъ имъ эта летучая гимнастика. Людей, перепрыгнувшихъ уже по одному разу, а также слабыхъ, которымъ изъ лазарета данъ отдыхъ, приходится просто выгонять изъ учебнаго зала. На отдѣльномъ часовомъ урокѣ только и слышишь: «выше прыжокъ! сильнѣй толчокъ! да неужели ты не можешь разбѣжаться»?... Здѣсь, напротивъ, — приходится для предосторожности ставить

двухъ человѣкъ, которые подхватываютъ людей, перелетающихъ черезъ подушку ¹⁾. Людямъ слѣдуетъ замѣтить, что они и въ ротахъ были по гимнастикѣ молодцами, но здѣсь требуется сильнѣе и выше прыжокъ, къ которому они будутъ приучаться постепенно. Не увеличивая ширины и не подымая барьера и параллельныхъ брусьевъ, слѣдуетъ добиться отъ нетвердыхъ людей высокаго прыжка на малыхъ разстояніяхъ, а затѣмъ постепенно увеличивать эти разстоянія по вершку и по полвершка въ каждыя двѣ недѣли, пока они не подойдутъ къ первому разряду. Если найдутся охотники перейти первый разрядъ, то этому препятствовать не слѣдуетъ, но такія упражненія лучше дѣлать съ нѣкоторыми предосторожностями: паденіе и ушибъ хорошаго гимнаста дурно отражаются на духѣ всей роты.

Приступая къ гимнастическимъ упражненіямъ, не мѣшаетъ также позаботиться объ устраненіи нѣкоторыхъ виѣшнихъ неудобствъ, которыя отражаются на здоровьѣ людей: такъ, напримѣръ, внутренний край подушки въ ширинѣ непременно долженъ быть мягкимъ и покатымъ, иначе недопрыгнувшій человѣкъ, попавъ на него носками, получить растяженіе жилы или вывихъ въ нижнихъ суставахъ ноги ²⁾. Параллельные брусья должны быть установленныя размѣровъ: при узкомъ разстояніи между брусками человѣкъ зацѣпляется корпусомъ при выпрыгиваніи, а при широкомъ—проваливается и жалуются на боль въ рукахъ.

¹⁾ Обыкновенно люди, лучше другихъ прыгающіе въ ширину, ставятся въ хвостъ взвода: для нихъ подушка отодвигается дальше. Къ концу курса подушка ставится для всѣхъ по первому разряду.

²⁾ Не мѣшаетъ замѣтить, что въ этихъ случаяхъ немедленный слѣж- ный компрессъ спасаетъ человѣка отъ опухоли, а иногда и вовсе устраняетъ боль. Компрессъ слѣдуетъ продержатъ не менѣе часа и затѣмъ уже отправлять человѣка къ врачу. Немедленная отправка къ врачу, сопряженная съ тратой времени, обыкновенно кончается повязкой и недѣльнымъ пребываніемъ человѣка въ лазаретѣ.

Когда люди достаточно разовьют гибкость членовъ, укрѣпятъ мускулы, когда твердость и сила прыжка и устойчивость корпуса при балансированіи войдутъ уже въ привычку, тогда нужно постепенно переводить вниманіе на полную правильность держанія корпуса, выбрасыванія рукъ и ногъ или на такъ называемую шлифовку. Мы считаемъ вполне правильнымъ, если эти требованія будутъ къ концу курса доведены до педантизма.

Ко всему сказанному прибавимъ еще то постоянное вниманіе и ласкающія самолюбіе похвалы, которыми непремѣнно нужно сопровождать всякое проявленіе лихости на гимнастикѣ. Если люди въ свободное отъ занятій время, какъ говорятъ въ казармахъ, балуются на машинахъ, то этотъ духъ слѣдуетъ непремѣнно поддерживать въ виду развитія гимнастики во всемъ полку: выйдя изъ команды, люди переносятъ его въ свои роты.

Вотъ въ общихъ чертахъ та система, которая на нашихъ глазахъ давала наилучшіе результаты.

Еще не мѣшаетъ замѣтить, что есть любители приучать солдата къ выносливости на занятіяхъ въ казармахъ и въ манежѣ. Это дѣло также требуетъ соображенія. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что солдатъ, который устаетъ въ началѣ года послѣ третьяго прыжка, къ концу курса не устанетъ и послѣ десятаго, но только въ томъ случаѣ, если онъ дѣлаетъ гимнастику съ удовольствіемъ: въ занятіяхъ по принужденію, сопряженныхъ съ душевнымъ волненіемъ, человекъ устаетъ вдесятеро скорѣе. Вообще мы полагаемъ, что выносливость удобнѣе всего развивать въ лагеряхъ, на чистомъ и тепломъ воздухѣ и при усиленной порціи, которая всегда дается послѣ большихъ учений. Тамъ солдату приходится дѣлать ту же гимнастику, напримѣръ, во время перебѣжекъ цѣпи, гдѣ онъ долженъ перепрыгивать канавы и вообще преодолевать мѣст-

ныя преграды; но разница въ томъ, что тамъ солдатъ, сильно вспотѣвши, не простуживается, а въ казармахъ то и дѣло приходится слышать тотъ характерный кашель, который является слѣдствіемъ, напримѣръ, вывода вспотѣвшихъ людей изъ манежа. Вообще заботы о здоровьѣ солдата должны стоять на первомъ планѣ во всѣхъ занятіяхъ. Замѣтивъ блѣдность или вообще болѣзненный видъ человѣка, слѣдуетъ давать ему отдыхъ, не дожидаясь заключенія врача. Такіе отдыхи могутъ только способствовать успѣху занятій.

Одинокое строевое обученіе. Недостатки одиночнаго обученія очень легко замѣчаются не только въ теченіе года, но и на всѣхъ послѣдующихъ занятіяхъ: ихъ можно перечислить по пальцамъ на первомъ ротномъ ученѣ, на стрѣльбѣ и прочее. Хотя на ученьяхъ вообще совѣтуютъ не тратить времени на поправку одиночныхъ людей, но въ комъ есть, какъ говорится, военная жилка, тотъ рѣшительно не можетъ удержаться отъ этой поправки, а вообще производить рѣтное ученіе невозможно, если послѣ каждаго перестроенія приходится обращаться къ одиночнымъ людямъ съ слѣдующими замѣчаніями: «у тебя совсѣмъ стойки нѣтъ!—Ты не умѣешь брать на плечо. Развѣ на ходу такъ ворочаются кругомъ?—Развѣ тебя не учили вздвигать ряды?—Какой тамъ человѣкъ нетвердо ставить ногу!—Да вы заходить совсѣмъ не умѣете!» и т. д. Немногому также научите людей и на стрѣльбѣ, если передъ каждымъ новымъ положеніемъ будете суетить солдата замѣчаніями за неправильное держаніе ружья, за незнаніе своего мѣста и прочее, въ то время, когда все вниманіе его должно быть обращено на вѣрность выстрѣла.

Итакъ, лагерныя занятія показываютъ полностью всѣ недостатки зимняго обученія. Только тщательное изслѣдованіе причинъ этихъ недостатковъ во время занятій будущаго

года можетъ дать то, что называется прочными руководящими началами въ постановкѣ обученія.

Перейдемъ къ этимъ причинамъ.

Напрасно нѣкоторые думаютъ, что для успѣшнаго обученія солдата разнымъ нехитрымъ приемамъ достаточно только знать уставныя правила для того, чтобы ихъ постоянно подтверждать солдату или, какъ говорятъ въ казармахъ, «подтверять». Мы безъ всякаго преувеличенія можемъ сказать, что эти правила извѣстны наперечетъ почти каждому рядовому; но попробуйте такого рядового заставить учить новобранца, и вы увидите чистое безобразіе: онъ будетъ безъ всякаго толка кидаться отъ одного упражненія къ другому и не сумѣетъ даже подойти, какъ слѣдуетъ, къ ученику, не говоря уже о какихъ-нибудь сложныхъ приемахъ. Вотъ картина такого обученія: сначала слѣдуетъ голое объясненіе правилъ: «направо нужно ворочаться на правомъ каблукѣ, на лѣвомъ носкѣ по счету—разъ!-два!» и т. д. Затѣмъ произносится команда, которой ученикъ не исполняетъ, и сейчасъ же начинаются выговоры: «чтожъ ты не ворочаешься? Ну, ворочайся жъ! развѣ ты не слышишь команды?.. Слушай—еще разъ объясню: направо нужно ворочаться въ два приема»... Опять команда и опять неисполненіе и выговоры, переходящіе отъ нетерпѣнія въ ругательства.—«И что ты за человекъ, въ самомъ дѣлѣ:—чисто—лошадь!.. Кажется, русскимъ языкомъ объясняю... Слушай, еще объясню»... и т. д. Такая комедія можетъ продолжаться до безконечности, при чемъ робкій солдатикъ, попавшійся къ такому дядькѣ, будетъ считаться идиотомъ, съ которымъ ничего нельзя по-дѣлать.

Итакъ, голое знаніе уставныхъ правилъ не даетъ не только учителя, но даже того дядьки-ремесленника, который можетъ обучать по указаніямъ офицера. Обученіе нижнихъ чиновъ

преподаванію составляет совершенно особый и чрезвычайно важный отдѣлъ въ курсѣ учебной команды, на который, къ сожалѣнію, обращается очень мало вниманія. Если офицеръ долженъ быть въ своемъ дѣлѣ педагогомъ, то его помощники изъ нижнихъ чиновъ должны быть, по крайней мѣрѣ, ремесленниками. Нельзя учить солдата, не будучи знакомымъ съ техникою обученія, не имѣя понятія о такихъ вещахъ, какъ, на примѣръ, послѣдовательность въ упражненіяхъ или обращеніе съ солдатомъ, отвѣчающее интересамъ его здоровья. Независимо отъ этого, дядьки должны имѣть нѣкоторый навыкъ въ обращеніи съ ученикомъ, какъ съ человѣкомъ, и преимущественно съ тѣмъ ученикомъ, которому, какъ говорить, не дается наука. Тутъ нужны не отвлеченныя понятія, которыя служатъ достояніемъ человѣка образованнаго, а именно навыкъ, приобретаемый посредствомъ примѣрнаго обученія. Къ сожалѣнію, на практикѣ смотрится даже на технику обученія очень легко. Кому, на примѣръ, не извѣстна азбучная истина, что нельзя переходить къ слѣдующему упражненію, не утвердившись въ предыдущемъ, на которомъ оно основано; а между тѣмъ это случается въ виду поспѣшности въ занятіяхъ и до того опутываетъ дальнѣйшія упражненія, что съ ними даже невозможно справиться. Примѣръ: шеренгу, которая приобрѣла уже навыкъ равняться на ходу, вы можете обучить захожденію въ одинъ урокъ; безъ этого навыка вы будете имѣть дѣло съ такой путаницей, которая не только не дастъ вамъ пройти это упражненіе, но и отразится на всѣхъ другихъ упражненіяхъ въ видѣ полного строевого безпорядка.

Преждевременные переходы отъ одного упражненія къ другому случаются обыкновенно отъ того, что обучающій не успѣваетъ проходить извѣстныхъ занятій въ тѣ мѣсяцы учебнаго года, которые для нихъ назначены; но если при оди-

наковыхъ условіяхъ въ одномъ мѣстѣ виденъ успѣхъ, а въ другомъ недочеты, то ясно, что въ первомъ случаѣ пользуются ускоряющими дѣло педагогическими приѣмами, а во второмъ—на такіе пустяки, какъ обученіе солдата, смотрятъ свысока.

Переходя къ одиночному обученію въ учебной командѣ, мы должны замѣтить, что этой школѣ придается гораздо меньше значенія въ войскахъ, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ. Этотъ разсадникъ унтеръ-офицеровъ, дающій окраску не только служебному духу нижнихъ чиновъ, но и ихъ казарменной жизни, ихъ нравственности, нуждается если не въ лучшихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ такихъ же воспитательныхъ средствахъ, какъ и всякая строевая рота. Неудача въ управленіи которой-нибудь изъ ротъ отражается только на ней одной и въ большинствѣ случаевъ устраняется, какъ только ротный командиръ приобрѣтетъ опытность; неудача же въ управленіи учебной командой вноситъ вредный элементъ въ составъ цѣлаго полка,—элементъ, который перевоспитать не только трудно, но и поздно.

Между тѣмъ, сравнивая воспитательныя средства роты и команды, мы находимъ въ первой большое преимущество: каждая рота имѣетъ постоянного командира, а большинство ротъ имѣютъ командировъ опытныхъ; учебная команда имѣетъ командира переменнаго, почти каждый годъ новаго и притомъ совершенно неопытнаго по внутреннему управленію, съ которымъ наши субалтернъ-офицеры, какъ извѣстно, почти незнакомы ¹⁾).

Зато въ другихъ отношеніяхъ учебная команда имѣетъ значительныя преимущества: въ ротѣ рѣдко выпадаютъ такіе

¹⁾ Недавно вышедшій законъ устраняетъ этотъ недостатокъ: теперь можно вручить учебную команду самому твердому ротному командиру, не лишая его столовыхъ денегъ.

дни, когда можно привлечь къ занятіямъ всѣхъ людей: городовые караулы и наряды по полку повторяются черезъ нѣсколько дней; ежедневно стоятъ нѣсколько человѣкъ дневальными и уходятъ вѣстовыми; мастеровые участвуютъ въ занятіяхъ только одинъ разъ въ недѣлю, а въ остальные дни ставятся только на полчаса. Иногда случаются экстренныя работы, отвлекающія отъ занятій всю роту. Наконецъ, рота получаетъ презенты въ видѣ отчисляемыхъ въ строй конюховъ, кашеваровъ, огородниковъ, офицерской прислуги и разныхъ нестроевыхъ людей, съ которыми надо начинать съ азбуки. Въ учебной командѣ такихъ неудобствъ не существуетъ; вы можете составить строгій планъ занятій и нисколько не рискуете, что вамъ помѣшаютъ привести его въ исполненіе.

Въ виду большого запаса времени одиночное обученіе въ учебной командѣ не только можно, но даже слѣдуетъ начинать съ азбуки. Солдату, какъ извѣстно, не слѣдуетъ давать ружья, пока онъ не пріобрѣтетъ достаточнаго навыка въ стойкѣ, поворотахъ, на мѣстѣ и на ходу, и въ маршировкѣ. Если съ молодымъ солдатомъ занимаются безъ ружья отъ одного до полутора мѣсяца, то съ людьми, имѣвшими уже практику, достаточно употребить на провѣрку этихъ занятій около трехъ недѣль. Этой провѣркѣ, упускаемой иногда изъ вида въ учебной командѣ, мы придаемъ чрезвычайную важность. Попробуйте поставить недостаточно твердыхъ людей сразу на ружейные приемы, и вы увидите, что всѣ занятія сведутся на выправку стойки и поворотовъ; но разница въ томъ, что эта выправка будетъ вдесятеро труднѣе съ ружьемъ, которое будетъ только мѣшать. Какой же смыслъ заниматься ружейными приемами, когда неправильность положенія корпуса человѣка будетъ настолько васъ беспокоить, что вы на время совершенно забудете о ружьѣ.

Самое обученіе слѣдуетъ вести такъ, чтобы оно не надоѣдало солдату. Лучше всего, раздѣливъ взводъ на двѣ шеренги, съ одной заниматься, а съ другой—давать оправляться и наоборотъ ¹⁾. Всѣ приемы проходятся по раздѣленіямъ и провѣряются поодиночно. Установка ружей въ цѣлой шеренгѣ и размѣръ выдержки между приемами принадлежатъ къ слѣдующимъ занятіямъ и достигаются очень легко, когда оди-
ночное держаніе и переносъ ружья станутъ правильными.

Ходъ занятій приблизительно такой: задавшись извѣстнымъ упражненіемъ, вы берете въ руки ружье и напоминаете людямъ правила посредствомъ показа. Такъ какъ навыкъ въ ружейныхъ приемахъ, кромѣ ловкости въ переносахъ ружья, заключается, между прочимъ, и въ привычкѣ руки къ извѣст-
нымъ ощущеніямъ при обхватѣ частей ружья, то этому обхвату не мѣшаетъ удѣлять нѣсколько минутъ передъ началомъ при-
емовъ. Такъ, напримѣръ, обучая приему «на-плечо», слѣдуетъ заставить человѣка взять ружье въ произвольное положеніе и нѣсколько половчиться сразу обхватывать его правой рукой въ надлежащемъ мѣстѣ, а затѣмъ смотрѣть—вѣрно ли обхва-
тилъ. Кто научится вѣрно обхватывать, не глядя на ружье, тотъ не ошибется и во время приема; а этотъ обхватъ—вещь довольно сложная: тамъ каждому пальцу прописано въ уставѣ свое мѣсто. Конечно, это упражненіе не имѣетъ такого значенія въ учебной командѣ, какъ, напримѣръ, при обученіи новобранцевъ: заставляя совершенно неумѣющаго человѣка учиться обхватывать ружье вмѣстѣ съ правильнымъ переносомъ, вы раздвигаете его вниманіе и этимъ очень задерживаете
утвержденіе навыка.

Переносъ ружья требуетъ нѣкоторыхъ сноровокъ, изъ ко-

¹⁾ Съ каждымъ взводомъ занимается офицеръ или унтеръ-офицеръ. Если есть лишніе учителя, то можно заниматься по отдѣленіямъ.

торыхъ многія вовсе не предусмотрѣны уставомъ ¹⁾). Людямъ, занимающимся обученіемъ, хорошо извѣстны эти сноровки; онѣ тоже требуютъ отдѣльныхъ упражненій, при которыхъ человекъ на время долженъ вовсе забывать о цѣломъ приѣмѣ. Весьма понятно, что при дальнѣйшихъ упражненіяхъ, когда человекъ сдѣлается вообще болѣе ловкимъ, надобность въ такомъ размельченіи упражненій уменьшается.

Итакъ, занявшись минутъ десять съ первой шеренгой, вы даете людямъ оправиться и обращаетесь къ нимъ приблизительно съ такимъ совѣтомъ: «когда отдохнете, ловчитесь сами и провѣряйте одинъ другого: вы люди разумные — можете и сами научиться. Когда ловчишься, непременно самъ себя скомандуй и держи счетъ про себя, чтобы не мѣшать товарищамъ; про себя командуй коротко, иначе не научишься, потому что приѣмъ будетъ выходить вялый... Черезъ четверть часа приду посмотрю — какъ наловчились»...

Провѣривъ вторую шеренгу, возвращаетесь къ первой и заставляете людей продѣлать заданное. Окончивъ провѣрку, объявляете: «кто сдѣлалъ вѣрно, ступай домой и отдыхай до слѣдующаго занятія (по расписанію), а хочешь — садись въ классъ и читай книжку: вамъ больше нечего здѣсь дѣлать, — молодцы!»! Остальные люди снова ловчатся и провѣряются; кто сдѣлалъ вѣрно — отпускается.

Такой порядокъ занятій вызываетъ на первыхъ же порахъ необычайное соревнованіе; люди, отпущенные домой, лихо бегутъ «къ ногѣ» и ставятъ на мѣста свои ружья; не только

¹⁾ Солдатъ можетъ, напримѣръ, совершенно правильно взять «отъ ноги на плечо», но со стукомъ, устраненіе котораго въ уставѣ не предусмотрено. Сноровка, устраняющая этотъ стукъ, заключается въ томъ, что солдатъ подхватываетъ у плеча ружье не сразу всей пятерней лѣвой руки, а сначала мякотью между большимъ и указательнымъ пальцами. Если требованіе мягкости въ приѣмахъ существуетъ, то наша обязанность находить легчайшія средства къ его устраненію.

въ выраженіи лицъ, но даже въ бравой походкѣ этихъ людей вы ясно видите чувство удовольствія. Люди, оставленные на занятіяхъ, нисколько не обижаются и не падаютъ духомъ, а причина этому очень простая: вы не придаете этому видъ наказанія; вы ласковы съ ними и нисколько на нихъ не сердитесь за отсталость. Если начальникъ бываетъ недоволенъ людьми только за отсутствіе старанія, а не за то, что они не умѣютъ чего-нибудь сдѣлать, то люди отлично это понимаютъ и цѣнятъ. Только при такихъ условіяхъ самое скучное изъ казарменныхъ занятій—ружейные приемы—не только не обращается для солдата въ гнетъ, а, напротивъ, представляетъ для него нѣкоторый интересъ въ смыслѣ самолюбія.

Впослѣдствіи, когда будете устанавливать ровность въ шеренгѣ и командовать нѣсколько приемовъ подъ рядъ, вамъ придется отпускать домой только тѣхъ людей, которые ни на одномъ приемѣ не получаютъ замѣчанія.

Если замѣтите выдающуюся неудачу, сопровождаемую упадкомъ духа, что въ учебной командѣ случается очень рѣдко, слѣдуетъ нарочно замѣтить что-нибудь хорошее, похвалить человека и отпустить домой. Это непременно развеселитъ его. Если замѣтите, что вся шеренга учится въ какой-нибудь день особенно удачно, слѣдуетъ распустить ее всю, сказавъ при этомъ какое-нибудь веселое похвальное слово, до котораго солдаты большіе охотники.

Вотъ приблизительно та система занятій, за которую мы стоимъ. Пожалуй, намъ могутъ возразить, что она сопряжена съ нѣкоторымъ безпорядкомъ: часть людей стоитъ на занятіяхъ, а часть отпущена. Но, во-первыхъ, надо замѣтить, что отпускается небольшой процентъ; во-вторыхъ, дай Богъ, чтобы такихъ безпорядковъ было побольше, ибо внѣшнимъ порядкомъ на одиначномъ ученіи часто покрываются не только недо-

статки преподаванія, но и такія вещи, какъ, напримѣръ, слабость дисциплины. Къ счастью, современные командиры хорошо знаютъ своихъ офицеровъ и всегда сумѣютъ опредѣлить степень заботливости ротнаго командира независимо отъ показной стороны.

Подготовка къ восьмирядному ученью. Къ числу выдающихся ошибокъ въ занятіяхъ учебной команды слѣдуетъ причислить слишкомъ раннія восьмирядныя ученья. Мы считаемъ въ высшей степени неумѣстнымъ держать на ногахъ всю роту, обучая людей командовать отдѣленіями и взводами, когда они еще не умѣютъ командовать однимъ человѣкомъ. Восьмиряднымъ ученьямъ долженъ предшествовать цѣлый рядъ мелкихъ упражненій, которыхъ навѣрно хватитъ на двѣ трети учебного года. Къ этимъ упражненіямъ относятся: громкое и отчетливое произнесеніе командныхъ словъ; продолжительная практика въ командованіи поворотовъ, сначала на мѣстѣ, потомъ на ходу, сначала одному человѣку, потомъ нѣсколькимъ; практика въ командованіи ружейныхъ приемовъ; выработка быстрого и вѣрнаго глаза для поправки одного человѣка и для приведенія въ порядокъ разстроившейся шеренги, на мѣстѣ и на ходу (умѣнье скоро поправить стойку, ружья, равеніе и указать спутавшимся людямъ мѣста) и много другихъ мелкихъ упражненій, требующихъ полнаго навыка. вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ обучается также хорошему обращенію съ ученикомъ, что вырабатываетъ изъ него толковаго учителя. Безъ этихъ предварительныхъ упражненій вамъ придется держать на ногахъ всю роту и вмѣсто дѣйствительнаго восьмиряднаго ученья придется заниматься только одними замѣчаніями за негромкую и неотчетливую команду, за неумѣлый выходъ унтеръ-офицера для команды и за многія другія вещи, которыя относятся къ одиночному обученію. Нечего и говорить, что неподготовленный человѣкъ, прежде чѣмъ заботиться о вѣрной командѣ,

всегда будет думать о томъ, съ какой ему ноги выходить и какую приставлять, и всегда скомандуетъ не то, что надо.

Такъ какъ наибольшаго навыка требуетъ знаніе командирами своихъ мѣстъ, то съ самаго начала года слѣдуетъ пользоваться всякимъ случаемъ, напримѣръ: утреннею прогулкою, передвиженіемъ роты изъ казармъ въ манежъ, чтобы приучать людей ходить за взводныхъ и отдѣленныхъ начальниковъ. Для этого ежедневно слѣдуетъ дѣлать новый расчетъ, назначая поочереди каждый разъ новыхъ людей на унтеръ-офицерскія и ефрейторскія мѣста.

Мы совсѣмъ не одобряемъ употребленія на восьмирядномъ ученіи палокъ, которыя даютъ возможность составлять изъ команды двѣ роты. Палки не даютъ практики глазу взводнаго командира, который всегда будетъ видѣть передъ собою прямую линію, тогда какъ въ дѣйствительности взводъ долженъ разстраиваться послѣ неудачной или небрежной команды.

Прежде чѣмъ собирать на восьмирядное или, вѣрнѣе, ротное ученіе всю команду, слѣдуетъ заняться повзводно, составивъ изъ каждаго взвода одношереножную полуроту. Это занятіе должно имѣть цѣлью утвердить выходъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ для поданія команды, а также при всѣхъ поворотахъ. Здѣсь же можно заняться практическимъ указаніемъ способовъ равненія, держанія дистанцій между частями колонны, приемовъ при захожденіи и прочее. Затѣмъ каждый изъ людей долженъ обучиться какъ можно тверже вводить въ колонну и изъ колонны въ линію свою часть. Всѣ остальные построенія, входящія въ ротное ученіе, могутъ быть пройдены безъ особенныхъ затрудненій въ двухшереножномъ ротномъ строю.

Чтобы дать возможность всѣмъ людямъ получить одинаковую практику, слѣдуетъ держать строгую очередь взводнымъ и отдѣленнымъ начальникамъ и даже вести списокъ съ от-

мѣтками, сколько разъ каждый человѣкъ былъ на практикѣ. За мѣсяцъ до окончанія курса въ этихъ отмѣткахъ надобности не будетъ, такъ какъ вамъ придется заниматься только съ отсталыми людьми.

Вотъ въ краткихъ словахъ подготовка къ восьмириадному ученью.

Намъ кажется, что предлагаемая нами система достаточно уже выяснена, а потому не представляется надобности говорить о примѣненіи ея ко всѣмъ остальнымъ отдѣламъ одиночнаго обученія; но не можемъ не замѣтить, что никакая система не дастъ прочной подготовки солдату, если обучающій, не вникая въ сущность дѣла, будетъ стремиться только къ одному смотровому эффекту. Къ счастью, современные командиры дѣлаютъ смотръ далеко не такъ, какъ они дѣлались прежде, а потому, не взирая на многіе недостатки въ современномъ обученіи солдата, мы все-таки должны замѣтить, что дѣло это несомнѣнно прогрессируетъ.

Въ заключеніе мы съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ, что во многихъ частяхъ войскъ вопросы о солдатскомъ воспитаніи подвергаются офиціальнымъ обсужденіямъ въ офицерскихъ собраніяхъ съ участіемъ командировъ частей. Выражаемъ глубокую признательность гг. офицерамъ, авторамъ многихъ полученныхъ нами сообщеній, въ которыхъ встрѣчаются очень интересныя возраженія по поводу нашихъ замѣтокъ. Многія изъ оригинальныхъ мыслей, встрѣчаемыхъ въ письмахъ гг. офицеровъ, мы имѣемъ въ виду подвергнуть особому разбору.

Н. Бутовскій.

10-го декабря 1907 г.
г. Иркутскъ.

06681-III

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Воспитательныя задачи командира роты	17
Нѣсколько соображеній по поводу винной солдатской порціи	66
По поводу статьи: «Командованіе отдѣльной частью»	76
Школа грамотности и преподаваніе уставовъ въ войскахъ	102
Зимнія занятія въ казармахъ и манежѣ	143

ПОСТОЯННО ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Объявленный циркуляромъ Главнаго Штаба 1907 г. № 339

Журналь для нижнихъ чиновъ

II годъ
изданія.

„ВИТЯЗЬ“.

II годъ
изданія.

50 номеровъ въ годъ.

Витязь ставитъ своей задачей развить умственный кругозоръ нижняго чина, сообщая ему полезныя свѣдѣнія о военномъ дѣлѣ, излагая путемъ бесѣды знанія общеобразовательнаго характера и возбуждая у солдатъ интересъ и любовь къ чтенію.

Цѣль Витязя установить вполне ясный и твердый взглядъ на понятія о долгѣ, трудѣ и чести, внушить солдату сознательное отношеніе къ дѣлу и утвердить его въ преданности Царю и Отечеству.

Редакторъ-издатель *В. Березовскій.*

Отзывъ изъ газеты „РУССКОЕ ЧТЕНІЕ“ 1907 г. № 103
Только что вышелъ № 16 журнала для нижнихъ чиновъ „ВИТЯЗЬ“.

„Невольно хочется сказать о немъ нѣсколько похвальныхъ словъ. Статьи и замѣтки интересны и понятны для нашихъ солдатъ. Отличные рисунки. Искренно и горячо советуемъ широко выписывать этотъ прекрасный еженедѣльный журн. для солдатъ въ роты, эскадр., батар. и ком.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 4 р. — к.

На 1/2 года 2 р. 50 к.

За границу 6 р. — к.

Доставившему 10 экземпляровъ—одиннадцатый бесплатно.

За перемѣну адреса 28 коп.

Адресъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Въ редакцію „ВИТЯЗЬ“.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

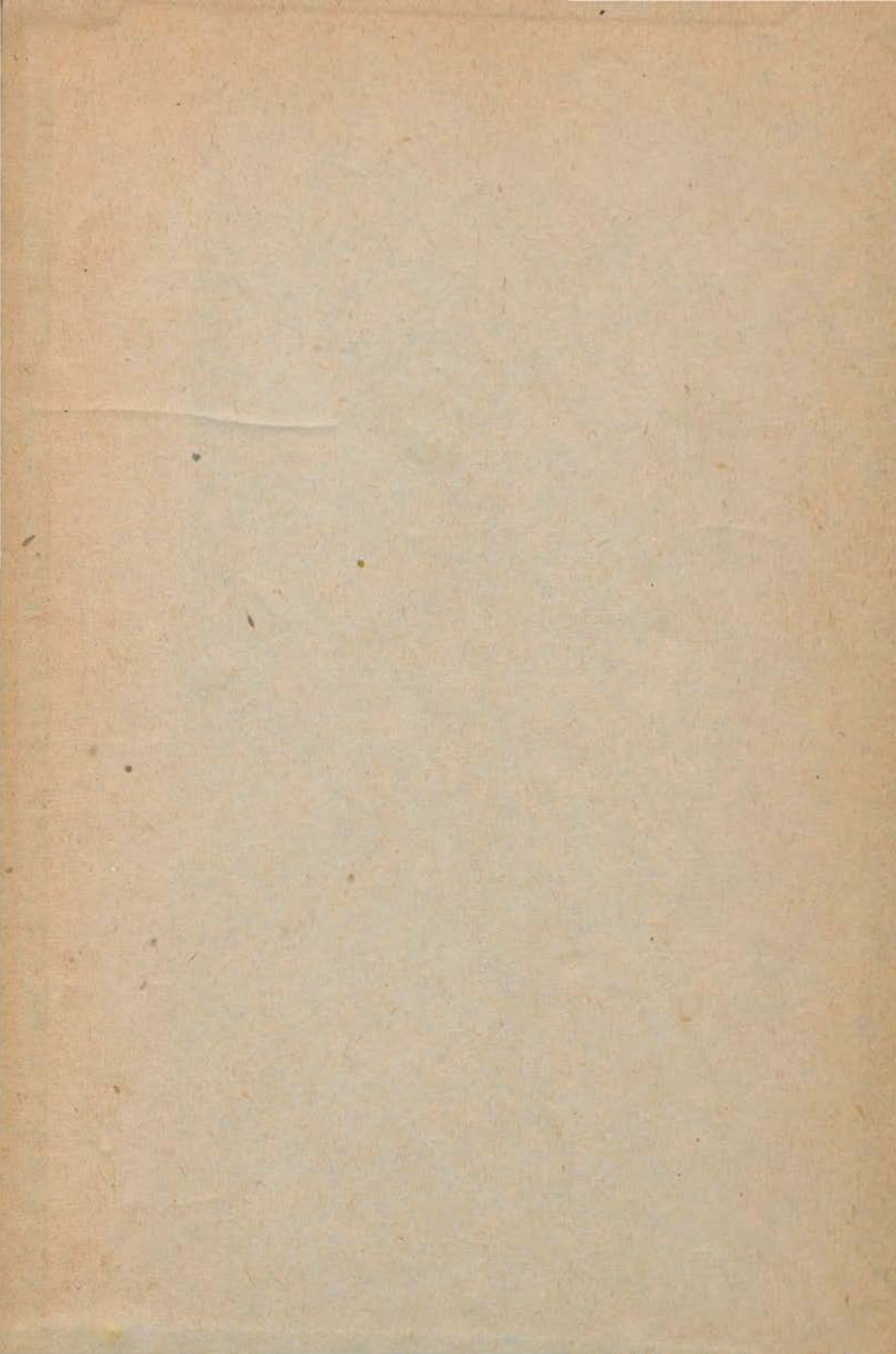
Н. БУТОВСКАГО.

О подготовкѣ учителей молодыхъ солдатъ, 4-е изд.	40 к.
О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата.	
Томъ I. Изд. 4-е	80 к.
Томъ II. Изд. 3-е	85 к.
О производствѣ ротныхъ учений. Изд. 2-е	30 к.
Промахи молодого офицера	30 к.
Прежняя служба и настоящая	40 к.
Отецъ-командиръ	40 к.
Новое направленіе въ смотровыхъ требованіяхъ	40 к.
Очерки современнаго офицерскаго быта (офицерскіе типы).	
	50 к.
Командиры (типы современныхъ начальниковъ, положитель-	
ные и отрицательные)	50 к.
Наши солдаты (типы военныхъ людей нашего времени въ	
рисункахъ, очеркахъ и сценахъ), 2-е изданіе	1 р.
Статьи на современныя темы	1 р.
Пособіе для составленія аттестацій	50 к.

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., № 14.

2011096608